Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых»

На правах рукописи

АСАДОВ Раму Беюкханович

ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ (ТЕОРИЯ, ТЕХНИКА, ПРАКТИКА)

Специальность: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Третьякова Ольга Дмитриевна

Владимир – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....4

Глава 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ.....29

1.1 Понятие и сущность юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании..... 29

1.2 Методология юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании..... 40

1.3 Механизм юрислингвистической конвергенции правового регулирования отношений.....50

1.4. Соотношение юрислингвистической конвергенции и юрислингвистической дивергенции в правовом регулировании..... 82

Глава 2 ТЕХНИКА ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ..... 97

2.1 Общая характеристика техники юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании..... 97

2.2 Средства техники юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании..... 111

2.3 Правила и приемы техники юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании..... 121

Глава 3 ЗАПАДНЫЕ РЕТРОСПЕКТИВЫ И ВОСТОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....164

3.1 Критерии эффективности юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании..... 164

3.2 Практика юрислингвистической конвергенции и дивергенции в правовом регулировании с западными правовыми системами..... 177
3.3 Восточные перспективы юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании..... 191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 211
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 218

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная правовая действительность развивается в условиях стремительной трансформации коммуникационных форм, где язык права становится не только средством выражения воли законодателя, но и фактором формирования правового сознания. Сложные процессы глобализации, цифровизации и цивилизационного размежевания приводят к тому, что эффективность правового регулирования напрямую зависит от качества языкового выражения нормы. В этих условиях вопрос юрислингвистической конвергенции приобретает не просто научное, а стратегическое значение – как механизм обеспечения смысловой совместимости правовых систем и сохранения национальной идентичности юридического языка.

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления традиционных представлений о соотношении языка и права в контексте глобальных изменений структуры правовой коммуникации. Сегодня все большее значение приобретает юрислингвистическая конвергенция – процесс согласования языковых средств выражения правовых норм при сохранении ценностного ядра каждой правовой системы. Именно в языке проявляется предел сближения правовых культур: нарушение семантического баланса способно деформировать не только смысл нормы, но и структуру правового мышления.

Российская правовая система переживает этап активной адаптации к новым международным и технологическим реалиям. С одной стороны, усиливаются интеграционные процессы в евразийском и восточном направлениях, требующие согласования терминологии и концептов. С другой – возрастает влияние цифровых технологий, стандартизирующих юридический язык и тем самым изменяющих саму природу правотворчества. В этих условиях язык права перестает быть нейтральным посредником: он становится инструментом правового позиционирования государства и фактором обеспечения правового суверенитета.

Следовательно, исследование механизмов юрислингвистической конвергенции имеет не только теоретическую, но и прикладную значимость.

Необходимость системного изучения юрислингвистической конвергенции также связана с возрастающими рисками смысловых коллизий и терминологической неопределенности в правотворчестве. Отсутствие единой методологии оценки качества юридического языка, разнородность терминологических систем и несогласованность дефиниций между национальными и международными актами приводят к искажению воли законодателя. Это требует разработки научно обоснованных подходов, обеспечивающих лексическую и семантическую устойчивость правовой нормы. Именно юрислингвистическая конвергенция способна стать инструментом согласования языка и смысла в правовом регулировании, что делает ее исследование своевременным и востребованным.

На современном этапе развития правовых систем наблюдается не только внешняя, но и внутренняя дивергенция правового языка, выражающаяся в расхождении смыслов между нормативными текстами, доктринальными интерпретациями и правоприменительной практикой. Языковая неоднородность правового пространства приводит к снижению эффективности правового регулирования, усложняет реализацию принципа правовой определенности и подрывает доверие к праву как инструменту социальной коммуникации. В этих условиях юрислингвистическая конвергенция выступает необходимым условием восстановления когерентности правовой системы – через выработку единых языковых критериев, обеспечивающих гармоничное взаимодействие законодательства, правоприменения и правосознания.

Междисциплинарная природа исследуемого феномена определяет особую актуальность его теоретико-методологического осмысления. Современное право все чаще рассматривается как система знаков и смыслов, а не только норм и институтов, что требует обращения к лингвистическим категориям при анализе юридических явлений. Однако традиционные юридико-догматические подходы зачастую оказываются недостаточными для описания процессов смыслового

взаимодействия правовых текстов. Необходима новая исследовательская оптика – юрислингвистическая, позволяющая выявлять закономерности конвергенции смыслов и языковых форм в механизме правового регулирования.

Особое значение данная проблематика приобретает в контексте расширения взаимодействия российской правовой системы с другими цивилизационно-правовыми моделями – западной и восточной. Эти модели оперируют различными лингвокогнитивными основаниями: для западного права характерна доминанта индивидуалистической семантики, для восточного – ценностно-реляционная. Российская правовая культура традиционно стремится к синтетическому равновесию между ними. Юрислингвистическая конвергенция становится тем интеллектуальным механизмом, который позволяет осуществлять смысловое согласование этих моделей без утраты национального правового кода.

Одновременно усиливаются процессы цифровой медиатизации юридического языка. Использование формализованных алгоритмов юридико-технического анализа при подготовке нормативных актов и при разработке государственных автоматизированных систем постепенно трансформирует структуру юридической речи, упорядочивает понятийный аппарат и приводит к своеобразному «технологическому выравниванию» языка права. В результате возникает необходимость выработки теории, способной объяснить и урегулировать этот процесс – теории юрислингвистической конвергенции, соединяющей философско-правовые, лингвистические и технические параметры регулирования.

Соответственно, актуальность темы исследования определяется не только внутренними потребностями развития отечественной теории права, но и вызовами, исходящими из новой коммуникационной реальности. Право перестает быть исключительно нормативной системой и превращается в языково-символическую конструкцию, через которую общество осмысливает свои отношения, и через это осмысление осуществляется их регулирование. Понимание механизмов юрислингвистической конвергенции необходимо для сохранения целостности правовой системы в условиях глобальной многозначности и смыслового

релятивизма. В этой связи актуальность исследования проявляется в ряде взаимосвязанных аспектов – социальных, теоретических и правоприменительных, каждый из которых раскрывает разные грани обозначенной проблемы.

Социальный аспект. Язык права выступает одним из ключевых факторов устойчивости правового порядка. Терминологическая неопределенность, смысловые расхождения и семантическая нестабильность нормативных актов снижают уровень доверия к правовой системе и деформируют правосознание. В этих условиях юрислингвистическая конвергенция служит средством восстановления когерентности правовой коммуникации и одновременно – инструментом сохранения национальной правовой идентичности. Это обусловлено тем, что именно язык фиксирует базовые для правовой культуры ценности и категории; согласование языковых форм при взаимодействии с иными правовыми системами позволяет адаптировать внешние элементы без утраты концептуального ядра отечественного права. Тем самым конвергенция обеспечивает возможность межкультурного правового взаимодействия при сохранении национальных особенностей правовой системы и предотвращает ее размывание в условиях международной правовой коммуникации.

Доктринальный аспект. В отечественной юриспруденции отсутствует целостная концепция, раскрывающая закономерности сближения языка права и механизма правового регулирования. Исследования юридического языка, юридической техники, семиотики и герменевтики освещают проблему фрагментарно. Разработка теории юрислингвистической конвергенции восполняет этот пробел, позволяя понять язык права как структурообразующий элемент правовой материи и объяснить трансформацию юридического смысла на стадиях правотворчества и правореализации.

Правотворческий и правоприменительный аспект. Современное нормотворчество развивается в условиях интенсивного обновления юридического языка. В языке права все чаще используются межотраслевые понятия, термины смежных наук и новые языковые конструкции, что усложняет систему смысловых связей внутри законодательства. При этом возрастает риск размывания

терминологической определенности и ослабления единства содержания права. В таких условиях особое значение приобретает обеспечение языковой и смысловой согласованности нормативных текстов.

Юрислингвистическая конвергенция ориентирована именно на это: она способствует формированию языка права, устойчивого к произвольным интерпретациям, внутренне последовательного и концептуально выверенного. Это, в свою очередь, влияет не только на качество правотворчества, но и на правоприменение: единообразие юридического языка снижает вероятность расхождений в судебных толкованиях, сокращает объем интерпретационных ошибок и повышает предсказуемость применения нормы.

Дополнительную значимость этот процесс приобретает в условиях цифровой трансформации и расширяющегося международного взаимодействия: автоматизированные системы правовой информации и многоязычные нормативные массивы требуют большей стандартизации терминологии и согласованности языковых моделей, что делает юрислингвистическую конвергенцию необходимым инструментом устойчивости современного правового регулирования.

Таким образом, изучение юрислингвистической конвергенции способствует формированию целостного представления о праве как коммуникативной системе, в которой язык становится не просто средством выражения, а инструментом построения правовой реальности. Это придает исследованию стратегическую значимость для развития современной теории права и укрепления смысловой целостности российского правового пространства.

Степень разработанности темы исследования. Корпус научных исследований, соотносимых с предметом диссертации, достаточно обширен и носит междисциплинарный характер. Вместе с тем степень разработанности темы юрислингвистической конвергенции не может быть признана соответствующей ее фактической теоретико-правовой и практической значимости. Юридические и филологические работы, связанные с тематикой настоящего исследования, с известной долей условности можно разделить на три группы: посвященные общим

вопросам конвергенции и сравнительного правоведения; фундаментальные исследования, сформировавшие методологические и общетеоретические основания концепции юридической конвергенции; труды в области юридической лингвистики (юрислингвистики), рассматривающие язык права и юридический дискурс.

К работам, относящимся к первой группе, следует отнести исследования, посвященные конвергенции правовых систем и сравнительному правоведению. Прежде всего это труды К. Цвайгерта и Х. Кетца, Р. Давида и К. Жоффре-Спинози, А. Х. Саидова, в которых анализируется типология правовых семей, формы взаимодействия национальных правовых систем, проблемы гармонизации и унификации права[1]. К данной группе относятся также работы российских авторов, специально обращающихся к феномену правовой конвергенции, – Н. М. Коршунова, Ю. А. Клочковой, М. В. Захаровой, Ю. С. Безбородова, О. Д. Третьяковой и др.[2] В них конвергенция рассматривается как закономерный результат взаимодействия правовых систем, как фактор их сближения и гармонизации, причем подчеркиваются как интегративный потенциал конвергентных процессов, так и их пределы. Однако языковое измерение конвергенции – сближение правовых языков, терминологических систем и моделей юридического текста – в этих работах затрагивается лишь эпизодически и не становится самостоятельным предметом анализа.

---

[1] См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. М.: Международные отношения, 1998. Т. 1. 478 с.; Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Международные отношения, 1999. 398 с.; Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под ред. В. А. Туманова. М.: Юристъ, 2003. 448 с.;

[2] См., например: Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. 238 с.; Клочкова Ю. А. Правовая конвергенция и дивергенция в условиях глобализации: теоретико-методологические аспекты // Философия права. 2010. № 2. С. 41–44; Клочкова Ю. А. Конвергенционные правовые системы как результат современной глобализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 4. С. 6–10; Захарова М. В. Сравнительное правоведение: вопросы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2014. 156 с.; Безбородов Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 433 с.; Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: теория, технология, практика: монография / под ред. Р. Б. Головкина. М.: Центр современных образовательных технологий, 2011. 342 с.

Ко второй группе относятся фундаментальные исследования, заложившие методологическую и понятийную основу изучения конвергенции в праве. Это, прежде всего, труды С. С. Алексеева, Д. А. Керимова, Н. И. Матузова, А. В. Малько, В. М. Баранова, В. М. Сырых и других представителей общей теории права, в которых разработаны категории правового регулирования, механизма действия права, правовых средств, юридической техники, соотношения права с иными социальными регуляторами[1]. Особое место занимают диссертационное исследование О. Д. Третьяковой и ее последующие монографии, обосновывающие концепцию юридической конвергенции как самостоятельного направления общей теории права, а также предлагающие ее методологические основания и понятийный аппарат[2]. Указанные работы позволяют рассматривать конвергенцию не только как внешнее сближение правовых систем, но и как процесс внутреннего взаимодействия элементов системы права и правового регулирования. В то же время юрислингвистический аспект конвергенции – специфика трансформации языка права в условиях сближения правовых систем – в них специально не выделяется.

Третью группу образуют труды, посвященные анализу языка права и юридического текста как самостоятельного и одновременно инструментального элемента правового регулирования. Исходной точкой настоящего исследования послужили работы В. Ю. Туранина[3], в которых язык права рассматривается как средство обеспечения содержательной определенности нормы права и повышения

---

[1] См., например: Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010; Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права: монография. 6-е изд. М.: Издательство СГУ, 2011. 520 с.; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 776 с.; Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. 648 с.; Сырых В. М. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с.

[2] См., например: Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. 445 с.; Третьякова О. Д. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций. Владимир: Издательство ВлГУ, 2019. 320 с.

[3] См., например: Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования: монография. М.: Издательство СГУ, 2010. 259 с.; Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 437 с.

качества законодательства. Ученым обосновывается взаимосвязь языка права, механизма правового регулирования и юридической техники, что позволяет рассматривать юридический язык в качестве одного из факторов, определяющих эффективность правового регулирования общественных отношений. Данная идея получила развитие в работах Т. А. Васильевой, Н. А. Власенко, Т. В. Губаевой, Л. Н. Лыковой, В. В. Оглезнева, М. А. Ревазова, Е. В. Скурко, И. Б. Тарасевича, А. Н. Шепелева, И. В. Юсиповой и др.[1], в которых анализируются различные аспекты функционирования юридического языка в правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности.

Особое значение имеет монография А. Ф. Черданцева «Логико-языковые феномены в юриспруденции»[2], в которой юридический текст анализируется через призму логико-языковых феноменов, а правовое регулирование трактуется как процесс движения правовой информации; при этом понятия, термины, нормы и юридические конструкции рассматриваются как основные способы ее языкового выражения и структурирования.

Отдельного внимания заслуживает коллективная монография «Язык права: доктрина, практика, тенденции развития»[3], где М. В. Баранова в рамках технико-юридического подхода рассматривает особенности законодательного дефинирования юридических терминов и их значение для эффективности

---

[1] См.: Васильева Т. А. Как написать закон. М.: Юрайт, 2012. 148 с.; Власенко Н. А. Язык права: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2024. 176 с.; Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2004. 160 с.; Лыкова Л. Н. Генезис языка права: начальный этап: на материале французских и русских документов X–XV веков: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 48 с.; Оглезнев В. В. Теория юридического языка в философии права Г. Харта: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Томск, 2012. 39 с.; Ревазов М. А. Конституционные требования к языку нормативных актов и их применение в судебной практике: в 2-х т.: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2023. Т. 1. 272 с.; Скурко Е. В. Язык права. М.: Юрлитинформ, 2022. 144 с.; Тарасевич И. Б. Адекватность языка закона: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 28 с.; Шепелев А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2002. 217 с.; Юсипова И. В. Право и язык в механизме обеспечения прав человека: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 180 с.

[2] Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. 319 с.

[3] Язык права: доктрина, практика, тенденции развития: монография / М. В. Баранова, Ю. А. Гаврилова, М. Л. Давыдова [и др.]. М.: Русайнс, 2021. 140 с.

правового регулирования. Следует также отметить монографию М. Л. Давыдовой[1], посвященную нормативно-правовому предписанию и особенностям его технико-юридического оформления. Указанные положения получили дальнейшее развитие в работах А. С. Аверина, А. А. Арнаутовой, Л. Ю. Василенко, М. Е. Воробьевой, Ю. А. Гавриловой, О. А. Коротковой, Н. Ю. Мартышко, В. И. Поповской и др.[2]

Формирование юридической лингвистики (юрислингвистики) как междисциплинарного направления связано с исследованиями языка права и юридического текста, рассматриваемого как объект правового и лингвистического анализа, что позволяет выявлять особенности его интерпретации, структуры и функционирования в правовой коммуникации.

Важную роль в становлении юрислингвистики играют работы Н. Д. Голева (вставлю несколько сносок), в которых формулируются основные положения теории юрислингвистики и определяется круг ключевых проблем анализа юридического языка; в диссертационном исследовании М. Е. Воробьевой (вставлю сноску) юридический язык рассматривается с точки зрения его интерпретационного функционирования в обыденном сознании на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка[3].

---

[1] Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. 213 с.

[2] Василенко Л. Ю. Лингвокогнитивный анализ аргументации в тексте судебного решения: дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 191 с.; Мартышко Н. Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 201 с.; Поповская В. И. Коммуникативно-прагматический потенциал юридических текстов: фактор адресата (на материале текстов законов РФ): дис. … канд. юрид. наук. 2025. 215 с.; Аверин А. С. Англоязычный популярно-юридический дискурс: жанровые, семантические и прагматические особенности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 23 с.; Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 24 с.; Короткова О. А. Экспертиза законопроектов и законодательных актов: теоретико-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 179 с.; Арнаутова А. А. Экспертиза проектов нормативных правовых актов в системе средств повышения их эффективности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 184 с.

[3] См.: Голев Н. Д. Юрислингвистика: вводный очерк теории. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. 214 с.; Голев Н. Д., Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017. 117 с.; Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021. 423 с.; Зиянгирова Е. Л. Основные тенденции развития терминологического инструментария метаязыка юрислингвистики: автореф. дис. … канд. филол.

Однако, несмотря на наличие значительного массива исследований, посвященных языку права и юридическому тексту, юрислингвистическая конвергенция до настоящего времени не получила целостного теоретического осмысления. Существующие научные подходы, как правило, фокусируются на отдельных правовых или лингвистических аспектах языка права, не рассматривая закономерности его сближения с иными правовыми дискурсами и правовыми системами в рамках единой концепции. Это обусловливает необходимость разработки общетеоретических положений, направленных на исследование взаимодействия права и языка в условиях конвергентных процессов.

Объект исследования: комплекс общественных отношений, складывающихся в процессе юридической коммуникации и обусловленных взаимодействием языковых и правовых механизмов, отражающих закономерности юрислингвистической конвергенции в современном правовом пространстве.

Предмет исследования: юрислингвистическая конвергенция как процесс и результат взаимного влияния права и языка, проявляющийся в формировании целостного понятийно-терминологического аппарата языка права, в совершенствовании юридической техники и в обеспечении смысловой определенности и предсказуемости правоприменения.

Цель исследования – установление закономерностей юрислингвистической конвергенции, разработка на этой основе теоретической модели юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании, раскрывающей ее природу и механизм и определяющей средства, правила и приемы юридической техники, а также критерии ее эффективности, обеспечивающие реализацию языковой и смысловой согласованности правотворчества и правоприменения.

Для достижения цели следует решить ряд научно-исследовательских **задач**:

– выявить сущностные признаки и раскрыть понятие юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании;

наук. Уфа, 2020. 22 с.; Петрова И. Л. Текст как объект и предмет юрислингвистического анализа: учебное пособие. Владимир: Издательство ВлГУ, 2021. 220 с.

– обосновать методологические основания юрислингвистического подхода и определить его роль в исследовании права как коммуникативной системы;

– охарактеризовать механизм юрислингвистической конвергенции правового регулирования, его структурные элементы;

– установить соотношение юрислингвистической конвергенции и юрислингвистической дивергенции, выявив их функциональные взаимосвязи и отличительные признаки;

– определить содержание и особенности техники юрислингвистической конвергенции;

– систематизировать средства техники юрислингвистической конвергенции;

– выявить правила и приемы техники юрислингвистической конвергенции, направленные на обеспечение внутренней логики и предсказуемости юридического текста;

– сформулировать критерии эффективности юрислингвистической конвергенции и определить показатели ее результативности в современном правовом регулировании;

– обобщить практику реализации юрислингвистической конвергенции и дивергенции в сравнительно-правовом аспекте, выявив тенденции взаимодействия с западными и восточными правовыми системами;

– разработать научно обоснованные предложения и рекомендации по совершенствованию средств юрислингвистической конвергенции в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Методология и методы научного исследования. Методологическая основа диссертационного исследования опирается на сочетание общей теории права, юридической лингвистики, теории юридического языка и идей юридической конвергенции. При этом акцент делается не на сближении правовых систем в целом, а на языковых механизмах конвергенции, которые выступают самостоятельным направлением теоретико-правового анализа.

Исследование строится на основе выделения нескольких взаимосвязанных уровней анализа:

Во-первых, на ***философско-правовом уровне*** право рассматривается как особая форма социальной коммуникации, а язык – как внутренний механизм формирования и выражения правового содержания. Именно на этом уровне вводится понятие юрислингвистической конвергенции и определяется ее роль в обеспечении единства правовой коммуникации.

Во-вторых, на ***когнитивно-семиотическом уровне*** право рассматривается как система знаков и ментальных моделей. На данном уровне юрислингвистическая конвергенция понимается как согласование когнитивных схем, закрепленных в языке права (прежде всего в терминологии, дефинициях и типовых синтаксических конструкциях). Такое согласование позволяет выявить влияние языковой формы на объем и степень предсказуемости правового содержания.

В-третьих, на ***дискурсивно-коммуникативном уровне*** объектом анализа выступает юридический дискурс, понимаемый (в узком смысле) как совокупность институционально обусловленных юридических текстов (нормативные правовые акты, судебные решения, договоры и др.). На этом уровне юрислингвистическая конвергенция рассматривается как согласование правил порождения и интерпретации юридических текстов, обеспечивающее взаимопонимание участников правовой коммуникации.

В-четвертых, на ***нормативно-техническом уровне*** юрислингвистическая конвергенция соотносится с юридической техникой. На данном уровне внимание сосредоточено на способах конструирования нормативного текста, обеспечивающих смысловую определенность, терминологическую устойчивость и структурную согласованность правовых норм, в том числе в условиях многоуровневого и многоязычного правового регулирования.

Перечисленные уровни образуют единую методологическую систему: философско-правовой задает исходные основания понимания права и языка; когнитивно-семиотический конкретизирует внутренние смысловые структуры

правового языка; дискурсивно-коммуникативный обращается к реальным практикам правовой коммуникации; нормативно-технический переводит теоретические выводы в систему критериев качества юридического текста.

В рамках данной методологической системы используются взаимодополняющие методы исследования. На философско-правовом уровне применяются диалектический метод, а также принципы системности и историзма, что в совокупности позволяет рассматривать юрислингвистическую конвергенцию в развитии и во взаимосвязи содержания, формы и языкового выражения правовой нормы.

На общенаучном уровне применяются методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования, а также элементы моделирования. Указанные методы используются при формулировании ключевых понятий, уточнении категориального аппарата и построении теоретической модели юрислингвистической конвергенции.

К специальным юридическим методам, используемым в исследовании, относятся формально-юридический, сравнительно-правовой и герменевтический.

Формально-юридический метод применяется для анализа структуры и языка нормативных предписаний, логики построения юридического текста, а также способов закрепления правовых понятий.

Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления проявлений юрислингвистической конвергенции и дивергенции в различных правовых системах, а также для выявления общих и специфических черт правовой терминологии и правовых конструкций.

Герменевтический метод применяется для интерпретации правовых текстов с учетом их языковой формы, контекста принятия и судебной практики, что позволяет выявлять, как особенности языкового оформления влияют на понимание и применение норм.

К лингвистическим методам, используемым в исследовании, относятся лексико-семантический, контекстуальный и дискурсивный анализ, а также элементы корпусного анализа. Указанные методы применяются для исследования

терминологического ряда и дефиниций, выявления зон смысловой неопределенности, анализа юридической аргументации и описания устойчивых языковых моделей, характерных для юридических текстов.

Специфика методологии диссертационного исследования состоит в многоуровневом подходе к юрислингвистической конвергенции, которая рассматривается как одновременно философско-правовое, когнитивно-языковое, дискурсивное и нормативно-техническое явление. В рамках такого подхода язык права понимается не как внешняя форма выражения нормы, а как инструмент конструирования и поддержания целостности правовой системы.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых, внесших существенный вклад в разработку фундаментальных категорий общей теории права: С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, В. М. Баранова, А. Б. Венгерова, Н. А. Власенко, Р. Б. Головкина, В. П. Казимирчука, В. Н. Карташова, Д. А. Керимова, В. В. Лазарева, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузова, В. С. Нерсесянца, Ю. А. Тихомирова, В. А. Толстика, А. Ф. Черданцева и др. Их подходы к пониманию природы права, его структуры, механизма правового регулирования и юридической техники послужили методологической базой исследования юрислингвистической конвергенции.

Теория конвергенции, описывающая процессы сближения капиталистических и социалистических социально-экономических систем, складывается во второй половине 1950-х – 1960-е гг. и получает развитие в работах западных социологов и экономистов Дж. К. Гэлбрейта, У. У. Ростоу, Я. Тинбергена, К. Керра и др. В русской научной традиции идеи взаимного сближения систем были сформулированы П. А. Сорокиным, показавшим «взаимную конвергенцию США и СССР к смешанному социокультурному типу», а в 1960–1970-е гг. получили дальнейшее развитие в работах А. Д. Сахарова, трактовавшего историческое сближение социалистической и капиталистической систем, сопровождаемое демократизацией и демилитаризацией, как необходимое условие сохранения цивилизации.

В отечественной гуманистической философско-правовой традиции критика капитализма и социализма и поиск «третьего пути» получили развитие в работах Н. А. Бердяева.

В юридической науке концепция конвергенции получила развитие в трудах Ю. С. Безбородова, О. В. Грачева, Л. Ю. Грудцыной, Ю. А. Клочковой, Н. М. Коршунова, А. А. Рубанова, О. Д. Третьяковой и др., которые анализируют процессы сближения национальных правовых систем, конвергенцию частного и публичного права, взаимодействие международного и внутригосударственного права, а также соответствующие методы гармонизации и унификации. Именно их работы заложили основу для рассмотрения правовой конвергенции как системного процесса сближения правовых форм, институтов и методов регулирования.

Важные теоретические предпосылки для осмысления юрислингвистической конвергенции были сформированы в рамках юридической лингвистики и теории юридического перевода, представленных в трудах H. E. S. Mattila, S. Šarčević, Н. А. Власенко, Н. Д. Голева, Е. И. Галяшиной, В. Ю. Туранина и др., в которых анализируются особенности языка права, юридической терминологии и текста в условиях взаимодействия различных правовых культур и правовых систем.

Нормативную и эмпирическую основу исследования образуют:

1) законодательство Российской Федерации;

2) законодательство и официальные документы зарубежных государств;

3) принципы и нормы международного права, регламентирующие отношения по теме исследования;

4) материалы судебной практики;

5) данные статистики.

Научная новизна исследования состоит в том, что автором:

– предложена целостная концепция юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании, раскрывающая ее как особое измерение правовой реальности, где согласуются норма, смысл и язык;

– уточнены ключевые понятия исследования, в том числе предложено авторское определение техники юрислингвистической конвергенции;

– разработана система критериев эффективности юрислингвистической конвергенции (юридическая точность, языковая прозрачность, предсказуемость интерпретации, смысловая согласованность), раскрывающие ее значение для совершенствования юридической техники;

– сформулирована авторская классификация средств техники юрислингвистической конвергенции;

– раскрыт внутренний механизм действия техники юрислингвистической конвергенции как многоуровневой структуры, обеспечивающей лексическую точность, структурную упорядоченность и ясность юридических текстов;

– установлено соотношение юрислингвистической конвергенции и юрислингвистической дивергенции: показано их функциональное взаимодополнение как условий динамического равновесия правовой системы и границы допустимой вариативности языка;

– обоснована специфика техники юрислингвистической конвергенции в современных условиях гуманитаризации и цифровизации права; выделены принципы предсказуемости, семантической прозрачности и устойчивости языка права;

– выявлены западные ретроспективы и восточные перспективы реализации юрислингвистической конвергенции для российского правопорядка; показаны различия между «добровольными» и «вынужденными» форматами сближения и их последствия для развития языка права;

– разработаны рекомендации по применению средств юрислингвистической конвергенции в правотворческой и правоприменительной деятельности, направленные на обеспечение смысловой целостности и предсказуемости правового регулирования.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **положения, выносимые на защиту:**

1. Авторское определение «юрислингвистической конвергенции» обосновано как самостоятельная категория юридической науки и структурное

свойство современного права, выражающее закономерную тенденцию к единству правовой коммуникации при сохранении национально-правовой идентичности. Под юрислингвистической конвергенцией понимается процесс целенаправленного согласования языковых средств выражения правовых норм – терминов, грамматических конструкций, а также моделей построения юридических дефиниций и формулирования предусмотренных законом исключений – между различными правовыми системами и между правовыми институтами внутри этих систем. Такое согласование обеспечивает взаимопонимание участников правовой коммуникации без «растворения» национальных языков права.

Юрислингвистическая конвергенция описывает именно коммуникативную сторону правового регулирования и проявляется на межсистемном, внутригосударственном, институциональном и цифровом уровнях, формируя своеобразную «грамматику права» как основу согласованного нормотворчества и правоприменения.

2. Предложено рассматривать юрислингвистическую конвергенцию как инструмент обеспечения правовой определенности и суверенитета в условиях глобальной и цивилизационной трансформации. Такой подход позволяет сформулировать конкретные рекомендации по совершенствованию законодательной техники, судебного толкования и цифрового нормотворчества с ориентацией на восточные интеграционные треки при сохранении национальной правовой идентичности.

В этих условиях особое значение приобретает оценка эффективности юрислингвистической конвергенции как интегрального свойства правовой системы, выражающего степень функционального и смыслового согласования юридического и языкового компонентов регулирования. Показано, что в российской модели критерии эффективности выходят за пределы традиционного понимания «качества законодательства» и включают структурное (текстовая форма), когнитивное (понятность и предсказуемость интерпретации) и аксиологическое (соответствие ценностным ожиданиям общества) измерения.

3. Обоснован механизм юрислингвистической конвергенции: ему придается статус самостоятельного элемента механизма правового регулирования, поскольку он влияет не только на форму языкового выражения нормы, но и на содержание, предсказуемость и стабильность правового регулирования, а потому не может рассматриваться как вспомогательная «языковая служба» закона. Юрислингвистическая конвергенция понимается как многоуровневая система согласованных правовых и языковых средств, формирующих общее смысловое пространство норм, терминов и категорий в условиях нормативной многослойности, т. е. сосуществования и взаимодействия различных уровней регулирования (международного, наднационального, федерального, регионального и отраслевого) – и при взаимодействии различных правовых систем.

Такая система включает, с одной стороны, четыре базовых элемента (нормативный, институциональный, процедурный и когнитивно-коммуникативный), а с другой – ряд частных языковых моделей конвергенции: понятийную (лексико-семантическую), лексико-терминологическую, морфологическую, словообразовательную, синтаксическую и контекстуальную. В совокупности они обеспечивают не только формальное совпадение формулировок, используемых в различных правовых системах для обозначения одних и тех же правовых категорий, но и смысловое единообразие правового регулирования, т. е. одинаковое содержание нормы и объем закрепляемых ею прав и обязанностей – при сохранении национальной правовой идентичности.

4. Юрислингвистическая конвергенция и юрислингвистическая дивергенция образуют не простую оппозицию «сближения» и «расхождения», а единую динамическую систему, обеспечивающую устойчивость правового развития. Конвергенция описывается как процесс, необходимый для интероперабельности правовых систем и прозрачности правовой коммуникации, тогда как дивергенция – как механизм сохранения национальной правовой идентичности, культурного кода и концептуальной автономии права.

5. Вводится аналитическая конструкция «юрислингвистического равновесия», понимаемая как соотношение конвергентных и дивергентных

тенденций, при котором достигается оптимальный баланс между интернационализацией и сохранением культурно-правовой самобытности языка.

В рамках конструкции обосновывается необходимость закрепления баланса конвергентных и дивергентных тенденций в правилах юридической техники, регламентах нормотворчества, практиках юридико-лингвистической экспертизы. Предлагается институционализировать контроль за «перекосами» в сторону либо избыточной международно-правовой унификации (чреватой утратой национальной правовой идентичности), либо неконтролируемой дивергенции (ведущей к фрагментации понятийного пространства и снижению предсказуемости правоприменения).

6. Предложена авторская модель техники юрислингвистической конвергенции как методологической основы современного правотворчества, предполагающая включение лингвистических процедур (семантическая верификация терминов, контроль коллокаций, когнитивная адаптация текста для адресата, тестирование синтаксических структур на полисемантичность) в обязательный цикл подготовки нормативных правовых актов и их комплексной оценки. Техника юрислингвистической конвергенции представляет собой самостоятельную систему средств, правил и приемов, направленных на обеспечение согласования смысла правовой нормы и форм ее языкового выражения в нормотворчестве и правоприменении. В отличие от юридической техники, ориентированной преимущественно на логическую стройность и формально-структурную упорядоченность текста нормативных правовых актов, техника юрислингвистической конвергенции направлена на обеспечение смыслообразования в правовом тексте, однозначного понимания его содержания и предсказуемости толкования нормы ее адресатами. Предлагаются уровни реализации данной техники (концептуальный, структурно-синтаксический, терминологический, коммуникативный), а также введены ключевые категории «когнитивно-нормативной связности», «конвергентного нормативного прототипа» и «семантического каркаса законодательства», позволяющие описать право как особый вид смыслопорождающего дискурса.

7. Средства техники юрислингвистической конвергенции представляют собой систему юридико-лингвистических средств, обеспечивающих согласование содержания правовой нормы с формой ее языкового выражения. Показано, что данные средства занимают промежуточное положение между юридической техникой и правовой лингвистикой и выполняют функцию «моста» между логикой правового регулирования и когнитивно-семантическими свойствами языка права. Техника юрислингвистической конвергенции раскрывается как самостоятельное направление правовой инженерии, включающее дефиниции, терминологическую унификацию, структурно-композиционные, логико-грамматические, верификационные и коммуникативные средства, обеспечивающие смысловую целостность и правовую определенность текста закона.

8. Разработана концептуальные основы правил и приемов техники юрислингвистической конвергенции, представляющей собой особую «юридико-лингвистическую матрицу» правотворчества, объединяющую юридико-технические и лингвистические требования к построению текста правовой нормы. В соответствии с данными концептуальными основами правила и приемы техники юрислингвистической конвергенции образуют не совокупность разрозненных стилистических рекомендаций, а систему, включающую три взаимосвязанных типа правил и приемов – когнитивно-семантический, структурно-логический и прагматико-интерпретационный, – обеспечивающих согласование правовых категорий с их языковым выражением, композиционной организацией текста и ожидаемыми сценариями правоприменения. Доказано, что именно через эту систему преодолеваются классические дихотомии «содержание – форма», «право – язык», «догматика – практика», а язык закона перестает быть лишь технической оболочкой и становится формой выражения юридического мышления. В развитии данных положений предложены авторские приемы – смыслового центрирования нормы, нормативно-семантического разграничения, прагматической стабилизации формулировки и контекстуально-правового уточнения смысловых рамок, призванные усилить когнитивную целостность юридического содержания и придать технике юрислингвистической конвергенции прикладной характер.

9. Типизированы формы отклонения от техники юрислингвистической конвергенции: чрезмерно развернутые синтаксические конструкции, каскадная отсылочность и «многоэтажные» дефиниции, смешивающие определение и регулятивное предписание, терминологическая неопределенность и пересечение близких понятий («недостоверные» и «неполные» сведения, «уклонение» и «ненадлежащее исполнение обязательства», различные модусы необоснованной налоговой выгоды и т. п.), а также использование оценочных категорий без нормативно закрепленных критериев («достойный уровень жизни», «малозначительность» и др.). Показано, что именно дефекты юридико-лингвистической организации текста обусловливают необходимость постоянных разъяснений пленумов высших судов, что ведет к фрагментации правового пространства и снижению предсказуемости правоприменения.

10. Сформулирована типология юрислингвистических дефектов нормотворчества: терминологическая неоднородность, конкурирующие дефиниции, отсутствие или избыточность юридических определений, нарушения логико-грамматических моделей построения правовых норм, несогласованность внутритекстовых связей, а также недостаточная коммуникативная адаптированность правового текста к адресату.

11. Разработан комплекс предложений по совершенствованию юридической техники и практики правового регулирования, направленный на институционализацию и системное использование средств техники юрислингвистической конвергенции.

11.1. Аргументируется целесообразность институционализации юрислингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов по трехступенчатой модели (когнитивно-семантическая, структурно-логическая и прагматико-интерпретационная проверка), закрепления в актах, регламентирующих порядок подготовки и принятия нормативных правовых актов, обязательных требований к терминологическому аппарату («один термин – один смысловой знак», недопустимость совмещения дефинитивных и регулятивных элементов в одной норме), стандартизации структурных моделей типа «условие –

предписание – последствие» и ограничения синтаксической сложности норм. Предлагается также закрепление приемов смыслового центрирования, нормативно-семантического разграничения, прагматической стабилизации и контекстуально-правового уточнения, понимаемого как уточнение содержания нормы с учетом связанных положений и ее места в системе законодательства, а также введение кратких официальных интерпретационных пояснений к особо сложным и оценочным нормам, обеспечивающих их однозначное понимание и применение. Реализация данных предложений призвана снизить потребность в компенсаторном «вторичном правотворчестве» судов, укрепить единство понятийного аппарата и структурной организации законодательства, а также обеспечить более высокую степень нормативной определенности и интерпретационной устойчивости права в условиях нарастающей сложности правового регулирования.

11.2. Обосновывается необходимость разработки единых стандартов языка права и типовых языковых формул для различных отраслей законодательства, расширения перечня случаев, когда проведение лингвистической и семантической экспертизы проектов нормативных правовых актов является обязательным, подготовки методических рекомендаций для судов по единообразному употреблению ключевых терминов и модальных конструкций, а также адаптации законодательной техники к условиям цифровой трансформации, требующей формальной определенности и предсказуемости как автоматизированной интерпретации, так и традиционного толкования правовых текстов.

11.3. Разработан алгоритм совершенствования лингвистического обеспечения восточной правовой интеграции. Первый этап – институционализация юрислингвистического сопровождения нормотворчества в ЕАЭС, БРИКС и двусторонних форматах (Россия – Китай, Россия – Иран и др.) через создание постоянных экспертных структур, ответственных за подготовку и рецензирование многоязычных текстов, а также за разработку двуязычных и многоязычных глоссариев с фиксацией функциональных и аксиологических особенностей ключевых категорий. Второй этап – формирование «многоязычного корпуса

договорного права» и процедур взаимного признания юридических переводов, сопровождаемых комментариями о возможных семантических расхождениях, что позволит повысить предсказуемость правоприменения и снизить риски споров об аутентичности. Третий этап – закрепление в профессиональных стандартах и образовательных программах для юристов требования развития метаязыкового сознания и компетенций в области юридического перевода, рассматривая его как самостоятельное юридическое действие. В совокупности эти меры формируют авторскую модель восточной юрислингвистической конвергенции как стратегического направления российского правового развития, основанного на культурном суверенитете, равенстве языков и смыслоцентричной интеграции.

Теоретическая и практическая значимость.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в разработке и обосновании концепции юрислингвистической конвергенции как самостоятельного направления в современной теории правового регулирования. Полученные результаты развивают категориальный аппарат общей теории государства и права, уточняют понятие формы и языка права, а также раскрывают механизмы смыслового сближения правовых систем в условиях глобальной и цивилизационной трансформации. Выявленные закономерности функционирования языка в правовом пространстве вносят вклад в формирование новой методологической парадигмы – юрислингвистической, ориентированной на исследование когнитивных, коммуникативных и аксиологических основ правового взаимодействия.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее выводов в правотворческой и правоприменительной деятельности. Разработанные в исследовании подходы к юрислингвистической экспертизе нормативных актов, согласованию терминологических систем и выработке языковых стандартов могут быть использованы при подготовке проектов международных договоров, модельных актов ЕАЭС, документов ШОС и БРИКС. Реализация принципов юрислингвистической конвергенции способствует устранению смысловых коллизий между национальными и международными

правовыми системами, повышению юридической определенности и предсказуемости правового регулирования.

Дидактическая значимость работы заключается в том, что содержащиеся в ней теоретические положения и выводы могут быть использованы в учебном процессе юридических вузов и факультетов, в том числе при преподавании дисциплин «Теория государства и права», «Юридическая техника», «Сравнительное правоведение» и др. Разработанные автором концепции юрислингвистической конвергенции, методологические подходы и примеры их практической реализации могут служить основой для подготовки учебных и методических материалов, направленных на развитие у студентов навыков анализа юридического языка, понимания процессов правовой интеграции и гармонизации законодательства, а также на повышение уровня профессиональной культуры.

Степень достоверности и апробация результатов исследования подтверждается соответствием нормативной базы и эмпирической основы работы ее предмету, адекватностью и релевантностью применяемой методологии, опорой на фундаментальные российские и зарубежные разработки в области общей теории государства и права, апробацией результатов исследования.

Результаты исследования обобщены и представлены в научных статьях. Общее количество научных статей по теме исследования составляет 19, из которых 13 опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций. В ходе подготовки диссертации автор принял участие в следующих научных мероприятиях: XVI Международном научно-практическом форуме «Юртехнетика» в формате круглого стола на тему «Стратегия, тактика, техника законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)» (сентябрь 2014 г.); Всероссийской научной конференции «Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву» (март 2015 г.); XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения. Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина» (февраль 2019 г.); XII Всероссийских научных Зворыкинских чтениях «Наука и образование в

развитии промышленной, социальной и экономической сфер регионов России» (февраль 2020 г.); XVI Международной школе-практикуме молодых ученых-юристов «Человек в праве: современная доктрина и практика» (июнь 2021 г.); I Международной научно-практической конференции «Тенденции развития международного сотрудничества по противодействию преступности» (апрель 2025 г.); I Всероссийской научно-практической конференции «Инновации в праве: перспективы развития и совершенствования» (декабрь 2025 г.) и др.

Выводы, сделанные в процессе исследования, внедрены в образовательную деятельность ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» и ОЧУ ВО «Международный юридический институт», апробированы в ходе проведения занятий по дисциплинам «Теория государства и права», «Юридическая техника», «Сравнительное правоведение» и др.

Положения работы и выводы автора внедрены в деятельность Законодательного Собрания Владимирской области и Молодежной думы при Законодательном Собрании Владимирской области.

Структура диссертации определена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, и списка литературы.

Глава 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИВ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

1.1 Понятие и сущность юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании

В последние годы право все чаще выступает не только как система норм, но и как канал стратегической коммуникации государств. Западная «правовая традиция», долгое время задававшая стандарты, сохраняет влияние, но растущая роль «восточного» пояса – от Евразии до Юго-Восточной Азии – требует иных моделей совместимости. В этих условиях юрислингвистическая конвергенция становится необходимым инструментом: она обеспечивает не просто заимствование институтов, а согласование юридико-языковых форм – терминов, конструкций, способов толкования – без чего невозможно устойчивое правовое взаимодействие[1].

Санкционное давление и политическая конкуренция усилили «принудительные» и «вынужденные» формы сближения, где выбор правовых решений снаружи задается внешними ограничениями. Это не отменяет добровольные форматы конвергенции, но вынуждает точнее работать с мерой и целями: где унифицировать, а где сохранить национальный смысл. Уже отмечалось, что конвергенция может быть планируемой и спонтанной; первая строится на договоренностях и проектировании норм, вторая – на накоплении практик и постепенном выравнивании терминологии и методик толкования нормативного текста. Именно на этой «разметке» и следует выстраивать политику:

[1] Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. С. 308–309; Захарова М. В. Конвергенция и конкуренция правовых систем мира // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 19–20.

держать курс на совместимость с восточными партнерами, не превращая тексты в механические кальки и не теряя точности выражения.

Собственно предмет конвергенции – не только институты, но и «языковая ткань» права: единицы смысла, композиция нормы, способы разметки дефиниций и исключений. Международно-правовые формы сближения (договоры, рамочные конвенции, модельные законы) работают лишь постольку, поскольку сопровождаются согласованием языка: аутентичности текстов, терминосистем, правил коллигации понятий. Поэтому наша задача – зафиксировать понятие юрислингвистической конвергенции как основы всего процесса и одновременно как самостоятельной цели: обеспечить совместимость правовых языков при сохранении национальной правовой идентичности. Такая постановка особенно актуальна для евразийского трека: именно здесь «юридический перевод» между правовыми культурами становится условием эффективности интеграции[1].

Юрислингвистическая конвергенция представляет собой форму системного взаимодействия права и языка, при которой их взаимное влияние приобретает направленный характер и становится фактором нормативного сближения. В отличие от лингвистической унификации, ориентированной на устранение различий и приведение к единству, конвергенция предполагает согласование языковых средств при сохранении концептуальных различий. Речь идет не о «растворении» правовых языков друг в друге, а о создании пространства взаимопонимания между ними. Как отмечает О. Д. Третьякова, конвергенция в праве – это процесс упорядоченного сближения, при котором взаимодействующие правовые системы сохраняют свою идентичность, но вырабатывают общие формы выражения и интерпретации[2]. Данный тезис в равной мере применим к

[1] Безбородов Ю. С. О международно-правовых формах правовой конвергенции // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 57–59; Кононенко А. П., Недосека Л. А. Лингвистическое исследование развития языка права в свете глобализации современного общества // Современное педагогическое образование. 2020. № 6. С. 164–166.

[2] Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. С. 46–48.

юрислингвистической плоскости: язык права становится мостом, а не поглотителем смыслов.

Следует различать собственно юридическую и юрислингвистическую конвергенцию. Первая описывает процесс институционального и структурного сближения правовых систем, вторая – коммуникативную сторону этого процесса, выражающуюся в согласовании терминологии, синтаксических моделей и жанров правовых текстов. А. П. Кононенко и Л. А. Недосека подчеркивают, что в эпоху глобализации именно язык становится главным посредником между правовыми культурами, обеспечивая *«переводимость»* правовых категорий[1]. Таким образом, юрислингвистическая конвергенция – это не только следствие правовой интеграции, но и ее предпосылка: без *«согласованного»* языка невозможна гармонизация права. Это проявляется, например, в практике Евразийского экономического союза, где юридическая аутентичность актов обеспечивается на нескольких языках, что требует точного выстраивания терминологической симметрии между русским, казахским и белорусским вариантами. Любое расхождение в языке влечет различие в объеме прав и обязанностей, а потому именно юрислингвистическая составляющая задает меру и успешность конвергенции.

В отечественной доктрине мера юридической конвергенции осмысляется как предел допустимого сближения, за которым теряется суверенная специфика права[2]. Юрислингвистическая мера, в свою очередь, фиксирует границы допустимых заимствований и трансформаций языка. Она выражается в сохранении фундаментальных смыслов, закодированных в национальной правовой традиции, и в защите ключевых терминов от семантического размывания. Примером может служить различие в употреблении термина «публичный интерес»: в континентальной и англо-саксонской системах он имеет разные нормативные

---

[1] Кононенко А. П., Недосека Л. А. Лингвистическое исследование развития языка права в свете глобализации современного общества // Современное педагогическое образование. 2020. № 6. С. 165.

[2] Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. С. 72–73.

проекции, и механическое заимствование без языковой адаптации ведет к искажению правовой реальности. Отсюда вытекает необходимость выстраивать юрислингвистическую конвергенцию как процесс соразмерного, контролируемого сближения, а не как языко-правовую экспансию.

Санкционная политика и усиливающееся давление западных институтов создают для России новые условия этой меры. Западная модель юридического языка, основанная на *прецедентности* и *экономикоцентричном* дискурсе, постепенно вытесняется из международного оборота в пользу многоязычных схем с участием стран Востока. В этом контексте юрислингвистическая конвергенция приобретает стратегическое значение: она позволяет выстраивать новый вектор сотрудничества, в которой русскоязычные правовые тексты становятся не переводом западных стандартов, а полноправным источником нормотворческой инициативы. Так формируется «восточная грамматика права» – пространство смыслов, где язык служит средством выражения самостоятельной цивилизационной модели регулирования[1]. Данную конвергенцию можно определить как процесс целенаправленного согласования языковых средств выражения правовых норм между различными системами и институтами при сохранении национально-правовой идентичности и смысловой устойчивости терминологии. Она соединяет два измерения – нормативное и коммуникативное – и выступает механизмом адаптации правовых смыслов к изменяющимся условиям глобального взаимодействия. Именно в этом качестве юрислингвистическая конвергенция становится не просто лингвистической категорией, а инструментом стратегического правового позиционирования России в мире, где язык закона все чаще определяет границы суверенитета.

Язык и право – взаимозависимые формы социальной регуляции, которые не существуют изолированно. Язык формирует структуру юридического мышления, а право, в свою очередь, закрепляет определенный тип языковой картины мира. Эта

[1] Клочкова Ю. А. Влияние современной конвергенции на политико-правовые институты: теоретико-методологический анализ правового и политического взаимодействия // История государства и права. 2012. № 13. С. 2–3.

взаимосвязь особенно заметна в правовых системах, где традиция кодификации или прецедентности формирует устойчивые модели высказывания нормы. Е. В. Пахонина справедливо замечает, что язык права представляет собой «свернутую модель правовой реальности», где каждое слово несет нормативную нагрузку и подчинено задаче однозначности[1]. Поэтому конвергенция в юридико-лингвистическом смысле не может быть чисто внешним процессом: она затрагивает когнитивные и культурные основания права.

Такое сближение неизбежно сопровождается переоценкой понятийного аппарата. В разных правовых культурах один и тот же термин может иметь разный нормативный вес и прагматический оттенок. Например, категория «должная осмотрительность» в российском праве опирается на принципы гражданско-правовой ответственности, тогда как в англо-американской традиции она включает элементы этической оценки поведения субъекта. Юрислингвистическая конвергенция позволяет согласовывать подобные различия не путем устранения национальных особенностей, а через выработку семантических корреляций – устойчивых соответствий смыслов, которые обеспечивают взаимопонимание между правовыми системами[2].

В этом смысле язык выступает не просто средством выражения правовых идей, но и инструментом их создания. Именно через лингвистическую форму норма приобретает юридическое бытие. Грамматические структуры (синтаксические и модальные конструкции, выбор предлогов и т. д.) задают не только стиль, но и степень императивности предписания. Как подчеркивает М. И. Киосе, «оязыковление» правовых смыслов – это не механическая операция, а акт метакоммуникации, в ходе которого происходит конвергенция понимания между адресантом и адресатом нормы[3]. Таким образом, юрислингвистическая

---

[1] Пахонина Е. В. К вопросу о проблеме взаимосвязи языка и права // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 2. С. 3.

[2] Šarčević S. New Approach to Legal Translation. The Hague: Kluwer Law International, 1997. P. 102–104.

[3] Киосе М. И. Оязыковление, метакоммуникация и конвергенция понимания // Метод. 2019. № 9. С. 272–274.

конвергенция имеет метакоммуникативный характер: она обеспечивает не просто сходство форм, а взаимное понимание участников правовой коммуникации.

В современных условиях глобального информационного пространства эти процессы приобретают особую интенсивность. Массовая цифровизация правовых баз данных, развитие систем машинного перевода и аналитических правовых платформ требуют стандартизации юридического языка, что объективно ускоряет конвергенцию. Цифровая эпоха формирует «юристов завтрашнего дня», для которых владение единым юридическим языком международного общения становится профессиональной необходимостью[1]. Однако автоматизация усиливает и риски – потерю нюансов, деформацию смыслов, смещение акцентов. Поэтому сохранение смысловой точности и культурной «глубины» языка права становится ключевой задачей юрислингвистической конвергенции в цифровом мире.

Юрислингвистическая конвергенция, следовательно, есть процесс синергетический: язык и право не просто сближаются, а взаимно усиливают друг друга, образуя новое качество нормативного мышления. Сближение языковых структур создает условия для универсализации правовых категорий, а право, в свою очередь, задает языку стандарты точности, логичности и нормативной прозрачности. В результате формируется своеобразная «грамматика права» – система правил и значений, объединяющая различные правовые культуры в едином пространстве коммуникации. Именно в этом синтезе и проявляется сущность юрислингвистической конвергенции как категории современного правового развития.

Практическое воплощение юрислингвистической конвергенции наиболее отчетливо проявляется в сфере международного и интеграционного правотворчества. Здесь язык становится не просто средством фиксации воли сторон, а инструментом юридического равновесия. Так, при разработке учредительных актов Евразийского экономического союза ключевые положения формулировались одновременно на нескольких языках – русском, казахском и

[1] Susskind R. Tomorrow’s Lawyers: An Introduction to Your Future. Oxford: OUP, 2013. P. 45–47.

белорусском – причем все версии объявлены аутентичными. Это означает, что юридическая сила каждой редакции равна, а возможные расхождения подлежат согласовательному толкованию Советом ЕЭК. Такая конструкция превращает юрислингвистическую конвергенцию в элемент правового механизма: язык не вторичен по отношению к норме, а является частью процедуры ее создания и интерпретации[1].

Аналогичные подходы реализуются и в практике Европейского союза. Множество директив и регламентов имеют по двадцать и более аутентичных языковых версий. Перевод в таких случаях не может рассматриваться как вторичная операция – он является процессом *со-творения нормы*, поскольку каждый язык «привносит» свои правовые категории[2]. Это усиливает значение юрислингвистического контроля: в структурах ЕС действуют специальные подразделения юридических лингвистов, отвечающих за эквивалентность текстов. Для России подобный опыт важен не столько как модель копирования, сколько как показатель того, что качество правового регулирования напрямую зависит от качества языкового согласования.

Юрислингвистическая конвергенция заметна и в судебной практике. Верховный Суд Российской Федерации при толковании норм международных договоров неоднократно подчеркивал необходимость учитывать «аутентичные тексты всех языковых версий» (например, в постановлениях по делам, связанным с применением Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Подобная позиция формирует у правоприменителя особую языковую чувствительность – осознание того, что смысл нормы раскрывается не в одном словесном выражении, а в совокупности ее языковых реализаций. Именно здесь конвергенция выполняет функцию гаранта единообразного понимания и тем самым способствует укреплению правовой определенности[3].

---

[1] Каширкина А. А., Морозов А. Н. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ. М.: ИЗиСП, Контракт, 2012. С. 184–186.

[2] Šarčević S. New Approach to Legal Translation. The Hague: Kluwer Law International, 1997. P. 57–58.

[3] Gray C. International Law and the Use of Force. 4th ed. Oxford: OUP, 2018. Pp. 218–219.

Особое значение юрислингвистическая конвергенция приобретает в сфере цифрового нормотворчества и электронных правовых систем. Стандартизация формулировок и использование автоматизированных шаблонов повышают скорость создания нормативных актов, но требуют точного контроля семантики. Попытки внедрить «универсальный юридический язык», ориентированный на машинную обработку (LegalXML, Akoma Ntoso), показывают, что без учета национальных традиций и языковых различий подобные проекты ведут к утрате смысловой глубины нормы[1]. Поэтому задача России – формировать собственную систему цифровых стандартов, совместимую с международными, но сохраняющую особенности русского юридического языка как основы национального правопорядка.

Современные геополитические и цивилизационные процессы придали юрислингвистической конвергенции новый смысл. Если ранее она воспринималась как результат естественного взаимодействия правовых систем в глобальном пространстве, то сегодня все чаще становится инструментом самоидентификации государства. Санкционная политика и изменение векторов внешнего сотрудничества заставляют Россию переосмысливать языковые приоритеты правотворчества. Происходит постепенное смещение центра тяжести с западных моделей на восточные – евразийские и азиатские, где язык права строится не только на формально-логических категориях, но и на этико-культурных основаниях. Как отмечает А. Н. Чумаков, восточные цивилизации формируют «ценностно-смысловую плотность права», где слово закона соотнесено с моралью и традицией[2]. Это обстоятельство требует учитывать культурный код права при выработке норм и терминов, иначе языковое сближение останется внешним и не создаст реальной совместимости.

Поэтому юрислингвистическая конвергенция должна рассматриваться не только как процесс стандартизации правовых языков, но и как форма

---

[1] Bygrave L. A. Data Privacy Law: An International Perspective. Oxford: OUP, 2014. P. 44–45.
[2] Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. М.: Проспект, 2014. С. 219–221.

цивилизационного диалога. Ее задача – не подчинить национальную правовую культуру универсальным моделям, а согласовать разные ценностные основания через язык. Российская правовая традиция, впитавшая и византийскую идею соборности, и континентально-европейскую рациональность, способна предложить модель «ценностной конвергенции», где общность языка не нивелирует культурных различий, а делает их понятными партнерам. В этом смысле российский правовой язык выполняет роль посредника между Востоком и Западом, соединяя точность юридической терминологии с богатством этико-семантических оттенков, характерных для славянской правовой ментальности[1].

Ценностная юрислингвистическая конвергенция предполагает сближение правовых языков на уровне категорий, выражающих общие цивилизационные константы: справедливость, ответственность, достоинство, общественное благо. Именно эти категории формируют «глубинный словарь» права и определяют смысловое единство нормативных систем. Невозможность полной конвергенции между европейскими правовыми системами объясняется не юридическими, а культурными факторами – различиями в ценностях, закрепленных в языке права[2]. Следовательно, истинная конвергенция возможна лишь тогда, когда язык выражает ценности, а не подменяет их формальными эквивалентами.

Для России этот подход имеет практическое значение. Усиление восточного направления внешней политики требует развивать категории и правовые конструкции, понятные партнерам по ШОС, БРИКС и ЕАЭС, но при этом сохраняющие внутреннюю согласованность российского правового языка. Важным примером служит формирование единой терминологии в соглашениях о трансграничных инвестициях и электронных транзакциях: российская сторона настаивает на использовании терминов, не допускающих англоцентричных толкований[3]. Такая практика демонстрирует, что конвергенция не означает

---

[1] Сорокин В. В. Юридическая глобалистика: учебник. Барнаул: Азбука, 2009. С. 75–76.
[2] Legrand P. European Legal Systems Are Not Converging. // International and Comparative Law Quarterly. 1996. Vol. 45. № 1. P. 67–69.
[3] Kuner C. Transborder Data Flow Regulation and Data Privacy Law. Oxford: OUP, 2013. P. 116–118.

подчинение языковому влиянию, а, напротив, предполагает утверждение национальной модели языковой точности в международном обороте.

В результате юрислингвистическая конвергенция начинает выполнять функцию не только юридико-техническую, но и аксиологическую: она становится средством выражения ценностного суверенитета государства. Через язык права Россия утверждает собственное видение справедливости и правопорядка, формируя понятный и одновременно самобытный правовой дискурс. Именно здесь пролегает граница между механической унификацией и подлинным взаимопониманием. Таким образом, юрислингвистическая конвергенция приобретает черты цивилизационного феномена – синтеза, в котором язык права выступает посредником между культурами, а не только их «переводчиком».

Таким образом, юрислингвистическая конвергенция представляет собой не просто лингвистический феномен в юридическом поле, а структурное свойство современного права, отражающее тенденцию к единству правовой коммуникации в условиях глобальной и цивилизационной трансформации. Ее сущность выражается в согласовании языковых средств выражения правовых норм – терминов, грамматических конструкций, моделей дефиниций – с целью обеспечения взаимопонимания между различными правовыми системами и институтами. При этом сближение не исключает различий: напротив, устойчивость конвергенции достигается именно тогда, когда она сохраняет национальную специфику и ценностное ядро каждой правовой культуры.

Системный анализ позволяет выделить несколько уровней юрислингвистической конвергенции. Первый – межсистемный, охватывающий международное взаимодействие правовых порядков, где язык становится инструментом правовой дипломатии (договорная и терминологическая аутентичность). Второй – внутригосударственный, связанный с унификацией отраслевых терминологий и согласованием правовых понятий внутри национального законодательства. Третий – институциональный, отражающий взаимодействие языка права и профессионального юридического дискурса (включая судебную и доктринальную речь). Четвертый – цифровой,

формирующийся в условиях электронного правотворчества и требующий особой точности языковых стандартов[1]. Эти уровни не существуют изолированно: они образуют единую систему правовой коммуникации, где язык выступает и средством, и условием действия права.

Юрислингвистическая конвергенция характеризуется рядом признаков, позволяющих рассматривать ее как самостоятельную категорию юридической науки. К числу таких признаков относятся:

1) направленность на согласование языковых форм нормативного правового акта при сохранении смысловой эквивалентности;

2) коммуникативная взаимность участников;

3) нормативная обусловленность, выражающаяся в формально-юридическом закреплении языковых решений;

4) ценностная соотнесенность с национальной правовой культурой;

5) динамичность, проявляющаяся в способности языка права адаптироваться к изменениям.

Эти признаки позволяют отграничить юрислингвистическую конвергенцию от гармонизации законодательства, которая касается содержания норм, а не способов их языкового воплощения.

В функциональном смысле юрислингвистическая конвергенция выполняет три основные задачи:

1. Обеспечивает взаимопонимание между субъектами правового регулирования, независимо от языковой среды.

2. Способствует определенности и предсказуемости правоприменения, предотвращая смысловые коллизии.

3. Создает основу для диалога правовых систем и формирования общих принципов взаимодействия. При этом ее результатом становится не унификация, а согласование, что особенно важно в условиях многополярного мира, где различие

[1] Асадов (Гюльвердиев) Р. Б. Юридическая конвергенция как основной инструмент в построении правовой глобализации. // Научный поиск. 2015. № 1.4. С. 71–73.

правовых культур должно рассматриваться как источник развития, а не препятствие[1].

В заключение следует подчеркнуть, что юрислингвистическая конвергенция – это новая методологическая перспектива осмысления права. Она показывает, что эффективность правового регулирования зависит не только от качества норм, но и от качества их языкового воплощения. Для России данный вектор имеет стратегическое значение: в условиях смещения глобального центра коммуникации на Восток и поиска новых интеграционных форм именно язык права становится полем реализации правового суверенитета. Через развитие национальной модели юридического языка Россия может укреплять свое место в международном правовом диалоге, сочетая точность нормы с культурной самобытностью выражения. Юрислингвистическая конвергенция выступает сегодня не просто тенденцией, а закономерностью современного правового развития, выражающей переход от формального согласования к смысловому взаимопониманию участников правовой коммуникации.

1.2 Методология юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании

Методология юрислингвистической конвергенции формируется на стыке двух исследовательских направлений – общей теории права и лингвистики, что обусловливает ее междисциплинарный характер. В отличие от традиционной юридической методологии, сосредоточенной на анализе нормативного содержания, она включает в себя также изучение языковых механизмов создания, интерпретации и функционирования правовых текстов. Как отмечал Д. А. Керимов, методология права призвана раскрывать не только средства познания, но и способы построения самой юридической реальности[2]. Следовательно,

[1] Баранов В. М., Пшеничнов М. А. Гармонизация законодательства как общеправовой феномен. // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 42–43.

[2] Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М.: Издательство СГУ, 2011. С. 45–47.

юрислингвистическая методология должна быть направлена не на внешнее описание языка права, а на выявление закономерностей его участия в формировании правовой нормы.

В этом контексте особое значение приобретает категория формы права. Ее понимание, разработанное в трудах В. М. Сырых, Е. Н. Атарщиковой и Е. Е. Некрасова, позволяет рассматривать язык как элемент формы, в которой выражается содержание правового регулирования[1]. Если содержание нормы раскрывает сущность права, то форма, включая языковое воплощение, делает эту сущность доступной правосознанию и правоприменению. Отсюда методологический вывод: исследование юрислингвистической конвергенции должно учитывать взаимосвязь содержания, формы и языка как взаимопереходящих категорий, без чего невозможна корректная реконструкция правовой действительности.

Как справедливо замечает Л. В. Авраменко, форма в праве не является пассивным сосудом содержания, а выступает его активным структурирующим началом[2]. Язык, в этом смысле, представляет собой «внутреннюю форму» права: он не только фиксирует норму, но и конструирует способы ее понимания. Отсюда вытекает необходимость выработки специальных юрислингвистических методов, ориентированных на выявление того, каким образом языковое выражение влияет на правовое содержание. Это отличает юрислингвистическую конвергенцию от традиционной гармонизации, где внимание сосредоточено на текстуальных совпадениях, а не на когнитивных и семантических процессах порождения правового смысла.

Методологическая специфика юрислингвистической конвергенции проявляется в синтезе различных исследовательских подходов. С одной стороны, она опирается на классические методы юридической науки – догматический,

---

[1] Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2001. Т. 1. С. 132–133; Атарщикова Е. Н., Некрасов Е. Е. Форма, содержание и язык права // Общество и право. 2012. № 5. С. 22.

[2] Авраменко Л. В. Значение категорий «сущность», «содержание» и «форма» в формулировании понятия права // Проблемы законности. 2014. № 125. С. 44–45.

формально-логический, сравнительно-правовой. С другой – интегрирует инструментарий современной лингвистики: семиотический, когнитивный, прагматический анализ. О. Д. Третьякова подчеркивает, что методология конвергенции права должна обладать «гибридным» характером, соединяя аналитическую строгость права и интерпретативную гибкость языка[1]. Поэтому формируется новая парадигма – юрислингвистическая методология, способная объяснить не только формы сближения правовых систем, но и механизмы взаимопонимания между их языками.

Следует подчеркнуть, что юрислингвистическая методология не тождественна методологии юридического перевода. Последняя направлена на обеспечение эквивалентности текста при передаче готового содержания, тогда как юрислингвистическая методология исследует сам процесс смыслообразования. Именно здесь выявляются зоны возможной конвергенции: там, где языковые формы разных правовых систем способны передавать близкие когнитивные модели. В этом смысле методология юрислингвистической конвергенции имеет не только описательное, но и конструктивное значение: она задает инструменты проектирования нормативного текста, способного быть понятным в многоязычном и межправовом пространстве.

Методология юрислингвистической конвергенции имеет сложную многоуровневую структуру, включающую философско-правовой, общенаучный и частно-научный уровни. На философском уровне она опирается на представление о праве как о коммуникативной системе, в которой язык является не внешним инструментом, а внутренним механизмом существования нормы. Д. А. Керимов подчеркивал, что методология права должна исходить из «активной роли формы», поскольку именно через форму раскрывается смысл содержания[2]. В контексте юрислингвистической конвергенции эта установка получает новое наполнение:

---

[1] Третьякова О. Д. Эпистемология методологии конвергенции права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1. С. 61–63.

[2] Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М.: Издательство СГУ, 2011. С. 121–122.

язык права рассматривается как динамическая форма, способная адаптировать норму к изменениям социально-культурной среды.

На общенаучном уровне методология юрислингвистической конвергенции базируется на принципах системности, взаимодополняемости и когнитивной целостности. Исследование правовых текстов требует сочетания формально-логического и интерпретативного подходов, что позволяет выявлять не только структуру нормы, но и механизмы ее смыслового порождения. Как отмечает А. М. Новиков, методология любого научного исследования должна обеспечивать «логическое единство целей, принципов и процедур»[1]; применительно к праву это означает необходимость согласования методов познания юридической и языковой реальности.

Ключевым компонентом данной методологии выступает когнитивный подход, позволяющий рассматривать конвергенцию как процесс обмена ментальными структурами, закрепленными в правовом языке. Он исходит из того, что юридические тексты отражают не только норму, но и способ юридического мышления, закрепленный в грамматике и терминологии. Когнитивная методология конвергенции предполагает исследование способов осмысления правовой реальности через языковые конструкции и дефиниции[2] Такой подход раскрывает внутреннюю «ментальную карту» правовой системы и объясняет, каким образом лингвистическое сближение способствует когерентности права.

Наряду с когнитивным важное значение имеет коммуникативный принцип. Право (как инструмент социального взаимодействия) требует ясных и взаимопонимаемых языковых форм. Для российской правовой системы коммуникативный принцип особенно актуален в условиях расширения межгосударственного взаимодействия в ЕАЭС, где прозрачность текста обеспечивает доверие и предсказуемость регулирования.

---

[1] Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология научного исследования: учебно-методическое пособие. М.: Либроком, 2010. С. 58–59.

[2] Третьякова О. Д. Методология конвергенции права // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 4. С. 144–145.

Третьим базовым элементом методологии выступает сравнительно-правовой подход, традиционно используемый при исследовании процессов гармонизации и унификации. Однако в рамках юрислингвистической конвергенции он получает новое значение: сопоставление осуществляется не только на уровне институтов и норм, но и на уровне языковых структур. Как отмечает Ю. Базедов, унификация без учета лингвистических различий неизбежно ведет к «скрытому расхождению смыслов»[1]. Важно выявление точек смыслового пересечения между правовыми системами и формирование универсальных инструментов коммуникации без утраты культурной идентичности.

Среди частнонаучных методов юрислингвистической конвергенции центральное место занимает герменевтический метод. Его значение возрастает в условиях взаимодействия различных правовых систем, где каждый термин несет культурно обусловленные значения. Герменевтика позволяет не только интерпретировать нормы, но и восстанавливать внутреннюю логику языковых решений законодателя. Как отмечает Ю. Б. Батурина, герменевтический анализ выявляет «взаимопроникновение формы и содержания» в праве, что делает возможным корректное понимание текста закона[2]. В международной практике герменевтический метод реализуется в подходе Европейского суда по правам человека, который при расхождении языковых версий норм Конвенции ищет «наиболее конвергентное» значение, основанное на телеологической интерпретации. Тем самым герменевтика становится инструментом поддержания смысловой целостности права в условиях лингвистического многообразия.

Не менее важен функционально-семантический метод, фокусирующий внимание на взаимосвязи между языковой семантикой и юридической функцией. Он позволяет установить, как грамматические и лексические конструкции определяют правовые последствия. В. П. Звеков обращал внимание, что коллизии правовых систем часто вызваны «семантическими несовпадениями» в терминах,

---

[1] Базедов Ю. Возрождение процесса унификации права: европейское договорное право и его элементы // Государство и право. 2000. № 2. С. 68–69.

[2] Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 94–95.

формулирующих права и обязанности[1]. Сопоставительный анализ терминов *liability*, *responsibility* и их русских эквивалентов демонстрирует, что различие в смысловых оттенках способно повлиять на исход судебного спора. Поэтому применение функционально-семантического метода позволяет обнаружить и устранить такие различия еще на этапе правотворчества, обеспечивая эквивалентность терминологии и ее соответствие правовой функции.

Следующим компонентом методологии выступает аксиологический метод, раскрывающий ценностное измерение языка права. Он ориентирован на выявление того, какие правовые и культурные ценности закреплены в лексике нормативных актов. Как подчеркивает С. В. Мирошник, форма права неотделима от ценностного выбора законодателя: каждая языковая конструкция выражает определенное представление о должном и справедливом[2]. Аксиологический метод позволяет определить, какие ценности являются или могут стать общими для разных правовых культур и как их можно выразить средствами национальных языков. Например, при разработке модельных законов СНГ происходит адаптация категорий «достоинство личности», «общественное благо», «законная цель» – универсальных для континентальной традиции, но требующих лексического согласования в постсоветском пространстве.

Четвертый элемент – моделирующий метод, используемый для проектирования новых форм правового языка и прогнозирования результатов их применения. Он особенно важен на этапе цифровизации законодательства и создания многоязычных баз правовых данных. С. В. Мирошник и Г. А. Пакерман отмечают, что моделирование текстов с учетом правил юрислингвистики позволяет заранее устранять потенциальные смысловые коллизии[3]. На международном уровне этот подход реализуется в практике Комиссии ООН по

---

[1] Звеков В. П. Коллизии законов в международном частном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 83–85.

[2] Мирошник С. В. Источник права и форма права: соотношение понятий // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 36.

[3] Пакерман Г. А. Методы унификации права на примере правового регулирования иностранных инвестиций // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 99–100.

праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), где тексты модельных актов проходят лингвистическую верификацию для обеспечения терминологического соответствия. Таким образом, моделирующий метод становится практическим инструментом проектирования нормативных текстов в условиях глобальной коммуникации.

Сочетание герменевтического, функционально-семантического, аксиологического и моделирующего методов формирует целостный инструментарий юрислингвистической конвергенции. Он позволяет не только анализировать существующие тексты, но и создавать новые, способные «говорить» на общем юридическом языке без утраты национальной специфики. Именно в этом синтезе проявляется уникальность юрислингвистической методологии: она объединяет аналитическую глубину теории права с точностью лингвистического моделирования, превращая язык из пассивного посредника в активный компонент правового регулирования.

Практическая значимость методологии юрислингвистической конвергенции проявляется прежде всего в сфере нормотворчества, где язык права выступает не просто средством фиксации воли законодателя, но инструментом достижения юридической определенности и взаимопонимания. В России осознание этой роли языка постепенно находит отражение в деятельности федеральных органов: подготовка концепций законопроектов сопровождается лингвистическими экспертизами, направленными, в том числе, на устранение терминологической неоднозначности. Как отмечает В. В. Кожевников, методологическая культура законодателя сегодня включает владение не только юридическими, но и лингвистическими инструментами, что является «признаком зрелости правовой системы»[1]. Этот сдвиг в сторону «осознанного языка» позволяет рассматривать нормотворчество как процесс не только юридический, но и коммуникативный,

[1] Кожевников В. В. Проблемы методологии теории государства и права в современной российской юридической науке: критический анализ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 3. С. 8–9.

требующий соблюдения принципов точности, однозначности и когерентности правового текста.

Методология юрислингвистической конвергенции также существенно влияет на судебную интерпретацию, особенно в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П отмечено, что «истолкование нормативного предписания должно осуществляться с учетом его грамматического смысла и системных связей в тексте закона»; подобные решения фактически свидетельствуют о признании юрислингвистического подхода на уровне конституционного правосудия.

Особую роль юрислингвистическая методология играет в международном правовом взаимодействии, прежде всего в рамках Евразийского экономического союза. При разработке модельных актов и договоров в ЕАЭС уделяется внимание выравниванию терминологических систем, что отражает практическое применение принципов юрислингвистической конвергенции. В совместных документах России, Беларуси и Казахстана выработаны общие определения понятий «таможенное регулирование», «государственная поддержка» и «общий рынок услуг», согласованные на уровне лексической и концептуальной эквивалентности[1]. Такой подход обеспечивает правовую совместимость без утраты национальной идентичности и подтверждает, что конвергенция выступает не как унификация, а как осмысленная согласованность языков правовых систем.

Методологические принципы юрислингвистической конвергенции все активнее применяются и в сфере цифрового права. Развитие электронных баз нормативных правовых актов, систем автоматизированного анализа правовых текстов и технологий искусственного интеллекта в правоприменении требует унифицированных языковых стандартов и согласованных онтологий. Цифровизация права неминуемо усиливает значение его языковой формы, поскольку «цифровой код фиксирует не только норму, но и грамматику

[1] Каширкина А. А., Морозов А. Н. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ. М.: ИЗиСП, Контракт, 2012. С. 276–278.

юридического мышления»[1]. Таким образом, методология юрислингвистической конвергенции становится не только теоретическим, но и технологическим основанием правового регулирования в XXI в., задавая стандарты юридического языка для электронных систем.

Вместе с тем практическая реализация юрислингвистических подходов сталкивается с рядом проблем. Во-первых, отсутствует единая система критериев оценки качества юридического языка, что затрудняет экспертизу нормативных актов. Во-вторых, сохраняется терминологическая неоднородность даже в пределах одной отрасли права. И, наконец, в научном и практическом дискурсе пока не закреплено представление о юрислингвистической экспертизе как обязательном элементе правотворческого процесса. Решение этих проблем требует институционализации юрислингвистической методологии – создания нормативной базы, закрепляющей ее статус и процедуры. Только в этом случае конвергенция станет устойчивым механизмом формирования правовой системы, ориентированной на качество коммуникации и взаимопонимание.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что методология юрислингвистической конвергенции формирует новую исследовательскую и практическую парадигму в правовой науке. Ее сущность заключается в синтезе юридического и лингвистического методов познания, ориентированном на выявление механизмов смыслового согласования правовых систем. Если классическая методология стремится к логической непротиворечивости нормы, то юрислингвистическая направлена на смысловую сопоставимость – способность языка права обеспечивать взаимопонимание между различными правовыми системами. Она отражает переход от нормативного позитивизма к коммуникативному пониманию права, где акт правотворчества рассматривается как акт смыслопорождения, а не просто как издание нормы[2].

---

[1] Атарщикова Е. Н., Некрасов Е. Е. Форма, содержание и язык права // Общество и право. 2012. № 5. С. 24.

[2] Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М.: Издательство СГУ, 2011. С. 153–154.

Совокупность рассмотренных методов позволяет выстроить целостную структуру юрислингвистической методологии. Ее ядро образуют четыре группы принципов: когнитивные (отражающие связь языка и правового мышления), коммуникативные (обеспечивающие взаимопонимание субъектов права), аксиологические (выражающие ценностное содержание юридического языка) и нормативно-технические (обеспечивающие корректность формулировок правовых норм). Взаимодействие этих принципов делает возможным создание правовых текстов, способных функционировать в многоуровневом – национальном и международном – правовом пространстве. Методология конвергенции представляет собой *«систему эвристических средств»*, направленных на выявление закономерностей интеграции правовых языков при сохранении их самобытности[1].

Методология юрислингвистической конвергенции имеет и прикладное значение: она задает стандарты качества юридического языка, выступая своеобразным «метаязыком» правотворчества. Ее применение способствует устранению терминологических коллизий, повышает предсказуемость правоприменения, обеспечивает транспарентность юридической коммуникации. В этом контексте можно говорить о формировании в России особого направления – юрислингвистической экспертизы нормативных актов, предполагающей оценку текстов по критериям точности, логической связности и культурной адаптируемости. Такая экспертиза уже применяется в отдельных правовых системах Европы (например, во Франции и Германии), и ее институционализация в российской практике представляется методологически оправданной[2].

Авторское определение юрислингвистической методологии может быть сформулировано следующим образом: это система философских, общенаучных и специальных методов, направленных на исследование и обеспечение языковой совместимости правовых систем, а также на выявление закономерностей

---

[1] Третьякова О. Д. Методология конвергенции права // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 4. С. 149–150.

[2] Пакерман Г. А. Методы унификации права на примере правового регулирования иностранных инвестиций // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 101–102.

формирования, интерпретации и адаптации правовых текстов в условиях многоуровневого регулирования. В отличие от общей методологии права, она исследует не только структуру и содержание нормы, но и способы ее языкового воплощения, включая когнитивные и аксиологические основания юридической коммуникации. Таким образом, юрислингвистическая методология представляет собой самостоятельный раздел юридического знания, соединяющий лингвистическую точность с философской глубиной правового смысла.

Завершая анализ, следует подчеркнуть, что методология юрислингвистической конвергенции выполняет роль связующего звена между теорией и механизмом правового регулирования. Она не просто описывает процессы языкового сближения, но и задает научные ориентиры для их практической реализации. Именно на ее основе далее будет рассмотрен механизм юрислингвистической конвергенции, включающий институциональные, процедурные и инструментальные формы взаимодействия языка и права. В этом смысле методология становится не только когнитивной рамкой, но и методическим фундаментом, на котором строится современная концепция правовой коммуникации в России.

1.3 Механизм юрислингвистической конвергенции правового регулирования отношений

Современная правовая система функционирует не только как совокупность норм и институтов, но и как языковая среда, в которой формируется и реализуется смысл права. Поэтому механизм юрислингвистической конвергенции можно определить как систему согласованных правовых и языковых средств, обеспечивающих сближение смыслов норм, терминов и категорий, используемых в разных правовых системах и профессиональных традициях. В отличие от традиционных форм гармонизации законодательства, этот механизм направлен не столько на унификацию материальных предписаний, сколько на устранение

смысловых расхождений, обусловленных особенностями юридического языка[1]. Механизм юрислингвистической конвергенции требует не только описания, но и концептуального оформления – без четкой модели невозможно понять внутренний порядок согласования правовых смыслов. В современном праве язык выступает не вспомогательной оболочкой, а *структурообразующим компонентом* нормативного регулирования, задающим границы юридического содержания и способы его выражения[2]. Поэтому данный механизм целесообразно рассматривать как *систему взаимосвязанных правовых и языковых компонентов*, которые обеспечивают устойчивость и эквивалентность юридического смысла в условиях нормативной многослойности и многообразия профессиональных традиций[3].

Авторская модель исходит из того, что конвергенция – это не одномоментное сближение, а **последовательный процесс согласования юридических понятий и связанных с ними смысловых характеристик нормы**. Такое понимание позволяет избежать подмены правовой категории чисто лингвистическим «значением» и фиксирует специфику юридического языка как системы, где термин всегда связан с определенной понятийной структурой. Юридический текст функционирует как упорядоченная и внутренне согласованная конструкция: нарушение понятийной или формальной связи немедленно отражается на восприятии и применении нормы. Н. В. Маланина справедливо отмечает, что точность формулировок обусловливает предсказуемость правоприменения и устойчивость профессиональной юридической коммуникации[4].

Первым структурным компонентом модели выступает **понятийно-терминологическая плоскость**, обеспечивающая согласованность ключевых дефиниций, категорий и терминологических рамок. Терминологическое расхождение в праве – это не просто лексическая ошибка; оно меняет смысловую

---

[1] Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 215–216.
[2] Подробнее см.: Mellinkoff D. The Language of the Law. Eugene : Resource Publications, 2004. 526 p.
[3] Подробнее см.: Gémar J.-C., Kasirer N. (eds.). Jurilinguistique: entre langues et droits. Jurilinguistics: Between Law and Language. Montréal: Thémis/Bruylant, 2005. 596 p.
[4] Маланина Н. В. Язык закона как особый юридический язык (на материале текстов законодательных актов Алтайского края) // Ползуновский вестник. 2006. № 3-1. С. 105–113.

конфигурацию нормы и порождает альтернативные варианты ее толкования. Неопределенность или дублирование терминов закономерно приводит к расхождениям в нормативной и судебной практике[1]. Поэтому именно понятийно-терминологическая плоскость формирует исходный контур конвергенции и задает направление дальнейшего смыслового выравнивания.

Второй компонент – **морфологическая плоскость**, направленная на обеспечение **однородности языкового выражения юридических понятий**. В праве даже небольшие расхождения способны менять характер нормативной конструкции: различие в лексико-морфологической формуле («изъятие» и «исключение», «надлежащий» и «должный») приводит к различной интерпретационной траектории. А. С. Шабуров подчеркивает, что юридический термин функционирует как научно-теоретическая категория и требует стабильного формального выражения[2]. Поэтому задача этого компонента заключается в поддержании единых словообразовательных моделей (их комплексов для каждой части речи), исключающих смысловые колебания при правоприменении.

Третий компонент авторской модели – **синтаксическая плоскость**, определяющая способы структурирования юридической нормы. Синтаксис в праве всегда функционален: порядок элементов, тип связи между ними, расположение условий и ограничений – все это влияет на объем прав и обязанностей. Поэтому синтаксическая конвергенция предполагает согласование типовых конструкций, устранение двусмысленных формул и унификацию модальных элементов («вправе», «обязан», «подлежит», «запрещается»). Как показывают исследования сложности правовых текстов, даже грамматически корректное предложение может быть юридически неопределенным, если нарушен внутренний порядок смысловых

[1] См.: Батюшкина М. В. Юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 138–154.

[2] См.: Шабуров А. С. Юридическая терминология и юридические понятия как юридико-технические средства и научно-теоретические категории // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1. С. 131–145.

акцентов[1]. Таким образом, задача синтаксической плоскости – обеспечить предсказуемость восприятия нормы независимо от отрасли, адресата и конкретного правоприменительного контекста.

Четвертый компонент – **контекстуально-интерпретационная плоскость**, обеспечивающая устойчивость юридического смысла в профессиональной коммуникации. На этом уровне конвергенция проявляется в выработке единых подходов к толкованию, стандартизированных способов аргументации и устойчивых терминологических связок, воспроизводимых в судебной практике. М. А. Ревазов отмечает, что восприятие юридического языка юристами и участниками правовой коммуникации часто расходится, и именно практика функционирует как корректирующий механизм, «выравнивая» смысловые отклонения и закрепляя предпочтительные способы употребления терминов[2]. Следовательно, контекстуально-интерпретационная плоскость обеспечивает замыкание механизма: здесь формируется общая профессиональная семантика, без которой невозможно единообразное правоприменение.

Суммируя действие всех компонентов, авторская модель механизма конвергенции может быть представлена как **целостная система смыслового выравнивания**, работающая одновременно на языковом и правовом уровнях. Понятийно-терминологическая плоскость задает содержание; морфолого-словообразовательная – формализует его; синтаксическая – организует его в нормативную конструкцию; контекстуально-интерпретационная – обеспечивает устойчивое функционирование в правоприменении. Такая многоаспектная структура делает механизм конвергенции не набором отдельных приемов, а инструментом поддержания внутренней согласованности правовой системы, единообразия нормотворчества и непротиворечивости судебной практики.

---

[1] См.: Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74.

[2] См.: Ревазов М. А. Особенности смыслового наполнения понятия «юридический язык» лингвистами и участниками правовой коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 2. С. 531–544.

В результате авторская модель демонстрирует, что юрислингвистическая конвергенция – не вспомогательная процедура, а **самостоятельная регулятивная категория**, обеспечивающая предсказуемость, стабильность и транспарентность правовой коммуникации. Она принимает на себя функцию смыслового «каркаса» правового регулирования, позволяя согласовать разнообразие юридических формул и практик без утраты национальной правовой идентичности. Такое понимание механизма делает возможным дальнейшее развитие конкретных алгоритмов конвергенции, которые формируют практическую часть данного феномена и служат основой для совершенствования юридико-лингвистических процедур.

Классическая теория механизма правового регулирования, разработанная С. С. Алексеевым, предлагает рассматривать его как «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения»[1]. Можно говорить о функционировании языка права как самостоятельного канала правового воздействия, в котором слова, формулировки и логика изложения нормы становятся инструментами регулирования. Через эти элементы обеспечивается передача правового смысла от законодателя к адресату и согласование правоприменительной практики, особенно в условиях взаимодействия различных правовых культур[2].

Смысл конвергенции проявляется в том, что язык права становится посредником между правовыми системами, позволяя вырабатывать совместимые категории и единые критерии толкования. Этот процесс предполагает переход от формального совпадения терминов к смысловому соответствию, что требует высокой точности правовой речи и профессиональной дисциплины языка. Как отмечает А. В. Хвостова, язык права не сводится к средству передачи информации: он является частью механизма действия права, задающей границы его понимания

[1] См.: Ревазов М. А. Особенности смыслового наполнения понятия «юридический язык» лингвистами и участниками правовой коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 2. С. 531–544.
[2] Груздев В. В. Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 2. С. 297–300.

и применения[1]. Следовательно, четкость и устойчивость юридических формулировок прямо влияют на единообразие правоприменения и предсказуемость решений.

Юрислингвистическая конвергенция при этом не подменяет правовое регулирование, а дополняет его смысловым и когнитивным измерением – процессом выработки общих языковых ориентиров. Она охватывает как институциональные процедуры (создание терминологических глоссариев, правовую экспертизу текстов актов, унификацию переводов международных договоров), так и профессиональные практики, обеспечивающие единообразие понимания правовых текстов в юридическом сообществе. В этом проявляется ее системный характер: взаимодействие правовой материи и языковой формы становится фактором правовой интеграции[2].

Таким образом, механизм юрислингвистической конвергенции можно рассматривать как цельную систему взаимосвязанных элементов, где нормативные источники, языковые стандарты, процедуры экспертизы и профессиональные практики работают согласованно, обеспечивая единство правового языка и устойчивость юридического смысла. Его задача – согласовать понятийное пространство права, укрепить терминологическую точность и повысить предсказуемость правоприменения. Особенно в условиях внешнеполитической напряженности и санкционного давления такая согласованность становится условием правового суверенитета и символом внутренней целостности национальной правовой системы[3].

Механизм юрислингвистической конвергенции формируется как система взаимосвязанных звеньев, каждое из которых выполняет собственную функцию в

---

[1] Хвостова А. В. «Механизм действия права»: содержание понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2. С. 25.

[2] Лановая Г. М. Механизмы действия современного права // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 64–65; Пшеничнов М. А. К вопросу о концепции гармонизации российского законодательства в контексте международно-правовых стандартов // Международное публичное и частное право. 2007. № 3. С. 32–33.

[3] Баранов В. М., Пшеничнов М. А. Гармонизация законодательства как общеправовой феномен // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 43–44.

процессе согласования правовых смыслов. Его основу составляют четыре элемента: нормативный, институциональный, процедурный и когнитивно-коммуникативный. Их взаимодействие обеспечивает целостность правового языка и согласованность терминологического пространства в рамках национального и международного правопорядка. При этом ключевым признаком данного механизма выступает его многоуровневость: он действует одновременно на уровне нормотворчества, правоприменения и профессиональной юридической коммуникации[1].

Многоуровневый характер механизма юрислингвистической конвергенции предполагает, что согласование правовых смыслов осуществляется не только институциональными и нормативными средствами, но и в рамках отдельных лингвистических плоскостей. Каждая из них имеет собственный объект регулирования и собственный тип рисков: понятийных, терминологических, формальных или интерпретационных. Поэтому представляется необходимым выделить ряд частных моделей конвергенции, описывающих наиболее значимые участки взаимодействия языка и права и позволяющих выработать устойчивые методики устранения смысловых расхождений.

Первой из таких моделей является **понятийная (лексико-семантическая) конвергенция**, ориентированная на согласование ключевых юридических понятий, определяющих границы применимости нормы. Здесь речь идет не только о легальных дефинициях, но и о более широком понятийном аппарате, который используется в доктрине и судебной практике. Понятие в праве имеет двойственную природу: оно одновременно является и инструментом нормотворчества, и единицей юридического мышления. Поэтому даже минимальное расхождение в объеме или структуре понятия порождает существенные различия в интерпретации. Как отмечает М. В. Батюшкина, смысловые отклонения часто возникают из-за того, что терминологическое

[1] См.: Малько А. В. Механизм правового регулирования: лекция // Правоведение. 1996. № 3. С. 54–62; Лановая Г. М. Механизмы действия современного права // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 66.

обозначение используется в нормативных актах неоднородно, что ведет к распаду общего понятийного пространства[1]. Понятийная конвергенция устраняет такие разрывы, обеспечивая единообразие понятийного аппарата в смежных отраслях и сферах правового регулирования.

Особое значение понятийная конвергенция приобретает в условиях правовой неопределенности, когда размытость понятийных границ увеличивает вероятность альтернативных интерпретаций и требует дополнительного языкового согласования для восстановления смысловой устойчивости нормы.

Второй моделью является **лексико-терминологическая конвергенция**, тесно связанная с предыдущей, но имеющая собственный акцент: она направлена преимущественно на устранение дублирующих или конкурирующих терминов. В российском законодательстве подобные случаи встречаются регулярно – достаточно сравнить употребление терминов «организация», «юридическое лицо», «хозяйствующий субъект» в различных актах, где отсутствие терминологической координации приводит к фрагментации правового режима. Как подчеркивает Н. И. Уздимаева, языковая неустойчивость правовых текстов во многом обусловлена тем, что терминологическая система закона формируется без учета межотраслевых связей[2]. Модель лексико-терминологической конвергенции предполагает выработку единых терминологических стандартов, устранение избыточных обозначений и закрепление унифицированных терминов в ключевых нормативных актах.

Третья модель – **морфологическая конвергенция**, регулирующая формальные элементы юридической речи. В праве морфология не является «служебным уровнем»: выбор грамматической формы определяет пределы действия нормы, задает специфику правового статуса субъекта или объекта регулирования. Например, различие между формулами «обязан соблюдать» и «должен соблюдать» нередко фиксирует различную степень императивности.

---

[1] Батюшкина М. В. Юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 138–154.

[2] Уздимаева Н. И. Язык права и особенности правовых текстов // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 145–147.

А. С. Шабуров справедливо указывает, что морфологические варианты юридических терминов должны иметь высокую степень формальной предсказуемости, иначе нарушается единообразие профессиональной коммуникации[1]. Модель морфологической конвергенции направлена на выявление и устранение таких формальных расхождений, обеспечивая однородность морфологических конструкций в пределах отрасли и межотраслевых связей.

Четвертая модель – **словообразовательная конвергенция**, ориентированная на унификацию структурных моделей образования юридических терминов. Словообразование в праве играет значимую роль, поскольку задает не только форму, но и категориальное содержание термина. Так, различия между моделями с аффиксальной и безаффиксной деривацией («недопустимость» – «запрет») могут отражать различные регулятивные подходы и степени правовой строгости. Как отмечает А. С. Шабуров, единообразие словообразовательных моделей является необходимым условием терминологической системности, поскольку обеспечивают предсказуемость смысловых связей внутри юридического языка[2]. Эта модель направлена на стабилизацию словообразовательных формул, чтобы предотвратить расхождения в юридическом значении родственных терминов.

Пятая модель – **синтаксическая конвергенция**, направленная на согласование структурных схем юридических предложений. Синтаксис в праве выполняет не декоративную, а строго регулятивную функцию: порядок расположения элементов конструкции определяет объем прав, содержания обязанностей и пределы ответственности. Синтаксическая «перегруженность» и отсутствие единообразия являются одним из ключевых источников смысловой неопределенности нормативных правовых актов[3]. Модель синтаксической

---

[1] Шабуров А. С. Юридическая терминология и юридические понятия как юридико-технические средства и научно-теоретические категории // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1. С. 131–145.

[2] Там же. С. 131–145.

[3] Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74.

конвергенции предполагает унификацию типовых конструкций, упорядочивание логики предложения, исключение избыточных вложений и согласование модальных формул. В конечном итоге она обеспечивает одинаковое восприятие нормы независимо от того, в какой отрасли или подотрасли она применяется.

Шестая модель – **контекстуальная конвергенция**, обеспечивающая стабильность юридического смысла в зависимости от интерпретационной ситуации. Правовой термин или конструкция нередко приобретают различное значение в зависимости от судебного контекста, отраслевого уровня или типа юридического дискурса. Как отмечает М. А. Ревазов, восприятие юридического языка специалистами разных сфер может существенно отличаться, что приводит к фрагментации профессионального понимания[1]. Модель контекстуальной конвергенции ориентирована на выработку единых интерпретационных ориентиров, устойчивых аргументационных схем и согласованных способов применения терминов. Это позволяет избегать расхождений между доктринальными и судебными трактовками и создает основу для предсказуемого правоприменения.

Рассмотренные частные модели образуют **единый контур юрислингвистической конвергенции**, где каждая плоскость дополняет другую. Понятийная модель задает содержательную основу; лексико-терминологическая – устраняет дублирование обозначений; морфологическая и словообразовательная – стабилизируют формальные параметры термина; синтаксическая – формирует структурную логику нормы; контекстуальная – обеспечивает ее интерпретационную устойчивость. Таким образом, структура частных моделей не является набором самостоятельных процедур: частные модели функционируют в условиях взаимного контроля, усиливая точность и согласованность правового языка.

---

[1] Ревазов М. А. Особенности смыслового наполнения понятия «юридический язык» лингвистами и участниками правовой коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 2. С. 531–544.

В результате становится очевидно, что юрислингвистическая конвергенция не может быть сведена к единичным техническим приемам. Это **комплексный и многоаспектный процесс**, обеспечивающий единство понятийного пространства, формальную однородность юридического текста и устойчивость смысловой интерпретации в профессиональной среде. Частные модели позволяют не только аналитически описать этот процесс, но и сформировать практические инструменты для совершенствования юридической техники, повышения качества нормотворчества и укрепления предсказуемости судебной практики. Именно поэтому их включение в общую структуру механизма конвергенции является необходимым элементом научного анализа и практической правовой политики.

Нормативная основа языковой унификации задает ее обязательные параметры. К ней относятся легальные дефиниции, официальные глоссарии и правила юридической техники, обеспечивающие точность и согласованность формулировок. Как подчеркивает Г. М. Лановая, эффективность действия права во многом зависит от качества его языкового выражения, поскольку терминологическая разнородность способна исказить волю законодателя[1]. Именно на этом уровне реализуется первичная стадия конвергенции – согласование базовых понятий, определяющих смысловые координаты правового регулирования. Примерами таких процессов служат унифицированные определения, используемые в Гражданском кодексе РФ и в международных соглашениях ЕАЭС – например, понятия «договор», «субъект предпринимательской деятельности», «гарантия качества» и др.[2]

Институциональный элемент отражает организационное обеспечение механизма (согласование понятийных систем, предотвращение омонимии и обеспечение единообразия официальных переводов). В России такие функции выполняют, в частности, Институт законодательства и сравнительного

---

[1] Лановая Г. М. Механизмы действия современного права // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 65.

[2] Баранов В. М., Пшеничнов М. А. Гармонизация законодательства как базовая юридическая конструкция инновационного правового развития государства // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 72–73.

правоведения при Правительстве РФ, Центр экспертизы нормативных актов при Государственной Думе, а также специализированные лингвистические подразделения министерств. Подобная институциональная структура сближает отечественную практику с подходами, реализуемыми в Европейском союзе, где юрислингвистические службы Европейской комиссии обеспечивают точность и эквивалентность правовых текстов на всех официальных языках[1].

Процедурный элемент включает конкретные приемы и алгоритмы работы с языковым материалом права. К ним относятся терминологическая инвентаризация при подготовке законопроектов, проверка дефиниций на отраслевое соответствие, устранение дублирования и полисемии, а также использование двуязычных таблиц соответствия при переводе международных документов. Эти процедуры направлены на обеспечение смысловой устойчивости нормы – ее способности сохранять значение при переходе из одного правового пространства в другое. Как справедливо замечает М. А. Пшеничнов, системная унификация терминов способствует не только улучшению качества правотворчества, но и формированию доверия к национальной правовой системе как к предсказуемому партнеру в международных отношениях[2].

Разработка алгоритмов юрислингвистической конвергенции представляет собой ключевую стадию формирования механизма, поскольку именно алгоритм переводит общую модель в последовательную и воспроизводимую процедуру. Такой подход позволяет не только устранить смысловые разрывы, но и создать предсказуемые методики юридико-лингвистической работы. Авторские алгоритмы ниже отражают логику поэтапного упорядочивания правовых и языковых структур и направлены на повышение точности нормотворчества и устойчивости правоприменения.

---

[1] Пшеничнов М. А. К вопросу о концепции гармонизации российского законодательства в контексте международно-правовых стандартов // Международное публичное и частное право. 2007. № 3. С. 33; Бачило И. Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 84–86.

[2] Пшеничнов М. А. К вопросу о концепции гармонизации российского законодательства в контексте международно-правовых стандартов // Международное публичное и частное право. 2007. № 3. С. 33.

Первым является **алгоритм понятийной конвергенции**, предназначенный для согласования юридических понятий, используемых в различных нормативных правовых актах и сферах правового регулирования.

Он включает четыре этапа:

1. Идентификация ключевых понятий, присутствующих в регулируемой сфере (например, «обеспечение исполнения обязательств», «исключительное право», «юридическое лицо»).

2. Сопоставление легальных дефиниций и выявление расхождений в объеме, структуре и характере нормативного содержания.

3. Формирование согласованной понятийной рамки, устраняющей дублирование и обеспечивающей единый подход к дефинированию.

4. Закрепление итоговой дефиниции в базовом нормативном акте, от которого далее выстраивается отраслевое и подотраслевое регулирование.

На практике данный алгоритм реализовывался при подготовке части четвертой Гражданского кодекса РФ, где был проведен масштабный анализ терминов «интеллектуальная собственность», «исключительное право», «объекты охраны» в целях устранения межотраслевых расхождений. Унификация этих понятий позволила обеспечить более точный понятийный контур и снизить риски расхождения судебных подходов[1].

Второй алгоритм – **алгоритм синтаксической конвергенции**, направленный на выработку устойчивых конструкций юридического текста. Он особенно важен для предотвращения смысловой неопределенности, возникающей из-за сложности грамматических структур.

Он включает следующие этапы:

1. Диагностика синтаксических рисков: выявление «перегруженных» предложений, множественных осложнений, выявление отсутствия логической последовательности смысловых блоков.

---

[1] Батюшкина М. В. Юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 138–154.

2. Приведение конструкции к стандартной схеме, предполагающей четкое разграничение условий, диспозиции и возможных ограничений.

3. Устранение двусмысленных модальных формул («может» – «вправе», «должен» – «обязан»), которые при неудачном расположении способны менять юридическую силу нормы.

4. Проверка на межотраслевую совместимость, исключающая создание «локальных» синтаксических моделей, нарушающих системность языка законодательства.

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по вопросам гражданского законодательства неоднократно уточнялись синтаксические формулы, предусматривающие основания освобождения от ответственности («если лицо докажет, что…»). Согласование синтаксической схемы позволило устранить различия в судебной интерпретации положений о добросовестности и разумности[1].

Третий алгоритм – **алгоритм межъязыковой (эквивалентностной) конвергенции**, обеспечивающий смысловую сопоставимость правовых текстов, создаваемых на разных языках. Его применение необходимо в условиях международного сотрудничества, интеграционных объединений и двусторонних соглашений.

Алгоритм включает следующие этапы:

1. Определение терминов повышенной смысловой нагрузки, которые подлежат обязательной проверке на межъязыковую эквивалентность (например, «арбитраж», «публичный порядок», «компетентный орган»).

2. Сопоставление нормативных значений терминов в двух правовых системах, поскольку прямое лексическое соответствие не гарантирует содержательной эквивалентности.

3. Формирование двуязычной таблицы соответствия с указанием предпочтительного варианта перевода и допустимых семантических отклонений.

---

[1] Подробнее см.: Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74.

4. Финальная лингвистическая сверка текста, исключающая расхождение смыслов при переходе от одного языка к другому.

Подобная процедура системно применяется при подготовке актов Евразийского экономического союза, где тексты проходят параллельную экспертизу на русском и английском языках для достижения семантической эквивалентности терминов «государственный контроль», «сертификация», «техническое регулирование». Такая практика позволяет исключить смысловые разрывы, которые могут повлиять на правоприменение в юрисдикциях государств – членов объединения[1].

Четвертый алгоритм – **алгоритм контекстуально-интерпретационной конвергенции**, обеспечивающий устойчивость юридического смысла на уровне судебной и доктринальной интерпретации. Он необходим для предотвращения фрагментации правового языка, когда один и тот же термин начинает толковаться различными профессиональными группами по-разному.

Включает следующие этапы:

1. Выявление терминов с высоким интерпретационным потенциалом («разумность», «добросовестность», «соразмерность»).

2. Анализ судебной практики, направленный на выявление устойчивых моделей толкования и отклонений от них.

3. Формирование единых интерпретационных ориентиров на основе доктринальных источников, актов высших судебных инстанций и сопоставимого зарубежного опыта.

4. Закрепление единообразного подхода в методических материалах, правовых позициях и научных рекомендациях.

[1] Reznikova A., Kosareva E., Dyshekova O. Legal linguistics challenges: Legal language adaptation in the framework of the Russian Federation language policy // E3S Web of Conferences: 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness. Rostov-on-Don: EDP Sciences, 2021. Vol. 273. P. 11034.

Именно в этом направлении ключевую роль играют правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, которые уточняют содержание принципов разумности и добросовестности, поддерживая единообразие их интерпретации[1].

Завершающим является **сводный мета-алгоритм**, который интегрирует все перечисленные процедуры в единую методику. Он включает три универсальных шага:

1) установление зоны возможной лингвистической неоднородности (понятийной, лексической, морфологической, синтаксической, межъязыковой или интерпретационной);

2) выбор соответствующей модели конвергенции и ее алгоритма;

3) проверку результатов на межотраслевую и межъязыковую совместимость.

Такой мета-алгоритм делает возможным применение механизма конвергенции не эпизодически, а как регулярной части процесса правотворчества и правоприменения.

В результате авторские алгоритмы демонстрируют, что юрислингвистическая конвергенция – это не абстрактная идея, а практическая технология обеспечения смысловой устойчивости права. Их применение позволяет вырабатывать единые понятийные рамки, исключать терминологическую разнородность, повышать точность нормативного текста и формировать согласованное интерпретационное пространство. Тем самым алгоритмы становятся инструментом повышения качества законодательства, укрепления правового единства и обеспечения предсказуемости судебной практики.

Когнитивно-коммуникативный элемент отражает роль профессионального языка юристов как среды поддержания конвергенции. Он проявляется в судебной и научной практике, где вырабатываются единые стандарты аргументации, способы цитирования и формулирования правовых позиций. Именно

[1] См.: Ревазов М. А. Особенности смыслового наполнения понятия «юридический язык» лингвистами и участниками правовой коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 2. С. 531–544.

профессиональное юридическое сообщество закрепляет результаты языковой унификации в повседневной правовой коммуникации – в судебных решениях, правовых заключениях, доктринальных комментариях. Этот элемент делает конвергенцию не только нормативным, но и культурным процессом, в котором формируется «юридическая картина мира» конкретной правовой системы[1].

Эффективность механизма юрислингвистической конвергенции определяется не столько наличием отдельных элементов, сколько их взаимодействием. Каждый из них выполняет специфическую функцию, но только в совокупности они обеспечивают воспроизводство единого правового языка. В этом смысле механизм действует как динамическая система: результат одной стадии становится предпосылкой для следующей. Первая стадия – лексико-терминологическая, связана с выработкой и согласованием понятий, на которых строится нормативный массив. Вторая – текстуально-нормативная, направлена на унификацию способов выражения юридических конструкций. Третья – интерпретационная, обеспечивающая единообразие понимания права в практике и доктрине. Завершающая – коммуникативная, где закрепляются единые стандарты юридического дискурса в профессиональном сообществе[2].

На лексико-терминологической стадии конвергенция проявляется в согласовании ключевых дефиниций и устранении дублирующих понятий. Эта работа требует межведомственной и межотраслевой координации. Так, при разработке части четвертой ГК РФ был проведен масштабный анализ терминов, используемых в смежных актах, чтобы избежать несогласованности между понятиями «интеллектуальная собственность», «исключительное право» и «объекты охраны». Аналогичные подходы применяются в рамках ЕАЭС при унификации таможенной и технической терминологии, где создаются двуязычные таблицы соответствия и единые глоссарии[3]. Такая работа не только устраняет

---

[1] Сокольская Л. В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе. Орехово-Зуево, 2013. С. 118–120.

[2] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Дело, 2017. С. 115–118.

[3] Гюльвердиев Р. Б. Формы и методы юридической конвергенции в сфере внешнеэкономической деятельности: теоретический аспект // Диалог. 2016. № 2. С. 26–28.

семантические расхождения, но и формирует основу для доверительного обмена правовой информацией между государствами.

На текстуально-нормативной стадии внимание смещается к языковым формулам изложения норм. Унификация касается синтаксической структуры предложений, порядка расположения диспозиций и санкций, единообразного использования слов с модальной семантикой («обязан», «вправе», «запрещается» и др.). Цель этой стадии – обеспечить равномерное восприятие нормативного текста различными адресатами. Как отмечает В. А. Ленчик, грамматическая организация правовой нормы выступает фактором ее эффективности: грамматическая неточность может изменить юридический смысл[1]. Поэтому юрислингвистическая экспертиза проектов актов становится обязательным элементом нормотворческого цикла.

Интерпретационная стадия предполагает выработку единых принципов толкования, что особенно важно при взаимодействии национальных правовых систем. Судебная практика играет здесь ключевую роль: она задает стандарты использования легальных терминов, корректирует смысловые отклонения и формирует устойчивые языковые конструкции. Так, постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебном толковании гражданского и административного законодательства фактически выполняют функцию языкового ориентира, обеспечивая единообразие применения терминов «разумность», «добросовестность», «соразмерность». Этот уровень конвергенции – своего рода проверка смысловой прочности языка права: если термин сохраняет значение при судебной интерпретации, он считается лингвистически стабильным[2].

Завершающая коммуникативная стадия переносит конвергенцию в профессиональное и общественное пространство. Здесь важна не только точность юридического языка, но и культура его использования: как юристы формулируют позиции, цитируют нормы, создают аргументационные конструкции.

---

[1] Ленчик В. А. Механизм действия права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 98–99.

[2] Хвостова А. В. «Механизм действия права»: содержание понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2. С. 26–27.

Конвергенция в этой плоскости проявляется в унификации стиля правовых документов, структуре мотивировочных частей судебных актов, стандартах оформления договоров и процессуальных документов. Как справедливо отмечает Л. В. Сокольская, единообразие профессиональной речи служит индикатором зрелости правовой культуры и ее интеграционного потенциала[1]. Таким образом, юрислингвистическая конвергенция завершается не в момент принятия закона, а тогда, когда его язык становится привычным и единообразно понимаемым в юридическом сообществе.

Совершенствование механизма юрислингвистической конвергенции невозможно без миграции акцента на качество нормативного материала. В условиях усложняющейся правовой материи особое значение приобретает внутренняя согласованность языка права, поскольку именно языковая структура обеспечивает предсказуемость правоприменения и устойчивость юридического смысла. Как справедливо подчеркивал С. С. Алексеев, эффективность правового регулирования зависит не только от логики норм, но и от тех средств, посредством которых эта логика выражается[2]. Следовательно, юридический язык должен быть не только точным, но и концептуально упорядоченным, чтобы исключить смысловые расхождения между нормотворчеством, интерпретацией и практикой.

Одним из ключевых направлений совершенствования является разработка *единого стандарта юрислингвистической экспертизы*, обязательного для всех стадий законодательного процесса. Сегодня экспертиза проводится фрагментарно, что приводит к появлению норм с несогласованным понятийным аппаратом, конкурирующими терминами или синтаксическими конструкциями, допускающими альтернативное толкование. Введение унифицированного стандарта позволило бы систематизировать требования к легальным дефинициям, терминологической структуре и грамматической организации нормы. Практика ЕАЭС показывает, что единообразие языковых требований существенно повышает

[1] Сокольская Л. В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе. Орехово-Зуево, 2013. С. 120.
[2] Подробнее см.: Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. 311 с.

предсказуемость межгосударственного правоприменения и уровень взаимного доверия между участниками[1].

Представляется также необходимым нормативное закрепление *обязательной терминологической инвентаризации* при подготовке проектов федеральных законов. Такая инвентаризация должна включать сопоставление терминов и понятий проекта с действующими нормативными актами, анализ межотраслевой согласованности и устранение избыточных обозначений. Как отмечает Н. И. Уздимаева, несогласованность терминологической системы порождает фрагментацию регулирования и создает предпосылки для расхождения правоприменения даже при формальной точности норм[2]. Системная инвентаризация может стать эффективным инструментом формирования единого понятийного поля законодательства.

Не менее важным направлением является формирование *стандартов правоприменительной интерпретации*, которые бы закрепляли результаты языковой унификации на уровне судебной практики. Даже грамматически точная норма может воспроизводиться в правоприменении различным образом, если отсутствуют согласованные интерпретационные ориентиры. Смысловое наполнение ключевых правовых категорий нередко варьируется между профессиональными группами, что создает «разноуровневое» понимание юридического языка. Введение обязательных интерпретационных стандартов, включающих типовые толкования терминов повышенной смысловой значимости и единые аргументационные схемы, позволило бы устранить такие различия.

Содержание таких стандартов целесообразно закреплять в актах высших судебных инстанций. Уже сегодня постановления Пленума Верховного Суда РФ фактически выполняют функцию интерпретационных ориентиров, однако данная

---

[1] Reznikova A., Kosareva E., Dyshekova O. Legal linguistics challenges: Legal language adaptation in the framework of the Russian Federation language policy // E3S Web of Conferences: 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness. Rostov-on-Don: EDP Sciences, 2021. Vol. 273. P. 11034.

[2] Уздимаева Н. И. Язык права и особенности правовых текстов // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 145–147.

практика требует систематизации и расширения. Закрепление единых подходов к толкованию оценочных категорий («разумность», «добросовестность», «публичный порядок») позволит обеспечить устойчивость практики, повысить уровень предсказуемости судебных решений и укрепить внутреннюю согласованность правовой системы.

Особо значимым направлением развития механизма юрислингвистической конвергенции является выработка *специального механизма конвергенции с иноязычной юридической терминологией и зарубежным законодательством*. Речь идет не о частных переводческих приемах, а о целостной системе процедур, обеспечивающих включение иностранных терминов и правовых конструкций в национальное правовое пространство без утраты юридического смысла. Как подчеркивает Н. А. Власенко, язык права не может рассматриваться как нейтральный «переводчик» готовых моделей: он сам задает рамки допустимого смыслового преобразования и определяет, какие заимствования совместимы с национальной правовой системой[1]. В этой связи механизм конвергенции с иноязычной терминологией должен быть организован так, чтобы минимизировать риск нормативных искажений и обеспечить устойчивую эквивалентность правовых смыслов.

В отечественной доктрине языка права последовательно утверждается идея о том, что правовая коммуникация немыслима без согласования языковой формы и нормативного содержания[2]. Это в полной мере относится к заимствованным терминам и моделям: они не могут механически переноситься в российское законодательство, поскольку вырастали в иной системе источников права, принципов и категориального аппарата. Несогласованность терминологического ряда между различными языковыми версиями акта неминуемо порождает различия в толковании и правоприменении[3]. Следовательно, механизм конвергенции с

[1] Подробнее см.: Власенко Н. А. Язык права: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2024. 176 с.
[2] См.: Язык права: доктрина, практика, тенденции развития: монография / М. В. Баранова, Ю. А. Гаврилова, М. Л. Давыдова [и др.]. М.: Русайнс, 2021. 140 с.
[3] См.: Ширяева Т. А., Милетова Е. В., Мосесова М. Э. Язык права сквозь призму международных соглашений: монография. М.: Проспект, 2023. 168 с.

иноязычной терминологией должен быть ориентирован не на формальное совпадение слов, а на обеспечение содержательной эквивалентности.

С точки зрения междисциплинарного подхода, механизм конвергенции с иноязычной терминологией и законодательством можно определить как *систему институционально закрепленных юридико-лингвистических процедур*, направленных на выявление, оценку и нормативное закрепление эквивалентных правовых смыслов при взаимодействии национального и иностранного права. Юридический перевод как особый вид профессиональной деятельности здесь выступает не только техническим инструментом, но и частью механизма согласования понятийного пространства. А. А. Атабекова справедливо подчеркивает, что юридический перевод неизбежно затрагивает категориальную структуру правовой системы и должен рассматриваться сквозь призму ее понятийно-терминологического аппарата[1]. В этом плане механизм конвергенции включает перевод как один из этапов более сложной процедуры – адаптации и юридической аккредитации иноязычных терминов.

Практика юридического перевода показывает, что работа с иноязычной терминологией требует устойчивых профессиональных стандартов. Л. А. Борисова, анализируя основы юридического перевода, подчеркивает, что недостаточно подобрать словарный эквивалент: необходимо проверить его соответствие нормативной роли термина, его месту в системе источников и правоприменительной практике[2]. Следовательно, механизм конвергенции с иноязычной терминологией должен опираться на методологию юридического перевода, но выходить за ее пределы.

Содержательно механизм конвергенции с иноязычной юридической терминологией и зарубежным законодательством может быть представлен как **совокупность четырех взаимосвязанных блоков**: диагностического, лингвистического, юридического и коммуникативно-институционального.

---

[1] См.: Атабекова А. А. Юридический перевод в междисциплинарном контексте: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 131 с.

[2] См.: Борисова Л. А. Основы юридического перевода: монография. М.: Р.Валент, 2024. 208 с.

Диагностический блок связан с ранним выявлением иноязычного элемента, требующего особого внимания: сюда относятся не только очевидные заимствования, но и скрытые кальки, а также «перенесенные» из зарубежной практики конструкции, маскирующиеся под привычные формулы. В научной и учебной литературе по юридическому переводу подчеркивается, что без этапа целенаправленной диагностики переводчик и нормотворец рискуют работать с термином как с обычной лексической единицей, не осознавая его системной «чужеродности»[1].

Лингвистический блок механизма охватывает анализ внутренней структуры заимствуемого термина: его морфологии, словообразовательной модели, семантических оттенков и типичных контекстов употребления. Особенности терминообразования в английском и русском юридическом дискурсе нередко порождают асимметрию формально сходных единиц, что делает прямое заимствование методологически рискованным[2]. На этом этапе также учитываются данные работ по дидактике юридического перевода, где систематизируются типичные ошибки в обращении с иноязычной правовой лексикой и предлагаются стратегии их предотвращения[3]. В совокупности лингвистический блок позволяет оценить, насколько заимствуемый термин совместим с моделями русского языка права и не вносит ли он скрытых смысловых искажений.

Юридический блок направлен на сопоставление иноязычного термина с системой отечественного права. Здесь ключевым становится вопрос: существует ли в российском правопорядке функциональный аналог соответствующего института и каково его место в системе источников. В. М. Будилов справедливо подчеркивает, что перевод правовых текстов неизбежно затрагивает философские и

---

[1] Подробнее об этом см.: Юридический перевод: учебное пособие по переводу с английского языка на русский / под ред. П. В. Рыбина. М.: Проспект, 2018. 536 с.; Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта: монография / под общ. ред. В. В. Сдобникова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2017. 239 с.

[2] Тахтарова С. С., Исхакова И. Д. Терминообразование в юридическом дискурсе: проблемы перевода (на материале английского и русского языков) // Казанский вестник молодых ученых. 2018. Т. 2. № 4. С. 52–55.

[3] Шлепнев Д. Н. О дидактике юридического перевода: общий очерк // Перспективы науки и образования. 2013. № 5. С. 139–143.

методологические основания права, поскольку любое переводческое решение опирается на определенную концепцию права и его категориального аппарата[1]. Исследования Н. И. Хабибулиной и И. В. Юсиповой показывают, что право и язык в механизме обеспечения прав человека формируют единую категориальную среду, определяющую правовой статус личности; поэтому любое некорректное заимствование способно нарушить баланс юридических гарантий[2]. На этой стадии решается вопрос, может ли иностранная модель быть воспринята российским правом без ущерба для его системной логики.

Коммуникативно-институциональный блок механизма отвечает за закрепление результатов конвергенции в правоприменительной и судебной практике. Язык судебных актов не только отражает, но и формирует стандарты юридической речи, закрепляя устойчивые способы употребления терминов[3]. Н. Д. Голев, анализируя юридическую терминологию в контексте доктринального толкования, демонстрирует, что именно согласованность научной, законодательно-технической и судебной терминологической практики обеспечивает целостность профессионального языка[4]. В этом смысле механизму конвергенции недостаточно «сработать» на уровне перевода и нормотворчества: он должен завершиться в судебном и доктринальном дискурсе, где проверяется устойчивость выбранных решений и их способность воспроизводиться в реальной юридической коммуникации. Концепция языка права как самостоятельного функционального стиля, предложенная А. Н. Шепелевым, дополнительно подчеркивает, что любые

---

[1] См.: Будилов В. М. Перевод правовых текстов: философские, теоретико-правовые и методологические аспекты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2. С. 42–91.

[2] Подробнее см.: Хабибулина Н. И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. 146 с.; Юсипова И. В. Право и язык в механизме обеспечения прав человека: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 180 с.

[3] См.: Губаева Т. В. Русский язык в судебных актах: научно-практическое пособие. М.: РАП, 2010. 181 с.

[4] Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138–148.

заимствования должны соотноситься с внутренними нормами этого стиля, а не навязывать ему чуждую структуру[1].

Комплексная (интегральная) иноязычная конвергенция представляет собой многоуровневый процесс согласования юридических значений, терминов и категориальных связей при взаимодействии национального законодательства с правовыми системами зарубежных государств. В отличие от отдельных процедур – перевода, терминологической адаптации или сравнительно-правового анализа – интегральная конвергенция объединяет эти элементы в единую структуру. Она предполагает, что юридическая эквивалентность достигается не за счет простой замены иноязычного термина его русскоязычным аналогом, а через согласование его понятийного объема, функционального назначения и нормативной роли. Такая модель отражает современную логику международного правового общения, в которой юридический смысл становится «точкой пересечения» языковых, институциональных и доктринальных факторов[2].

Определяющим признаком интегральной конвергенции является параллельное согласование **трех уровней юридического смысла**:

1. ***семантического*** (лексическое значение термина и его семантическая структура);
2. ***категориально-правового*** (место термина в системе национальных институтов, его связь с правовыми конструкциями);
3. ***функционально-нормативного*** (роль термина в механизме правового регулирования, его юридический эффект).

Такое трехмерное согласование делает возможной корректную интеграцию иностранных терминов в российское законодательство. Как отмечает Д. А. Савельев, правовая терминология способна сохранять однозначность лишь тогда, когда обеспечена согласованность всех уровней ее языкового и

---

[1] Подробнее см.: Шепелев А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2002. 217 с.

[2] См.: Gémar J.-C., Kasirer N. (eds.). Jurilinguistique: entre langues et droits. Jurilinguistics: Between Law and Language. Montréal: Thémis/Bruylant, 2005. 596 p.

нормативного выражения[1]. Игнорирование хотя бы одного уровня приводит к избыточной вариативности интерпретации и снижает предсказуемость правоприменения.

Интегральная конвергенция предполагает не только адаптацию отдельных терминов, но и согласование понятийных полей, в рамках которых эти термины функционируют. Например, заимствование категории *due diligence* невозможно ограничить ее переводной формой («должная осмотрительность»), поскольку семантическое соответствие не исчерпывает ее нормативного содержания. Для корректной интеграции необходимо сопоставление всей системы правовых институтов, в пределах которой категория используется в зарубежной практике (корпоративное управление, ответственность директоров, стандарты доказанности). Только после такого сопоставления возможно выведение функционального аналога в российском праве – с учетом особенностей национальной правовой модели и правоприменительной традиции. В этом проявляется методологическая особенность интегральной конвергенции: она воспроизводит не внешнюю форму, а внутреннюю логику термина.

В условиях глобальных изменений эффективная интегральная конвергенция становится не просто инструментом технического упорядочения терминологии, но и механизмом защиты от некорректных заимствований и семантических искажений[2]. Она невозможна без институционального обеспечения, которое задает единые правила адаптации иноязычных терминов и закрепляет механизмы их нормативного контроля. В правовом государстве такая работа не может осуществляться исключительно в рамках ведомственных процедур: она требует специализированной инфраструктуры, обеспечивающей научную, лингвистическую и правовую экспертизу. Как подчеркивает Н. В. Маланина, развитие языка права всегда опирается на институциональные формы – именно они

[1] Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74.

[2] Батюшкина М. В. Юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 138–154.

позволяют поддерживать терминологическую устойчивость и предотвращать смысловую фрагментацию[1].

В этой связи целесообразно создание **национального центра юрислингвистической конвергенции**, который мог бы выполнять функции:

1) терминологического нормоконтроля;

2) экспертизы;

3) разработки официальных глоссариев;

4) подготовки сравнительно-правовых заключений. Его решения, будучи рекомендательными или обязательными, позволили бы избежать несогласованности понятийного аппарата и обеспечить единообразное использование заимствованной терминологии.

Особое значение имеет разработка **единых терминологических регламентов**, определяющих процедуру включения иностранных терминов в федеральные нормативные акты. Эти регламенты должны фиксировать требования к семантической прозрачности конвергируемого термина, правила сопоставления его с институтами российских отраслей права, а также механизмы правовой аккредитации. По аналогии с практикой Европейского союза, где юрислингвистические службы Европейской комиссии обеспечивают эквивалентность многоязычных правовых текстов, российская система могла бы формировать обязательные «таблицы соответствия» – двуязычные матрицы, в которых каждому заимствованному термину ставится в соответствие его нормативный аналог или адаптированная конструкция. Это позволило бы избежать терминологической амбивалентности и усилить предсказуемость правовой коммуникации.

Кроме того, институциональное обеспечение требует развития специализированной экспертизы при Государственной Думе, Совете Федерации и федеральных министерствах, ответственных за подготовку нормативных актов. Данные подразделения должны проводить предварительную оценку того,

[1] Маланина Н. В. Язык закона как особый юридический язык (на материале текстов законодательных актов Алтайского края) // Ползуновский вестник. 2006. № 3-1. С. 105–113.

насколько корректно иноязычные термины интегрируются в существующую систему понятий. Как показывает практика ЕАЭС, наличие институционального механизма межъязыковой экспертизы значительно снижает количество расхождений между национальными версиями актов и повышает качество правового регулирования на интеграционном уровне. В России аналогичный механизм может стать опорой не только для межгосударственного взаимодействия, но и для внутренней устойчивости правовой терминологии.

Введение институциональных механизмов интегральной конвергенции должно сопровождаться совершенствованием профессиональной подготовки юристов и переводчиков, работающих в сфере международного права. Сложность современных трансграничных отношений требует владения не только языком, но и сопоставительной методологией, позволяющей выявлять функциональные различия правовых институтов. Институциональная модель конвергенции должна включать образовательный компонент, обеспечивающий воспроизводство профессионального сообщества, способного корректно работать с многоязычным правовым материалом.

Таким образом, комплексная юрислингвистическая конвергенция формируется как многоуровневый механизм согласования юридического смысла, в котором семантические, категориально-правовые и институциональные элементы образуют устойчивую систему. Она обеспечивает не только корректную интеграцию иностранных терминов в национальное правовое пространство, но и защищает российскую правовую систему от концептуальных искажений, неизбежных при механическом заимствовании. В условиях растущей взаимосвязанности правовых порядков подобный механизм становится необходимым инструментом поддержания правовой определенности и обеспечения нормативной совместимости с зарубежными правовыми системами. Как отмечает А. С. Шабуров, юридическая терминология функционирует как «структурный каркас» правовой материи, и ее согласованность определяет

устойчивость всей системы регулирования[1]. Следовательно, развитие институциональных механизмов конвергенции выступает не вспомогательным, а стратегическим элементом правовой политики, подготавливая основу для формирования национальных стандартов юридико-лингвистической работы.

В Российской Федерации постепенно вырабатываются собственные стандарты юридико-лингвистической работы. Так, при разработке актов Евразийского экономического союза юрислингвисты осуществляют параллельную проверку текстов на русском и английском языках, добиваясь семантической эквивалентности формулировок. Подобные процедуры позволяют исключить расхождения в толковании, например, при определении терминов «государственный контроль», «техническое регулирование», «сертификация» и т. д.[2] Такая практика формирует доверие между участниками интеграции, поскольку общий язык норм становится инструментом согласованного правоприменения.

В то же время национальные формы конвергенции развиваются в сфере частноправовых отношений. Яркий пример – франчайзинговая юридическая конвергенция[3]. По сути, она представляет собой процесс адаптации иностранных правовых моделей и терминов (например, понятий «франшиза», «коммерческая концессия», «лицензионное соглашение») к российской правовой системе. Здесь механизм конвергенции проявляется через последовательные стадии: перевод и семантическое уточнение понятий, их юридическую аккредитацию в национальном законодательстве и закрепление в судебной практике. Так, использование термина franchise в российском деловом обороте потребовало уточнения его содержания в национальном праве. В отечественной системе ему в

[1] Шабуров А. С. Юридическая терминология и юридические понятия как юридико-технические средства и научно-теоретические категории // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1. С. 131–145.

[2] Бачило И. Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 87–89.

[3] Третьякова О. Д., Асадов (Гюльвердиев) Р. Б. Франчайзинговая юридическая конвергенция: современное состояние и проблемы развития в России // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1. С. 168–169.

значительной степени соответствует институт коммерческой концессии, закрепленный в Гражданском кодексе РФ, однако их правовая природа не совпадает полностью. В российской модели делается акцент на комплексном предоставлении исключительных прав и средств индивидуализации в рамках строго регламентированного договора, тогда как в англо-американской практике франчайзинг представляет собой гибкую договорную схему, допускающую различные вариации и не требующую обязательной регистрации. Функциональное назначение механизма юрислингвистической конвергенции заключается в обеспечении устойчивости правовой коммуникации. Он выполняет три основные функции – когнитивную, интегративную и охранительную. Когнитивная функция проявляется в том, что единая языковая рамка позволяет участникам правового процесса правильно интерпретировать смысл норм, избегая неоднозначности и ошибок восприятия. Интегративная функция состоит в сближении правовых систем через выработку общих понятий и категорий, а охранительная – в защите национального правового пространства от искажений и семантических заимствований, не соответствующих его концептуальной логике. В совокупности эти функции создают основу для согласованного развития законодательства и судебной практики, что особенно важно в условиях активного межгосударственного взаимодействия и цифровизации права.

Не менее значимым является вопрос предела действия данного механизма. Конвергенция не должна превращаться в унификацию любой ценой – ее результатом должно быть не стирание различий, а достижение смысловой эквивалентности при сохранении правовой идентичности. Чрезмерная гармонизация способна обеднить национальные правовые системы, нивелируя их творческий потенциал[1]. Поэтому в основе конвергенции лежит принцип сбалансированного сближения: унифицируются только те языковые элементы, которые не затрагивают ценностных основ правовой традиции. Именно этот

[1] Баранов В. М., Пшеничнов М. А. Гармонизация законодательства как общеправовой феномен // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 45.

принцип обеспечивает динамическое равновесие между интеграционными процессами и сохранением культурно-правовой самобытности государства.

Сравнительный анализ показывает, что в европейской модели конвергенции основное внимание уделяется формализации языковых стандартов – примером служит деятельность лингвистических отделов Совета ЕС, разрабатывающих своды терминов, обязательные для всех языков Союза. Восточная модель, напротив, акцентирует значение контекстуальной гибкости и допускает сосуществование нескольких смысловых уровней нормы, что характерно для правовых систем Китая и Японии. Российский подход занимает промежуточную позицию: он сочетает стремление к точности формулировок с признанием многослойности правового языка, где правовая норма остается открытой для интерпретации, но в установленных семантических границах[1]. Такая модель может рассматриваться как форма «контролируемой вариативности», обеспечивающая устойчивость и адаптивность правовой системы.

Юрислингвистическая конвергенция выполняет также методологическую функцию, связывая язык права с его ценностным содержанием. Единообразие терминологии упорядочивает правовую реальность, а сохранение смысловых различий делает возможным творческое развитие законодательства. Механизм конвергенции формирует своеобразную «семантическую инфраструктуру» права – устойчивую систему понятий, обеспечивающую правовую определенность и согласованность нормотворческого процесса[2]. Благодаря этому правовая система становится не просто набором норм, а целостным пространством смыслов, в котором язык выполняет роль связующего звена между идеей закона и его практическим воплощением.

---

[1] См.: Софронова С. А. Правовое наследие и аккультурация в условиях правового прогресса общества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000. 30 с.; Сокольская Л. В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе. Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел МГОГИ, 2013. 147 с.

[2] Гюльвердиев Р. Б. К вопросу об экспликации термина «юридическая конвергенция» // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 220-221.

В заключение следует подчеркнуть, что механизм юрислингвистической конвергенции правового регулирования является важнейшим условием развития современного права. Он соединяет юридическую технику, когнитивные процессы и культурные основания правотворчества, обеспечивая преемственность и предсказуемость правового дискурса. В условиях усиливающегося санкционного давления именно языковая согласованность становится гарантом правового суверенитета и концептуальной целостности российского законодательства. Юрислингвистическая конвергенция тем самым превращается не просто в инструмент юридического сближения, а в стратегический ресурс сохранения и укрепления национальной правовой системы.

Не менее показательна практика терминологического согласования в международных договорах. Так, при заключении двусторонних соглашений о правовой помощи и инвестиционной защите стороны стремятся к унификации понятий «судебный орган», «арбитраж», «имущество», «компетентный орган». При этом окончательные тексты проходят лингвистическую сверку, включающую проверку не только переводов, но и смысловой структуры предложений. Как отмечает И. Л. Бачило, точность перевода в международных договорах становится гарантом юридического равенства сторон[1]. Этот подход отражает общий принцип механизма конвергенции – недопустимость потери правового содержания при изменении языковой формы. В результате вырабатывается особый тип «юридического двуязычия», при котором каждое понятие должно быть одновременно верно в двух национальных языках.

Особое значение механизм юрислингвистической конвергенции приобретает в условиях санкционного и геополитического давления. Усиление изоляционных мер в отношении России стимулировало развитие внутренней языковой политики в правотворчестве: активизировалась работа по уточнению легальных дефиниций, стандартизации терминов в сфере внешнеэкономической деятельности, финансового права и цифрового регулирования. Под воздействием

[1] Бачило И. Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 89.

внешнеполитических факторов язык российского права становится не только средством юридической коммуникации, но и инструментом правового самоопределения. Это проявляется, например, в переосмыслении терминов «резидент», «недружественное государство», «контрсанкции», которые получили нормативное закрепление в новых редакциях федеральных актов. Таким образом, конвергенция здесь направлена на внутреннее укрепление правового пространства и сохранение смысловой целостности национального законодательства.

В целом можно сказать, что практическое действие механизма юрислингвистической конвергенции строится на постоянном согласовании значения и формы, что делает его не разовым актом, а устойчивым процессом. Он позволяет обеспечить «переводимость» права – его способность быть понятым в разных правовых и языковых системах без утраты содержания. При этом особая роль принадлежит правовой доктрине, которая выступает посредником между текстом нормы и практикой, вырабатывая теоретические основания для языковой унификации. В этом проявляется стратегическое значение юрислингвистической конвергенции как механизма, соединяющего научное осмысление права с его прикладной реализацией.

1.4 Соотношение юрислингвистической конвергенции и юрислингвистической дивергенции в правовом регулировании

Современное развитие юрислингвистики свидетельствует о необходимости переосмысления баланса между процессами сближения и расхождения языковых и правовых систем. Категории юрислингвистической конвергенции и юрислингвистической дивергенции в совокупности отражают диалектику взаимодействия языка и права, обеспечивая целостное понимание механизмов формирования нормативного дискурса. Если конвергенция предполагает интеграцию и взаимное упорядочивание языковых и правовых элементов, то дивергенция обозначает расхождение, выражающееся в сохранении или усилении

национальных, культурных и понятийных различий в правовой коммуникации[1]. Системное осмысление данных категорий требует обращения к методологическому арсеналу сравнительного правоведения, в рамках которого аналогичные процессы обозначаются как правовая рецепция, гармонизация и унификация права[2].

С точки зрения юридической лингвистики, конвергенция и дивергенция выступают не столько противоположными, сколько взаимодополняющими процессами, обеспечивающими динамическое равновесие правовой системы. Как отмечает Н. Д. Голев, язык права обладает внутренней двойственностью: он стремится к универсальности понятий, но при этом сохраняет культурную специфику национального правового мышления[3]. Именно в этой двойственности проявляется феномен функционального симбиоза юрислингвистических тенденций: конвергенция способствует стандартизации юридического языка, облегчая правовую коммуникацию между юрисдикциями, а дивергенция удерживает систему от утраты аутентичности, обеспечивая нормативную адекватность национального законодательства. Таким образом, соотношение данных процессов можно рассматривать как методологическую ось юрислингвистического анализа, отражающую поиск оптимума между интернационализацией правового языка и сохранением культурно-правовой идентичности.

Дивергенция в российской правовой терминологии сегодня обусловлена не столько изоляционистскими тенденциями, сколько стремлением к выражению специфики отечественного культурного кода в законодательном тексте[4]. При этом юрислингвистическая конвергенция, напротив, направлена на упрощение и

---

[1] Петрова И. Л. Текст как объект и предмет юрислингвистического анализа: учебное пособие. Владимир: Издательство ВлГУ, 2021. С. 47–52.

[2] Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. М.: Международные отношения, 1998. Т. 1. С. 29–35.

[3] Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 28–31.

[4] Асадов Р. Б. Правовая терминология и культурный код: перспективы юрислингвистической дивергенции в российском законодательстве // Право и политика. 2025. № 6. С. 114–116.

систематизацию правовой коммуникации – как внутри государства, так и в международных правовых отношениях. В условиях глобализации и цифровизации юридического языка данные процессы не исключают, а взаимно детерминируют друг друга, образуя своего рода «семиотическую спираль» развития права, в которой фазы сближения и расхождения сменяют друг друга в зависимости от правовой и политической конъюнктуры[1]. Понятие конвергенции приобретает не только методологический, но и стратегический смысл – как инструмент обеспечения юридической интероперабельности при сохранении культурной автономии.

Таким образом, в научной и практической плоскости конвергенция и дивергенция функционируют как две стороны единого процесса правовой эволюции. Их взаимодействие проявляется на различных уровнях – от лексико-семантического (например, унификация терминологии международных договоров) до концептуального (формирование новых категорий права, отражающих особенности национальных правовых систем). При этом характер соотношения между ними во многом определяется состоянием языковой политики государства, его правовой культуры и уровнем международного взаимодействия[2]. В российском контексте это особенно заметно на фоне активизации процессов нормативного импортозамещения и переосмысления языковых оснований законодательства в условиях санкционного давления, что подчеркивает необходимость целенаправленной методологии юрислингвистического баланса между интеграцией и автономией правового языка.

Понимание соотношения юрислингвистической конвергенции и дивергенции в сфере правотворчества требует обращения к инструментарию юридической техники, где язык выступает не только средством формулирования норм, но и фактором их правового содержания. Как справедливо отмечает Л. А. Шестак, языковая неоднозначность является одним из ключевых источников

---

[1] Марьясис И. В. Исследование теоретико-методологических подходов к цифровизации юрислингвистики // Инновационная наука. 2024. № 12-1-1. С. 179.

[2] Соколова Т. И. Правовые и социокультурные аспекты языковой политики Российской Федерации // Society and Security Insights. 2023. Т. 8. № 3. С. 165–167.

юридических коллизий, а потому конвергенция в терминологическом и синтаксическом аспектах служит инструментом устранения семантических противоречий[1]. Стандартизация юридического языка не просто облегчает интерпретацию, но и повышает предсказуемость правоприменительной практики. Однако чрезмерное стремление к унификации несет риск нивелирования культурно-языковых различий, что может привести к утрате гибкости права в отражении национальных реалий.

О. В. Барабаш указывает, что современная юрислингвистика должна рассматриваться как междисциплинарное пространство, где взаимодействие языка и права формирует не только коммуникативные, но и когнитивные структуры правового сознания[2]. Именно на этом уровне проявляется внутренняя логика конвергенции и дивергенции: первый процесс обеспечивает понятность и транспарентность правового текста, тогда как второй – интеллектуальную адаптацию норм к особенностям правового менталитета общества. Таким образом, успешное правовое регулирование требует баланса между унифицированными юридико-лингвистическими формулами и культурно детерминированными языковыми особенностями, выражающими «национальный стиль права». Подобный подход соответствует позиции В. М. Баранова, который рассматривает юридическую технику как совокупность рациональных способов выражения правовой воли, направленных на достижение внутренней логической и языковой согласованности законодательства[3].

При этом дивергенция в правоприменительной плоскости нередко выполняет компенсаторную функцию, восполняя пробелы излишне формализованного правотворчества. Как отмечает А. Ф. Черданцев, язык права неизбежно включает элементы естественного языка, что делает невозможным абсолютную

---

[1] Шестак Л. А. Юрислингвистика: типы лингвистических проблем при анализе спорного текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 10. С. 181–182.

[2] Барабаш О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 2. С. 16.

[3] Баранов В. М. Юридическая техника: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 94–96.

стандартизацию юридического дискурса[1]. Правоприменитель, сталкиваясь с неопределенностью формулировок, вынужден прибегать к интерпретации, в результате чего возникает феномен «ситуативной дивергенции» – расхождения между текстом и его реализацией в конкретном контексте. Однако именно эта гибкость позволяет праву сохранять адаптивность и справедливость, что подтверждает конструктивный характер дивергентных проявлений в пределах правовой системы.

Показателен пример судебной практики Европейского Союза, где лингвистическая дивергенция между текстами на разных языках признана не дефектом, а естественным следствием многоязычия правового пространства. Суд ЕС неоднократно указывал, что ни один языковой вариант не имеет приоритета, а подлинный смысл нормы выявляется через их системное толкование[2]. Подобный подход демонстрирует возможность институционализации юрислингвистической дивергенции как элемента правовой конвергенции: многоязыковая гармонизация становится формой правового диалога культур. Для России эта практика приобретает особую актуальность в рамках ЕАЭС, где унификация терминологии актов Союза должна сочетаться с сохранением национальных правовых традиций. Следовательно, соотношение конвергентных и дивергентных тенденций определяется не столько оппозицией, сколько их функциональной взаимодополняемостью в механизме правового регулирования.

В современной России юрислингвистическая дивергенция приобретает особую значимость в связи с переосмыслением культурных и идеологических основ языковой политики. По справедливому замечанию Л. Е. Лаптевой, культурный код России формировался как система правовых и языковых смыслов, отражающая ценности соборности, исторической преемственности и государственности[3]. Эти элементы определяют специфику отечественного

---

[1] Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. С. 74–77.

[2] Лундмарк Т. Очерки сравнительного правоведения. СПб.: Алеф-Пресс, 2022. С. 214–217.

[3] Лаптева Л. Е. Культурный код России в историко-правовых исследованиях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12. С. 147–149.

правового языка, в котором лексико-семантические единицы часто несут не только нормативную, но и символическую нагрузку. Соответственно, юрислингвистическая дивергенция в данном контексте становится механизмом сохранения культурной идентичности через правовой текст. Конвергенция же, напротив, выступает инструментом коммуникационной адаптации – стремлением сделать правовой язык понятным как внутри страны, так и за ее пределами, не утратив при этом смысловой насыщенности и концептуальной глубины.

Сохранение национального культурного кода предполагает селективный подход к заимствованию лексем и правовых понятий, исключающий механическую рецепцию иностранных терминов[1]. Такой подход позволяет формировать «контролируемую дивергенцию» – осознанное расхождение в терминологическом поле для защиты национального смыслового пространства. В то же время юридическая конвергенция, основанная на осмысленном заимствовании и адаптации международных правовых категорий, способствует модернизации правовой системы и повышению ее конкурентоспособности в условиях транснационального взаимодействия. Следовательно, ключевая задача российской языковой политики – обеспечить гармоничное сосуществование этих процессов, что требует разработки единой концепции юрислингвистической безопасности как элемента правовой стратегии государства.

Особое значение имеет соотнесение юрислингвистической конвергенции и дивергенции с культурно-ценностными ориентирами правотворчества. Как отмечает Р. И. Батыршин, культурный код нации формируется в контексте коллективной семиотики, где правовой язык выполняет функцию «культурного переводчика» между традицией и современностью[2]. Отсюда вытекает, что чрезмерная конвергенция может привести к семантической редукции правового языка, а избыточная дивергенция – к его герметизации. Следовательно, сбалансированное соотношение этих тенденций должно быть

[1] Асадов Р. Б. Правовая терминология и культурный код: перспективы юрислингвистической дивергенции в российском законодательстве // Право и политика. 2025. № 6. С. 115–117.
[2] Батыршин Р. И. К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы // Вестник культуры и искусств. 2024. № 1. С. 49–51.

институционализировано в языковой политике как принцип, обеспечивающий устойчивость правовой системы. В этом смысле концепт «юрислингвистического равновесия» становится ключевым инструментом сохранения функциональной адекватности права в условиях политической и культурной турбулентности.

Современная языковая политика Российской Федерации демонстрирует тенденцию к стратегическому усилению дивергентного компонента при сохранении прагматической ориентации на конвергенцию в международной плоскости. В последние годы наблюдается явный сдвиг акцентов с интеграции на самодостаточность национального правового дискурса, что связано с санкционным давлением и необходимостью нормативного импортозамещения[1]. Данный процесс не следует рассматривать как закрытие правовой системы: напротив, он демонстрирует осознанное перераспределение акцентов в пользу укрепления понятийной автономии при сохранении открытости для правового диалога. Таким образом, юрислингвистическая дивергенция в современной России выступает не реакцией на внешние вызовы, а формой суверенной самоидентификации правового языка, при которой конвергенция сохраняет значение средства поддержания межправовой коммуникации в рамках евразийских интеграционных форматов.

Цифровизация правовой коммуникации существенно трансформирует динамику соотношения юрислингвистической конвергенции и дивергенции. Как отмечает И. В. Марьясис, внедрение цифровых технологий в сферу юрислингвистики способствует стандартизации языковых конструкций, формализации терминологического аппарата и автоматизации процессов юридической интерпретации[2]. Эти тенденции объективно усиливают конвергентные механизмы – формирование унифицированных моделей юридического языка, пригодных для алгоритмизации и машинной обработки. Однако такая цифровая унификация сопровождается риском потери смысловой вариативности, поскольку исключает возможность гибкой адаптации правовых

[1] Соколова Т. И. Правовые и социокультурные аспекты языковой политики Российской Федерации // Society and Security Insights. 2023. Т. 8. № 3. С. 168–170.
[2] Марьясис И. В. Исследование теоретико-методологических подходов к цифровизации юрислингвистики // Инновационная наука. 2024. № 12-1-1. С. 179–180.

формул к контекстуальных особенностям национальных правовых систем. Таким образом, цифровизация стимулирует поиск баланса между технической стандартизацией и сохранением семантического многообразия, что вновь выводит исследователя на проблему юрислингвистического равновесия.

Рассматривая транснациональные правовые процессы, Ю. С. Безбородов справедливо указывает, что конвергенция в международном праве выступает не как абсолютная унификация, а как совокупность форм сближения, включающих гармонизацию, адаптацию и рецепцию норм[1]. Применительно к юрислингвистике это означает, что языковое сближение не предполагает уничтожения различий, а напротив – их институционализацию в рамках правового диалога. В актах ЕАЭС, например, часто используется принцип параллельной юридической интерпретации, при котором каждый государственный язык сохраняет нормативную силу, но общий смысл обеспечивается через согласование терминологических полей. Такой механизм иллюстрирует концепцию «координированной дивергенции», при которой разнообразие языковых форм становится условием эффективной конвергенции на наднациональном уровне.

Аналогичные принципы прослеживаются и в праве Европейского Союза, где многоязычие закреплено как юридическая норма. Т. Лундмарк отмечает, что в ЕС языковое разнообразие не препятствует единству права, а напротив, выступает гарантом его легитимности и демократичности[2]. Это означает, что дивергенция рассматривается как структурный элемент конвергенции, обеспечивающий достоверность правовой коммуникации между различными культурами. В этом контексте международная практика демонстрирует модель «мягкой конвергенции», основанной не на стандартизации терминов, а на согласовании смысловых инвариантов, что особенно ценно для многоязычных правовых пространств. Для России подобная модель может служить ориентиром при

[1] Безбородов Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве: монография. М.: Проспект, 2020. С. 83–85.
[2] Лундмарк Т. Очерки сравнительного правоведения. СПб.: Алеф-Пресс, 2022. С. 220–222.

формировании языковой политики ЕАЭС, где требуется сочетать экономическую интеграцию с сохранением культурной самобытности государств-участников.

Следует подчеркнуть, что цифровая трансформация усиливает как конвергентные, так и дивергентные тенденции. С одной стороны, развитие автоматизированных правовых систем (LegalTech, GovTech) предполагает создание универсальных языковых алгоритмов, что способствует унификации юридического языка и сокращению пространства интерпретации. С другой – именно в цифровой среде наиболее ярко проявляются особенности национальных правовых культур: различия в концептуальных моделях данных, юридических онтологиях, способах нормативного закрепления. Это означает, что цифровизация не устраняет дивергенцию, а переводит ее в иной – технологический – регистр. Таким образом, конвергенция и дивергенция в эпоху цифрового права перестают быть антагонистами и становятся взаимозависимыми механизмами эволюции правового языка, обеспечивая синхронизацию технических и культурных компонентов правового регулирования.

Вопрос о взаимосвязи юрислингвистической конвергенции и правовой идентичности государства выходит за рамки лингвистического анализа в узком смысле и приобретает аксиологическое измерение. Как подчеркивал Д. Д. Гримм, право представляет собой не абстрактную систему норм, а форму выражения духа народа, его исторически сложившегося правового самосознания[1]. Поэтому юрислингвистическая конвергенция может рассматриваться как процесс интернационализации внешней формы права, тогда как дивергенция – как механизм его внутренней аутентичности. Взаимодействие этих процессов определяет способность правовой системы сохранять идентичность в условиях глобальной коммуникации, не утрачивая при этом функциональной совместимости с другими правовыми системами. Таким образом, правовая идентичность формируется на пересечении универсального и уникального, где язык права

[1] Подробнее см.: Гримм Д. Д. Юридическое отношение и субъективное право. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1897. 37 с.

выступает медиатором культурных кодов, обеспечивающим их правовую артикуляцию.

В русской правовой и культурной традиции дивергентный элемент всегда играл системообразующую роль, поскольку позволял выражать в правовых текстах национальные категории мышления и нравственные установки. Еще В. Г. Белинский подчеркивал, что язык народа есть зеркало его духа[1], и в этом смысле правовой язык не может быть механически заимствован без утраты живого содержания. Это наблюдение имеет прямое методологическое значение для юрислингвистики: правовая конвергенция должна учитывать глубинные культурные константы языка, иначе неизбежна редукция смысловых структур искажением национального правового сознания. Следовательно, задача исследователя заключается не только в выявлении направлений сближения правовых систем, но и в сохранении культурно-языковой преемственности как основы правовой самобытности государства.

А. А. Клишас, рассматривая правовую систему как социально-коммуникативную структуру, отмечает, что устойчивость правовой системы обеспечивается не степенью формализации, а уровнем ценностной интеграции общества[2]. С этой точки зрения юрислингвистическая конвергенция способствует созданию единого правового языка взаимодействия между институтами и гражданами, тогда как дивергенция обеспечивает возможность выражения специфических правовых смыслов, связанных с национальной ментальностью. Такое соотношение близко к диалектике «общего и особенного» в праве: конвергенция задает контуры правовой коммуникации, а дивергенция наполняет их содержанием. Отсюда следует, что гармонизация этих процессов должна рассматриваться не как компромисс, а как условие системной устойчивости правового регулирования.

---

[1] См.: Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья первая. Статья вторая и последняя // Полное собрание сочинений: в 12 т. Петроград: Типо-литография А. Э. Винеке, 1917. Т. 11. С. 75–149.

[2] Теория государства и права: учебник / под ред. А. А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 73–75.

Ю. И. Яковенко и его соавторы связывают культурный код общества с механизмами коллективной памяти и ценностной коммуникации[1]. Можно утверждать, что правовой язык выступает репозиторием социально значимых смыслов, где дивергенция играет роль хранителя культурного контекста, а конвергенция – механизма его обновления и распространения. В современных условиях именно взаимодействие этих двух процессов позволяет национальной правовой культуре не замыкаться в изоляции, а развиваться в рамках глобальных коммуникационных сетей. Соотношение конвергенции и дивергенции становится индикатором зрелости правовой идентичности, отражающим способность государства сочетать открытость и самобытность в языковой политике.

В российской нормотворческой практике процессы юрислингвистической конвергенции и дивергенции проявляются прежде всего в сфере юридической техники, где формулировка нормы выступает инструментом смыслового упорядочения правового пространства. Как отмечает Л. А. Андреева, совершенствование законодательной техники невозможно без языковой кодификации, обеспечивающей точность и предсказуемость правового регулирования[2]. Конвергентные тенденции в данном контексте выражаются в унификации терминологических конструкций, стандартизации синтаксических моделей и применении единых правил структурирования нормативных текстов. Дивергентный компонент проявляется в сохранении отраслевых и институциональных различий языка закона, обусловленных спецификой регулируемых отношений. В результате формируется гибридная модель, при которой юридико-лингвистическая конвергенция задает основу, а дивергенция – адаптацию к содержательным особенностям правового материала.

В сфере судебной практики соотношение этих процессов имеет прикладное значение для обеспечения единства правоприменения. По мнению С. А. Белова и

---

[1] Яковенко Ю. И., Багаева Т. Л., Тащенко А. Ю. Основные теоретические подходы к определению культурных кодов в социологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 3. С. 22–24.

[2] Андреева Л. А. Юридическая техника: учебное пособие. Великий Новгород: Филиал РГГУ в г. Великий Новгород, 2014. С. 62–64.

К. В. Тарасовой, понятность и прозрачность судебных актов зависят от степени согласованности языковых средств, используемых судами различных уровней[1]. В этом смысле юрислингвистическая конвергенция способствует формированию единых стандартов юридического дискурса, повышающих доверие граждан к судебной системе. Однако полная унификация стилистических и терминологических решений невозможна, поскольку судебное рассуждение неизбежно отражает индивидуальные особенности конкретной правовой ситуации. Следовательно, дивергенция в судебном языке выполняет компенсаторную роль, обеспечивая адекватность интерпретации норм при сохранении единства правовой позиции.

Показательным примером взаимодействия этих тенденций является практика Верховного Суда Российской Федерации по вопросам толкования терминов, содержащих оценочные категории («разумный срок», «добросовестность», «соразмерность»). В постановлениях Пленума ВС РФ конвергентный аспект проявляется в стремлении закрепить единое понимание таких терминов для всех юрисдикций, что способствует унификации судебной речи. В то же время допускается их гибкое применение с учетом контекста дела – проявление управляемой дивергенции, необходимой для сохранения справедливости конкретного решения. Тем самым формируется модель «динамической юрислингвистической конвергенции», при которой язык права сохраняет способность к адаптации без потери системной согласованности[2].

На уровне законотворческой политики юрислингвистическое равновесие выражается также в контроле качества нормативных актов, включая экспертизу их языковой корректности. Практика проведения лингвистических экспертиз законопроектов, введенная в отдельных федеральных органах исполнительной власти, демонстрирует тенденцию к институционализации конвергентных процедур. Анализ заключений экспертов показывает, что именно дивергентные

---

[1] Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 4. С. 616–618.

[2] Баранов В. М. Юридическая техника: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 215–218.

замечания (касающиеся смысловой избыточности, многозначности, логических несостыковок) часто способствуют уточнению юридической конструкции нормы и повышают ее эффективность. Это подтверждает, что гармоничное сочетание процессов сближения и расхождения является не только теоретической категорией, но и реальным инструментом повышения качества законодательства.

В совокупности проведенный анализ позволяет утверждать, что юрислингвистическая конвергенция и дивергенция представляют собой взаимосвязанные процессы изменения языка права, определяющие направленность и темп его трансформации. Их соотношение не сводится к антиномии унификации и различия: это более сложная структура, в которой взаимодействие обеспечивает устойчивость правовой системы. Конвергенция формирует когнитивное и процедурное единство правовой коммуникации, облегчая интерпретацию и применение норм, тогда как дивергенция предотвращает редукцию национального правового сознания, сохраняя вариативность смысловых конструкций и адаптивность правовой системы к изменениям социального контекста[1]. Их функциональное взаимодействие становится фактором когерентности правового пространства, где язык выступает не только формой выражения, но и инструментом развития права.

Юрислингвистическая конвергенция выполняет роль связующего звена между различными уровнями правового регулирования – международным, национальным и отраслевым. Она способствует интеграции правовых систем и формированию единого дискурсивного поля юридической коммуникации. В свою очередь, дивергенция обеспечивает сохранение идентичности национальных правовых культур и смысловой точности правовых текстов, особенно в условиях многоязычия и политико-культурной дифференциации. Как показал сравнительный анализ актов ЕАЭС и ЕС, сбалансированное сочетание этих процессов является необходимым условием правовой интероперабельности и

[1] См.: Петрова И. Л. Текст как объект и предмет юрислингвистического анализа: учебное пособие. Владимир: Издательство ВлГУ, 2021. С. 114–118; Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 41–43.

доверия между правовыми системами[1]. Для России это приобретает особую актуальность в контексте укрепления ее правового суверенитета и участия в евразийских интеграционных структурах.

В методологическом плане соотношение конвергенции и дивергенции представляет собой динамическое равновесие, обеспечивающее непрерывное обновление правового языка. Этот процесс можно описать как чередование фаз сближения и расхождения, каждая из которых выполняет собственную функцию: конвергенция стабилизирует систему, создавая единые нормы юридического выражения, а дивергенция обеспечивает развитие, позволяя праву сохранять гибкость и адаптивность. Подобная диалектика особенно ярко проявляется в цифровую эпоху, когда технологическая стандартизация требует от государства одновременного укрепления культурно-языковых основ законодательства[2]. Таким образом, цифровая трансформация не устраняет юрислингвистическую сложность, а лишь переводит ее в новую плоскость – интеллектуальную и семиотическую.

Авторская позиция заключается в том, что эффективность правового регулирования в современной России во многом зависит от способности системы права поддерживать «юрислингвистическое равновесие» – состояние согласованного сосуществования конвергентных и дивергентных тенденций. Именно баланс между ними определяет не только качество правовых текстов, но и уровень доверия общества к закону. Конвергентная унификация повышает юридическую прозрачность и когерентность законодательства, а дивергентное многообразие обеспечивает смысловую гибкость и культурную легитимность правовых решений. Сохранение этого баланса становится одной из ключевых задач российской языковой и правовой политики, особенно в условиях усложнения международной коммуникации и внутренней нормативной дифференциации.

---

[1] См.: Лундмарк Т. Очерки сравнительного правоведения. СПб.: Алеф-Пресс, 2022. С. 220–222; Безбородов Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве: монография. М.: Проспект, 2020. С. 120–122.

[2] См.: Марьясис И. В. Исследование теоретико-методологических подходов к цифровизации юрислингвистики // Инновационная наука. 2024. № 12-1-1. С. 180; Соколова Т. И. Правовые и социокультурные аспекты языковой политики Российской Федерации // Society and Security Insights. 2023. Т. 8. № 3. С. 170.

Таким образом, юрислингвистическая конвергенция и дивергенция не противопоставлены, а соотнесены как взаимодополняющие начала единого процесса правового развития. Их гармоничное взаимодействие формирует устойчивую модель правовой коммуникации, в которой язык выступает не только средством выражения воли законодателя, но и фактором правового прогресса. Осознание этой диалектики позволяет переосмыслить методологию современного правотворчества, придав ему характер не только нормативной, но и культурно-языковой стратегии. Поэтому юрислингвистическое равновесие становится не просто теоретическим понятием, а инструментом сохранения правового суверенитета и идентичности России в условиях глобальных трансформаций.

Глава 2 ТЕХНИКА ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

2.1 Общая характеристика техники юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании

Современная правовая система все в большей степени функционирует как текстуальная структура, где слово становится не только формой, но и способом бытия права. В этих условиях язык права перестает быть нейтральным инструментом и приобретает нормативную силу, определяющую пределы правопонимания и стратегии правоприменения. Соответственно, вопрос о технике взаимодействия юридического и лингвистического начал выходит за рамки вспомогательной проблемы юридической техники и становится самостоятельным предметом исследования. Юрислингвистическая конвергенция отражает закономерный процесс сближения правовых и языковых механизмов, направленный на обеспечение смысловой точности, терминологической согласованности и предсказуемости юридического текста[1].

Постепенное формирование подходов к технике юрислингвистической конвергенции связано с осознанием того, что эффективность правового регулирования во многом зависит от качества языкового выражения нормы. Еще С. С. Алексеев отмечал, что «форма права» есть не внешняя оболочка содержания, а его функциональный компонент, способный усиливать или ослаблять действие нормы[2]. Формулируемая в тексте юридическая норма должна быть не только логически выверенной, но и лингвистически точной, что обеспечивает ее правильное восприятие и предотвращает неоднозначное толкование. Именно этот баланс между нормативным смыслом и языковым выражением образует ядро

[1] Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. М.: Статут, 1999. С. 118–120; Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 2–3.
[2] Алексеев С. С. Указ. соч. С. 213–215.

техники юрислингвистической конвергенции, которая обеспечивает не механическое совмещение права и языка, а их концептуальное сопряжение в процессе правотворчества.

Исследователи подчеркивают, что конвергенция юридического и лингвистического начал не сводится к взаимным заимствованиям терминов или к стилистической унификации правовых актов. Речь идет о более глубинной связи – об интеграции когнитивных структур права и языка, где смысловое конструирование нормы предполагает учет языковых закономерностей, а выработка лексико-синтаксических моделей подчиняется логике юридического рассуждения[1]. В этом контексте техника юрислингвистической конвергенции представляет собой систему средств и приемов, направленных на согласование лингвистической формы правового текста с его юридической функцией. Она не подменяет классическую юридическую технику, но уточняет ее границы, добавляя измерение смысловой адекватности и коммуникативной управляемости.

На современном этапе развитие техники юрислингвистической конвергенции тесно связано с тенденцией гуманитаризации юридической науки и признанием междисциплинарного статуса лингвистики в правоведении. Возрастающий интерес к семиотическим, когнитивным и прагматическим аспектам языка закона объясняется не столько академической модой, сколько объективной необходимостью: в условиях цифровизации и информационного давления традиционные юридические формы оказываются недостаточными для обеспечения однозначности правового высказывания. Конвергентная техника, напротив, строится на принципах предсказуемости, семантической прозрачности и процедурной воспроизводимости правовых норм[2].

---

[1] См.: Амосова Т. В., Юрковский А. В., Юрковская Е. А. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 98–99; Гюльвердиев Р. Б. Лингвоюридическая конвергенция: внешнеторговый дискурс // Юридические исследования. 2020. № 2. С. 46–48.

[2] Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 51–52; Бегишева О. С. Эволюция научных взглядов на роль науки о языке в юридической технике // Юрислингвистика. 2023. № 29. С. 33–34.

Важно подчеркнуть, что обращение к технике юрислингвистической конвергенции имеет не только методологическое, но и ценностное измерение. Речь идет о формировании культуры правового языка как носителя доверия к государственным институтам и как механизма правовой идентичности. В этом смысле конвергенция становится инструментом правовой политики, обеспечивающим устойчивость нормативного дискурса в условиях политической и культурной фрагментации. Отечественная практика, особенно в последние годы, демонстрирует, что сохранение единства правового языка – это не абстрактная лингвистическая задача, а элемент правового суверенитета, требующий четко выстроенной системы языковых средств правового регулирования[1].

Техника юрислингвистической конвергенции представляет собой многоуровневую систему, где каждый элемент отвечает за определенное измерение взаимодействия права и языка. На уровне концептуальном она формирует понятийный каркас нормативного текста – систему категорий, дефиниций и понятийных связей, обеспечивающих внутреннюю целостность регулирования. На уровне структурно-синтаксическом – задает композицию правового высказывания, его логику и архитектонику. На уровне терминологическом – регулирует выбор и согласование лексических единиц, способных точно передавать юридический смысл в рамках национальной языковой картины мира. На коммуникативном уровне она обеспечивает прозрачность юридического дискурса, делая его понятным и доступным для различных участников правовой коммуникации – законодателей, правоприменителей и адресатов нормы[2].

Внутренняя организация этой техники предполагает не механическое следование правилам юридического языка, а выстраивание их в согласованную

---

[1] См.: Асадов Р. Б. Правовая терминология и культурный код: перспективы юрислингвистической дивергенции в российском законодательстве // Право и политика. 2025. № 6. С. 114–116; Третьякова О. Д. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций. Владимир: Издательство ВлГУ, 2019. С. 72–74.

[2] См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. С. 45–47; Поленина С. В. Юридическая техника и правовая технология: теория, практика, преемственность // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 388–389; Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 52–53.

систему. Как отмечает Т. В. Кашанина, юридическая техника функционирует как «набор инструментов», однако ее эффективность зависит от степени осознанности их применения[1]. В конвергентном измерении этот набор дополняется лингвистическими процедурами – семантической верификацией терминов, анализом коллокаций, тестированием синтаксических структур на предмет двусмысленности.

Важным аспектом является иерархичность уровней конвергентной техники. Каждый уровень опосредует другой: терминологический выбор подчинен концептуальной структуре, синтаксис – логике диспозиции, а композиция – общей коммуникативной стратегии текста. Так возникает то, что можно назвать когнитивно-нормативной связностью – внутренней упорядоченностью правового текста, при которой юридическая идея последовательно воплощается в языковой форме. Это состояние возможно лишь при наличии устойчивых методологических принципов, которые задают критерии допустимого лингвистического варьирования в пределах юридического содержания[2].

Принципы, определяющие технику юрислингвистической конвергенции, в значительной степени корреспондируют с классическими правилами юридической техники, но переосмыслены через призму междисциплинарного подхода. Среди них – принцип ясности (требование исключить двусмысленность и чрезмерную сложность формулировок), принцип терминологической соразмерности (обеспечение единообразного употребления терминов в пределах нормативной системы), принцип семантической устойчивости (предсказуемость значения в различных контекстах применения) и принцип коммуникативной оптимальности, предполагающий баланс между юридической точностью и доступностью

[1] Кашанина Т. В. Юридическая техника. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. С. 49.

[2] См.: Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2 т. М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. С. 270–272; Муромцев Г. И. Юридическая техника: некоторые теоретические аспекты // Правоведение. 2000. № 1. С. 13–14.

высказывания. Их соблюдение становится показателем не только качества правотворчества, но и уровня культуры юридического языка в целом[1].

Особое значение приобретает вопрос соотношения техники конвергенции с юридической технологией. Если техника задает способы и формы языкового оформления нормы, то технология определяет последовательность процедур ее создания, обсуждения и верификации. Как справедливо отмечает С. В. Поленина, юридическая техника и правовая технология образуют взаимодополняющие уровни правотворческого процесса, где первая обеспечивает нормативную форму, а вторая – процессуальную логику[2]. В юрислингвистической перспективе это разграничение наполняется новым содержанием: техника становится тем звеном, которое связывает юридическую идею и технологию ее текстуального воплощения. В результате возникает новый тип юридического стандарта – конвергентный нормативный прототип, где лингвистические и правовые компоненты образуют единое функциональное целое.

Практическая значимость техники юрислингвистической конвергенции особенно заметна на этапе подготовки нормативных правовых актов. Законопроектная деятельность представляет собой область, где взаимодействие права и языка наиболее концентрировано и наглядно. Именно здесь лингвистическая точность выступает условием юридической определенности, а выбор слова – фактором правового результата. Применение конвергентной техники предполагает включение лингвистических процедур в процесс нормотворчества: проведение семантической экспертизы формулировок, оценку их когнитивной доступности, проверку на предмет наличия скрытых противоречий и неустойчивых коллокаций. Такая практика постепенно закрепляется в российской правотворческой культуре: антикоррупционная экспертиза нормативных актов,

---

[1] См.: Денисов Г. И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 89–91; Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 53–54; Петкилев П. И. Псевдопонятность юридического дизайна // Юрислингвистика. 2025. № 36. С. 31–33.

[2] Поленина С. В. Юридическая техника и правовая технология: теория, практика, преемственность // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 389–390.

например, уже предусматривает анализ текстовых неопределенностей, а лингвистическая экспертиза проектов законов становится обязательным элементом правовой оценки[1].

Реализация этих процедур позволяет выстраивать качественно новый формат взаимодействия юристов и лингвистов, при котором юридическое содержание и языковая форма рассматриваются как взаимозависимые компоненты единого процесса. При разработке актов в сфере экономического регулирования, международного сотрудничества и цифрового права такие механизмы приобретают особое значение. Здесь каждая неточность формулировки способна повлечь системные сбои в применении: различие между «может» и «вправе», между «обязан» и «должен» меняет характер нормативного предписания. Конвергентная техника призвана не только выявлять подобные расхождения, но и предупреждать их, формируя внутреннюю «сеть предсказуемости» текста, где семантическая и нормативная логика совпадают[2].

Особое место техника юрислингвистической конвергенции занимает в судебной практике. Судебное толкование нормативных текстов выявляет реальные границы их языковой устойчивости, а значит, становится полигоном проверки качества конвергентных приемов. Судьи, сталкиваясь с неясными или двусмысленными выражениями, фактически заново конструируют смысл нормы, что свидетельствует о дефиците лингвистической точности в процессе ее создания. Именно поэтому развитие единых стандартов правового языка и формулирование судебных рекомендаций по употреблению терминов приобретают особую значимость. В этом контексте юрислингвистическая конвергенция выступает как

[1] См.: Кабанов П. А. Юридико-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы НПА и проектов НПА // NB: Административное право и практика администрирования. 2014. № 3. С. 63–65; Балдин А. К. Юридико-лингвистическая неопределенность: коррупционная угроза правоприменительной практике // Вестник ННГУ. 2016. № 5. С. 168–169.

[2] См.: Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 52–54; Чуфарова Е. Н. Юридический язык в дихотомии «язык – речь» // Право и политика. 2018. № 2. С. 4–6.

средство профилактики правовой неопределенности и стабилизации судебного дискурса[1].

Не менее показательна реализация конвергентных принципов в договорной и корпоративной практике. Унификация языковых формул, закрепление стандартных конструкций ответственности, условий и оговорок – все это проявления техники юрислингвистической конвергенции в микроуровне правового регулирования. В условиях цифровизации и трансграничного оборота договоры становятся текстами с многоязычным характером действия, и здесь особенно важно обеспечить идентичность смыслов при переводе. Как отмечает Н. О. Курчинская-Грассо, юридический английский язык отличается высокой степенью идиоматичности, что делает буквальный перевод недопустимым без учета контекста правовой системы[2]. Следовательно, конвергентная техника в договорной сфере направлена на создание текстов, где язык не искажает содержание, а точно его воспроизводит в каждой юрисдикции.

Таким образом, техника юрислингвистической конвергенции проявляется как инструмент системного выравнивания правового пространства: она соединяет нормотворчество, судебную и договорную практику в единую методологию языковой согласованности. Этот процесс не только повышает качество юридических текстов, но и способствует формированию новой культуры правовой коммуникации – культуры смысловой точности, прозрачности и ответственности за слово. В условиях усложнения международных правовых связей такая культура становится фактором конкурентоспособности национальной правовой системы, ее

[1] См.: Оглезнев В. В. «Открытая текстура» юридического языка и кластерные понятия // Право и политика. 2019. № 8. С. 70–72; Герасименко Ю. А. Нормы-оговорки и отсылки в законодательстве: аспекты соотношения // Юридическая лингвистика. 2023. № 28. С. 52; Донскова Ю. В. Лингвистические аспекты юридической техники (на примере функционирования слова «заведомо» и конструкции «знал или должен был знать» в ГК РФ) // Юрислингвистика. 2023. № 28. С. 57–59.

[2] Курчинская-Грассо Н. О. Особенности и основные характеристики юридического английского языка // Litera. 2020. № 12. С. 179–180.

способности говорить «на своем языке», оставаясь понятной в глобальном правовом дискурсе[1].

Структура техники юрислингвистической конвергенции включает совокупность элементов, обеспечивающих согласованность правового текста на всех стадиях его создания и функционирования. Центральное место среди них занимают механизмы определения и уточнения правовых понятий, задающие их смысловые границы. От качества юридических дефиниций зависит степень предсказуемости правового регулирования: неопределенные или размытые определения порождают риск произвольного толкования и противоречивой практики. Конвергентный подход требует, чтобы дефиниция удовлетворяла не только формально-логическим, но и языковым критериям – ясности, контекстной согласованности и коммуникативной адекватности. Такой подход позволяет минимизировать «семантический шум» и повысить управляемость правовой коммуникации[2].

Следующим элементом является языковая унификация, охватывающая упорядочение терминологического аппарата и выработку единообразных синтаксических конструкций. Речь идет не о стилистической унификации, а о формировании типовых формул, выражающих юридически значимые отношения. В современной российской практике наблюдается постепенное внедрение подобных стандартов при подготовке нормативных актов: разработка глоссариев правовых терминов, создание баз устойчивых конструкций и формальных моделей формулировок. Это обеспечивает согласованность понятийного аппарата и облегчает межведомственное взаимодействие. В то же время чрезмерная стандартизация чревата утратой гибкости, поэтому конвергентная техника

[1] См.: Асадов Р. Б. Правовая терминология и культурный код: перспективы юрислингвистической дивергенции в российском законодательстве // Право и политика. 2025. № 6. С. 118–119; Третьякова О. Д. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций. Владимир: Издательство ВлГУ, 2019. С. 120–122.

[2] Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2002. С. 103–104; Зорина Е. М. Лингвистические особенности юридических текстов // Юрислингвистика. 2024. № 34. С. 23–24.

предполагает динамическое равновесие между стабильностью и вариативностью языковых средств[1].

Не менее важным структурным компонентом выступают приемы минимизации неопределенности. Их назначение – устранить потенциальные лакуны, двусмысленности и избыточные смыслы в правовом тексте. К числу таких приемов относятся контроль коллокаций (совместимости слов в нормативном контексте), контекстуальное ограничение полисемии терминов, избегание конструкций с расплывчатым объемом модальности («может», «при необходимости»), а также разработка специальных комментариев и пояснительных примечаний. Как показывает анализ судебных решений, лингвистическая небрежность часто становится источником правовых коллизий. Поэтому эффективная конвергентная техника формирует механизмы превентивной семантической экспертизы и нормативного редактирования, закрепляя тем самым высокий уровень правовой предсказуемости[2].

Интерес представляет опыт Европейского союза, где проблема языковой гармонизации правовых актов получила институциональное решение. В структуре Генерального директората по переводу Европейской комиссии действует система многоуровневой лингвоюридической экспертизы, направленная на обеспечение смыслового равновесия между версиями правовых актов на всех официальных языках. Конвергентная техника здесь реализуется через систему «юридических лингвистов», которые одновременно владеют правовой терминологией и методами лингвистической верификации. Этот опыт демонстрирует, что устойчивость правового регулирования в многоязычном пространстве достигается не

---

[1] См.: Усманова Е. Ф., Майорова Г. В. Юридическая техника в процессе систематизации нормативных правовых актов // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2013. № 12. С. 105–106; Уманская В. П. Юридические технологии: понятие и виды // Правовая культура. 2012. № 1. С. 62–63.

[2] См.: Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 53; Балдин А. К. Юридико-лингвистическая неопределенность: коррупционная угроза правоприменительной практике // Вестник ННГУ. 2016. № 5. С. 169; Герасименко Ю. А. Нормы-оговорки и отсылки в законодательстве: аспекты соотношения // Юридическая лингвистика. 2023. № 28. С. 52.

механическим переводом, а едиными принципами текстопостроения и терминологической эквивалентности[1].

Российская практика постепенно движется в аналогичном направлении, особенно в рамках Евразийского экономического союза, где разработка нормативных актов требует одновременного функционирования текста на нескольких языках. Применение конвергентной техники здесь выражается в согласовании дефиниций, выработке общих глоссариев и типовых конструкций, а также в разработке процедур сопоставительной лингвистической экспертизы. Таким образом, техника юрислингвистической конвергенции в многоязычных правовых системах становится инструментом интеграции, обеспечивающим не только точность перевода, но и концептуальное единство правового пространства[2].

Функциональные механизмы техники юрислингвистической конвергенции формируют динамическое пространство взаимодействия языка и права, где смысл правового текста конструируется не только как результат нормотворческого акта, но и как продукт когнитивной деятельности. Право в этом контексте выступает не просто системой предписаний, а особым видом смыслопорождающего дискурса, обладающего собственной грамматикой и семиотикой. Внутри этой системы конвергентная техника обеспечивает не столько «точность формулировки», сколько предсказуемость интерпретации: она направлена на то, чтобы минимизировать расхождение между замыслом законодателя и восприятием адресата нормы. В этом смысле лингвистический анализ становится частью юридической герменевтики, а техника конвергенции – инструментом когнитивного

[1] См.: Амосова Т. В., Юрковский А. В., Юрковская Е. А. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 103–105; Курчинская-Грассо Н. О. Особенности и основные характеристики юридического английского языка // Litera. 2020. № 12. С. 180–181.

[2] См.: Гюльвердиев Р. Б. Лингвоюридическая конвергенция: внешнеторговый дискурс // Юридические исследования. 2020. № 2. С. 54–56; Третьякова О. Д. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций. Владимир: Издательство ВлГУ, 2019. С. 198–200.

контроля над правовым смыслом[1].

Одним из ключевых механизмов конвергентной техники выступает когнитивная адаптация нормативного текста – согласование его семантической структуры с типовыми моделями юридического мышления. Сложность современного законодательства требует от законодателя учитывать не только логику нормы, но и закономерности восприятия текста пользователем: когнитивную емкость предложений, степень абстрактности терминов, наличие фоновых знаний. Юридический язык должен быть сконструирован таким образом, чтобы обеспечивать «равновесие интерпретаций» – минимальный разброс смыслов при максимально возможной ясности. Поэтому техника конвергенции предполагает не избыточную сложность, а управляемую строгость выражения, где каждое слово выполняет функциональную роль и исключено произвольное смысловое расширение[2].

Другим важным функциональным аспектом является прагматическая организация правового текста, обеспечивающая его эффективность как акта социальной коммуникации. Конвергентная техника рассматривает юридическую норму не как абстрактное правило, а как речевой акт с определенной иллокутивной силой, направленной на регулирование поведения. С этой позиции языковая форма должна способствовать реализации нормативного намерения – не просто информировать, а побуждать, запрещать, разрешать. Применение конвергентных приемов позволяет соотносить структуру текста с его функциональной нагрузкой: диспозиции – с предписанием, гипотезы – с условием, санкции – с последствием[3].

---

[1] Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 5–6; Чуфарова Е. Н. Юридический язык в дихотомии «язык – речь» // Право и политика. 2018. № 2. С. 3–4; Оглезнев В. В. «Открытая текстура» юридического языка и кластерные понятия // Право и политика. 2019. № 8. С. 71.

[2] См.: Зорина Е. М. Лингвистические особенности юридических текстов // Юрислингвистика. 2024. № 34. С. 24; Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 53–54.

[3] См.: Косоногова О. В., Малащенко М. В. Специальный юридический язык как инструмент взаимодействия языка и права // Universum: филология и искусствоведение. 2014. № 7. С. 4–5; Прадид О. Ю. Язык закона: вопросы стилистической квалификации // Litera. 2019. № 2. С. 72–73.

Серьезное влияние на развитие конвергентной техники оказали процессы цифровизации и формирование «электронного законодательства». В условиях, когда нормативные тексты все чаще создаются, систематизируются и анализируются при помощи автоматизированных средств, возникает потребность в новых стандартах языковой предсказуемости. Алгоритмы машинного анализа требуют формально-логической согласованности выражений, отсутствия омонимии и неформализуемых метафор. Конвергентная техника отвечает этим вызовам, предлагая модели стандартизации языка права, совместимые с цифровыми форматами представления правовой информации и системами искусственного интеллекта. Таким образом, она становится не только гуманитарным, но и технологическим инструментом, соединяющим правотворчество с машинной интерпретацией текста[1].

Наконец, в современном российском контексте техника юрислингвистической конвергенции приобретает важное социокультурное значение. Смена фокуса языковой политики, происходящая под воздействием санкционного давления и переориентации на новые интеграционные центры, требует укрепления национальной языковой идентичности права. Конвергентная техника здесь выступает как механизм сохранения культурного кода в юридическом дискурсе: она обеспечивает лексическую преемственность, поддерживает нормативную традицию и предотвращает подмену смыслов в процессе заимствования понятий. Сочетание открытости к международным моделям с сохранением концептуального суверенитета становится одним из центральных принципов современной методологии юридического языка[2].

Подводя итоги, можно отметить, что техника юрислингвистической конвергенции формируется как особый комплекс норм, приемов и процедур,

---

[1] Антопольский А. Б. Лингвистические ресурсы и технологии в России: состояние и перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 124–126.

[2] См.: Асадов Р. Б. Правовая терминология и культурный код: перспективы юрислингвистической дивергенции в российском законодательстве // Право и политика. 2025. № 6. С. 118–119; Третьякова О. Д. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций. Владимир: Издательство ВлГУ, 2019. С. 122–123.

направленных на обеспечение смыслового единства и структурной согласованности правового текста. Ее функциональная специфика заключается в том, что она объединяет две сферы – юридическую и лингвистическую – не на уровне формальной взаимосвязи, а в точке их методологического пересечения. Конвергентная техника делает язык права не просто носителем информации, а активным инструментом регуляции, где форма выражения становится частью содержания, а точность лексики – условием правовой определенности[1].

Главная задача техники юрислингвистической конвергенции состоит в управлении смысловыми процессами, происходящими внутри нормативного текста. Если классическая юридическая техника решает проблему логической согласованности нормы, то конвергентная – проблему ее семантической предсказуемости. Она обеспечивает стабильность правовых значений при их переносе между различными уровнями регулирования – от законов к подзаконным актам, от судебной практики к доктрине. Тем самым конвергентная техника превращается в средство «внутренней коммуникации» правовой системы, обеспечивая согласование понятий и понятийных полей в едином дискурсивном пространстве[2].

Выделение уровней этой техники позволяет глубже понять ее природу. На когнитивном уровне она выражается в моделировании нормативных концептов и типовых схем рассуждения; на лингвистическом – в выборе адекватных языковых форм для их выражения; на правовом – в формировании норм, обладающих стабильной и воспроизводимой семантикой. Эти уровни взаимосвязаны: изменение терминологической конструкции может повлечь смещение смысла нормы, а трансформация логики диспозиции – изменение прагматического эффекта текста. Отсюда вытекает необходимость системной экспертизы правовых актов на

---

[1] Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. М.: Статут, 1999. С. 213–215; Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2002. С. 104–105.

[2] См.: Муромцев Г. И. Юридическая техника: некоторые теоретические аспекты // Правоведение. 2000. № 1. С. 14–16; Третьякова О. Д. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций. Владимир: Издательство ВлГУ, 2019. С. 202–204.

предмет когнитивной и языковой согласованности, что и составляет ядро современной конвергентной техники.

Значение этой техники выходит далеко за рамки собственно юридической лингвистики. Она становится инструментом модернизации правотворческого процесса, механизмом повышения качества законодательства и фактором укрепления правового суверенитета государства. В условиях глобализации и цифровизации, когда правовая информация циркулирует мгновенно и подвергается автоматизированной обработке, техника конвергенции обеспечивает сохранение смысловой устойчивости национального законодательства. Ее применение способствует формированию «семантического каркаса» законодательства – внутренне непротиворечивой и когнитивно устойчивой системы правовых понятий, соответствующей принципам точности, ясности и правовой определенности.

Для российской правовой системы особое значение имеет способность этой техники учитывать культурные и ценностные особенности отечественного правового языка. Сохранение национальной терминологической традиции, развитие собственных дефинитивных моделей и адаптация международных понятий при сохранении их концептуальной чистоты – все это элементы юрислингвистической конвергенции, направленные на укрепление правового суверенитета. Таким образом, техника конвергенции становится не только профессиональным инструментом юриста, но и проявлением правовой культуры, выражающей историческую преемственность и концептуальную зрелость российского законодательства.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что техника юрислингвистической конвергенции – это не узкоспециальный прием юридической техники, а целостная методологическая система, обеспечивающая сбалансированное развитие права и языка. Ее внедрение в практику правотворчества и правоприменения способствует выработке нового стандарта юридического мышления, основанного на осознанной семантической «строгости». В условиях ускоряющихся правовых и культурных изменений именно эта техника позволяет сохранить внутреннюю согласованность

нормативного дискурса и обеспечить доверие к праву как к инструменту рациональной коммуникации государства и общества.

2.2 Средства техники юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании

В теории права установилось представление о том, что достижение целей правового регулирования обеспечивается через особые правовые средства, выступающие элементами механизма действия права. В научной литературе данное понятие традиционно связывается с системой юридических инструментов, при помощи которых нормы права реализуют свою регулятивную функцию. Как отмечал А. В. Малько, правовые средства представляют собой институциональные образования, позволяющие достигать общественно значимых результатов в пределах, установленных законом[1]. В этой связи правовые средства образуют системное единство норм, институтов, юридических фактов, правоотношений и актов реализации права, объединенных общей целевой направленностью[2].

В современных условиях особое значение приобретают средства юридико-лингвистического характера, которые обеспечивают согласование содержания нормы с формой ее языкового выражения. Именно в этом аспекте уместно говорить о средствах техники юрислингвистической конвергенции – т. е. о совокупности инструментов, направленных на поддержание смысловой точности и терминологической согласованности правовых текстов. Их назначение состоит в том, чтобы посредством языковых и юридико-технических механизмов устранить расхождения между концептуальной структурой нормы и ее текстуальной

[1] Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–68.

[2] См.: Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 15–17; Минц Б. И. Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях // Правоведение. 1983. № 2. С. 70–72.

реализацией[1]. По существу, речь идет о переходе от традиционного понимания юридической техники как набора формальных приемов к современному комплексному подходу, в котором учитываются закономерности правового языка и его когнитивно-семантические свойства.

Данные средства занимают промежуточное положение между юридической техникой и правовой лингвистикой. Если первая концентрируется на логико-структурных приемах построения нормативных актов, то вторая исследует закономерности функционирования языка права как особого профессионального кода. Их взаимодействие обусловило формирование юрислингвистического уровня правового анализа, где внимание сосредоточено на обеспечении смысловой целостности текста, точности терминологии и единообразии формулировок[2]. В результате средства техники юрислингвистической конвергенции выполняют функцию своеобразного «моста» между содержанием правовой нормы и ее языковым выражением, обеспечивая единство юридической мысли и формы ее выражения.

По мере усложнения законодательства и расширения сферы правового регулирования растет потребность в совершенствовании языка права, в устранении терминологической неоднородности и стилистической избыточности. Это обусловливает необходимость системного использования специальных средств – дефиниций, терминологических стандартов, правил логико-грамматического построения норм, требований к ясности и доступности изложения. Все перечисленное образует структурную основу техники юрислингвистической конвергенции, направленной на достижение согласованности между содержанием и формой нормативных предписаний. В совокупности данные элементы

---

[1] См.: Андриенко Д. Г. Технико-юридические средства обеспечения адекватности языка закона // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 9. С. 5–7; Тарасевич И. Б. Технико-юридические средства обеспечения адекватности языка закона // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 9–10.

[2] Голев Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 94–96.

обеспечивают ту степень языковой упорядоченности, без которой невозможно эффективное правовое регулирование.

Одним из центральных направлений техники юрислингвистической конвергенции является обеспечение терминологической и понятийной согласованности правового языка. В этой связи особую роль играют юридические дефиниции, представляющие собой особую форму нормативного закрепления смыслов, посредством которой достигается единство и устойчивость правовой материи. В системе правовых средств, описанной С. С. Алексеевым, дефиниции выполняют функцию фиксации исходных понятий, от которых выстраивается вся логика регулирования[1]. В юридической технике дефиниция служит инструментом систематизации понятийного аппарата, обеспечивая точность и воспроизводимость терминов в правоприменении[2].

В теории права дефиниция рассматривается как элемент механизма правового регулирования, выполняющий одновременно познавательную и конструктивную функции. Она задает категориальные границы юридического понятия и тем самым обеспечивает его нормативную определенность. В юрислингвистическом измерении дефиниция выступает своеобразным узлом конвергенции права и языка, поскольку соединяет юридическое содержание с его языковым выражением. Именно в этом заключается связь дефиниции с концепцией юрислингвистической конвергенции (развитой О. Д. Третьяковой), согласно которой смысловое единство правового текста формируется на пересечении когнитивных структур права и языка[3]. С данной позиции дефиниция представляет собой не только результат юридико-технического приема, но и проявление более глубокого механизма взаимодействия правового и лингвистического мышления.

---

[1] Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 15–17.

[2] Болдырев С. Н. Дефиниция как средство юридической техники // Философия права. 2014. № 4. С. 48–50.

[3] Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. С. 210–214.

В лингвистике дефиниция понимается как акт семантической фиксации значения, направленный на устранение многозначности и обеспечение когнитивной стабильности термина. Эти свойства в полной мере востребованы правом, где термин должен быть не просто понятен, но и однозначно интерпретируем. Отсюда вытекает требование к юридическим определениям: они должны быть не описательными, а нормативно ограничительными, т. е. фиксировать не весь возможный смысл слова, а лишь тот объем значения, который признается правовой системой юридически релевантным[1]. Именно такая селективность значения придает дефиниции статус юридико-лингвистического средства, обеспечивающего внутреннюю согласованность системы законодательства.

С дефиницией тесно связана и терминологическая упорядоченность как форма выражения правовых средств. В лингвистическом отношении терминологическая система права представляет собой иерархию специальных лексем, объединенных отношениями родо-видовой подчиненности. С позиций юридической техники она образует средство стандартизации понятийного аппарата, без которого невозможно единообразие правоприменения. Как справедливо отмечает В. М. Баранов, терминологическая строгость служит условием правовой определенности, а потому должна рассматриваться как элемент правовой культуры и профессиональной ответственности нормотворца[2].

В условиях стремительного обновления законодательства и постоянного заимствования новых понятий терминологическая согласованность приобретает особое значение. Юрислингвистический подход позволяет рассматривать ее не только как вопрос техники, но и как когнитивно-коммуникативную задачу. Формирование единого понятийного пространства права предполагает участие лингвистических инструментов – глоссариев, корпусных анализов, систем коллокационной проверки, что обеспечивает эмпирическую базу для

[1] Мамедов Э. Ф. Язык закона: к вопросу о значении терминов и дефиниций в текстах нормативных правовых актов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1. С. 165–166.
[2] Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 156–160.

нормирования юридической лексики[1]. Таким образом, дефиниции и терминология образуют взаимосвязанное звено техники юрислингвистической конвергенции: через них право вырабатывает собственный язык, а язык – становится носителем правовой системности.

Структурно-композиционные и логико-грамматические средства техники юрислингвистической конвергенции направлены на обеспечение внутренней согласованности и формальной стройности нормативного текста. В юридико-техническом смысле они представляют собой совокупность правил, определяющих последовательность изложения, логическую подчиненность элементов и способы языкового выражения юридических предписаний. Как отмечает Е. Н. Швед, именно структурная организация акта позволяет воспринимать право не как набор отдельных норм, а как систему взаимосвязанных положений, образующих целостную модель регулирования[2]. Отсюда вытекает требование композиционной логики: каждая норма должна занимать функционально оправданное место в структуре акта и быть грамматически согласована с другими положениями.

Юрислингвистический подход акцентирует внимание на том, что формально-грамматическая правильность не всегда гарантирует смысловую адекватность. Текст закона должен быть не только структурно ясен, но и семантически устойчив. Поэтому логико-грамматические средства включают правила построения нормативных предложений, обеспечивающих однозначное толкование. Наиболее значимыми здесь являются стандартизированные синтаксические модели («устанавливается», «не допускается», «осуществляется при условии»), формирующие типовую структуру правового предписания. Их использование создает предсказуемость интерпретации и снижает риск возникновения двусмысленности. Как подчеркивает В. М. Баранов,

[1] Мартыненко И. А., Злобина О. Г. Корпусная лингвистика как инструмент для изучения юридической лексики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 11. С. 90–93.

[2] Швед Е. Н. Типология средств и приемов правотворческой техники // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3. С. 100–102.

стандартизация грамматических форм служит не ограничением, а условием логической упорядоченности правового регулирования[1].

Особое значение в системе структурных средств приобретает согласованность внутритекстовых связей. Каждое положение должно быть грамматически и логически связано с предыдущими и последующими нормами, формируя когерентное правовое пространство. Эта связность обеспечивается через систему отсылок, уточнений и корреспондирующих норм, при помощи которых законодатель выстраивает внутренние отношения между частными и общими предписаниями. В теории юридической техники подобные элементы рассматриваются как технические средства связи, обеспечивающие системность и непротиворечивость нормативного массива. Их юрислингвистическое значение заключается в том, что посредством корректной грамматической организации текст сохраняет логическую непрерывность – свойство, от которого напрямую зависит предсказуемость правоприменения[2].

О. Д. Третьякова, анализируя процессы юридической и лингвистической конвергенции, отмечает, что на уровне нормативного текста они проявляются прежде всего в совпадении структурных принципов права и языка – иерархичности, симметрии и рекурсивности[3]. Эти принципы обеспечивают не только формальную связность, но и когнитивную целостность правового регулирования: закон, будучи организован по правилам естественного языка, становится доступным для понимания без утраты логической строгости. Таким образом, структурно-композиционные и логико-грамматические средства представляют собой механизм поддержания баланса между юридической логикой и языковой формой, что и составляет ядро техники юрислингвистической конвергенции.

---

[1] Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 164–166.

[2] Никонова Ю. А. Лингвистический аспект юридико-технического совершенствования правоприменительных актов органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4. С. 99–101.

[3] Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. С. 217–219.

Верификационные и коммуникативные средства техники юрислингвистической конвергенции направлены на обеспечение точности, предсказуемости и понятности нормативного текста. В юридической доктрине их рассматривают как совокупность приемов и процедур, позволяющих проверить соответствие языка закона требованиям логической и лингвистической корректности. По существу, речь идет о формировании системы контроля качества правового текста, где критерием служит не только юридическая обоснованность, но и языковая адекватность выражения нормы. Как отмечает Ю. А. Никонова, лингвистическая экспертиза правовых актов позволяет выявить противоречия, связанные с многозначностью терминов, нарушением синтаксической структуры или несогласованностью понятийных связей[1]. В этом смысле верификация становится обязательным элементом конвергентной техники, обеспечивающим точное совпадение замысла нормотворца и формы его выражения.

Верификационные процедуры опираются на методы современной лингвистики, прежде всего – на корпусные и статистические подходы. Использование специализированных корпусов юридических текстов позволяет проводить автоматизированный анализ частоты употребления терминов, выявлять семантические расхождения и отслеживать эволюцию правовой лексики. По мнению И. А. Мартыненко и О. Г. Злобиной, корпусный анализ обеспечивает эмпирическую основу для объективной оценки качества языка права и способствует унификации языка нормативных правовых актов[2]. Подобные инструменты становятся особенно востребованными при разработке актов, рассчитанных на межведомственное или трансграничное применение, где недопустимы различия в терминологической трактовке. Таким образом, лингвистическая верификация служит не просто техническим средством контроля,

[1] Никонова Ю. А. Лингвистический аспект юридико-технического совершенствования правоприменительных актов органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4. С. 99–101.

[2] Мартыненко И. А., Злобина О. Г. Корпусная лингвистика как инструмент для изучения юридической лексики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 11. С. 91–93.

но и элементом правовой гарантии определенности и предсказуемости законодательства.

Коммуникативные средства юрислингвистической конвергенции ориентированы на обеспечение доступности правового текста для адресата и на предотвращение коммуникативных сбоев в правовой коммуникации. Речь идет не об упрощении содержания, а о достижении оптимального соотношения между юридической точностью и лингвистической прозрачностью. Как подчеркивает А. А. Парфенов, правовая коммуникативная компетенция нормотворца заключается в способности прогнозировать интерпретационные стратегии адресата и подбирать языковые формы, минимизирующие риск неоднозначного толкования[1]. На практике это означает необходимость использования единых грамматических шаблонов, избегания чрезмерной терминологической плотности и обеспечения смысловой симметрии между различными частями нормативного акта.

Современная языковая политика Российской Федерации придает дополнительное значение коммуникативной функции правового языка. В условиях усиления роли русского языка как государственного и официального языка международных договоров, вопросы лингвистической точности приобретают не только профессиональное, но и политико-правовое измерение. Исследователи отмечают тенденцию к вытеснению неадаптированных заимствований, к повышению требований к ясности и выразительности официальных формулировок[2]. Этот процесс можно рассматривать как проявление юрислингвистической конвергенции на макроуровне: соответствие правового языка нормам современного литературного языка и выработка своих правил укрепляет его [правового языка] нормативный статус и обеспечивает единство правового пространства.

---

[1] Парфенов А. А. О правовой коммуникативной компетенции // Право и политика. 2019. № 2. С. 7–9.

[2] Акишин М. О. Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 59–62.

Таким образом, верификационные и коммуникативные средства образуют заключительный уровень техники юрислингвистической конвергенции, где внимание сосредоточено на когнитивно-прагматических аспектах правового воздействия. Они обеспечивают не только внутреннюю связность правового текста, но и его функциональную адекватность – способность быть понятым и примененным без искажений. Через эти средства проявляется зрелость правовой системы, в которой точность языка становится условием эффективности права, а качество правового текста – индикатором уровня правовой культуры общества.

Система средств техники юрислингвистической конвергенции образует сложную, многоуровневую структуру, обеспечивающую единство содержания и формы правового регулирования. Каждая группа средств выполняет самостоятельную функцию, однако их взаимодействие носит взаимодополняющий характер. На понятийно-теоретическом уровне это выражается в согласовании категориального аппарата права с его языковой реализацией; на прикладном – в создании механизмов, гарантирующих смысловую точность, структурную упорядоченность и коммуникативную ясность нормативных предписаний. Такой подход позволяет рассматривать технику юрислингвистической конвергенции не как вспомогательный элемент, а как самостоятельное направление правовой инженерии, тесно связанное с когнитивными и языковыми процессами в правотворчестве[1].

Дефиниции, терминологическая унификация, структурно-грамматические правила, коммуникативные и верификационные приемы – все эти элементы образуют внутренний механизм взаимосогласования юридического и лингвистического уровней нормативного текста. Их совокупное применение обеспечивает преодоление разрыва между логикой правового регулирования и языковыми средствами ее выражения. Как отмечает С. С. Алексеев, именно через правовые средства достигается упорядоченность общественных отношений, а эффективность этих средств во многом зависит от адекватности используемых

[1] Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. С. 220–223.

средств языкового оформления правовых норм[1]. Современная практика правотворчества подтверждает: даже незначительные нарушения языковой структуры могут привести к искажению правового смысла, а значит – и к снижению эффективности регулирования.

Юрислингвистическая конвергенция выявляет глубокую взаимосвязь между развитием правовой системы и состоянием национального языка. Чем совершеннее средства выражения правовых идей, тем устойчивее становится правопорядок, тем выше доверие к закону. В условиях современной России, где язык приобретает стратегическое значение как элемент суверенитета и правовой идентичности, вопросы качества правового текста приобретают не только научно-методологическое, но и государственно-политическое измерение. В этом контексте техника юрислингвистической конвергенции выступает как средство сохранения смысловой целостности права, обеспечивающее баланс между юридической строгостью и культурно-языковой традицией[2].

Средства техники юрислингвистической конвергенции представляют собой интегративный комплекс правовых и лингвистических инструментов, направленных на достижение нормативной определенности и согласованности содержания правовых норм. Их совершенствование является необходимым условием качественного развития законодательства и правоприменительной практики. На теоретическом уровне это способствует дальнейшему укреплению методологического фундамента юрислингвистики как междисциплинарной области, объединяющей юридическую догматику, языкознание и когнитивную теорию права.

---

[1] Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 16–17.

[2] Акишин М. О. Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 62–63.

2.3 Правила и приемы техники юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании

Переход от анализа средств техники юрислингвистической конвергенции к рассмотрению ее правил и приемов обусловлен необходимостью выявления внутренних закономерностей и механизмов, обеспечивающих устойчивость взаимодействия правового и языкового начал. Если средства образуют материальную основу юридико-лингвистического воздействия, то правила и приемы задают алгоритм их применения – своего рода нормативно-коммуникативный *«код»* правотворческой деятельности. Как справедливо отмечает О. Д. Третьякова, конвергентная техника представляет собой не сумму отдельных инструментов, а систему методологических принципов, направленных на обеспечение смысловой и структурной целостности правового регулирования[1].

Несмотря на растущее внимание к качеству законодательства, структура многих нормативных актов остается внутренне несогласованной. Исследования показывают, что значительная часть федеральных и региональных нормативных правовых актов перегружена усложненными синтаксическими конструкциями, нарушением композиционной логики и «расслоением» терминологического ряда[2]. Такие тексты формально корректны, но плохо удерживают смысловое единство: адресат вынужден «пересобирать» норму из отдельных фрагментов, что неизбежно повышает риск интерпретационных расхождений.

Эта тенденция усиливает фрагментацию правового пространства, на которую указывают М. В. Залоило[3]. Правовые массивы превращаются в совокупность

---

[1] Третьякова О. Д. Конструкция юридической конвергенции // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 778–780.

[2] См.: Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74; Кучаков Р. К. Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов. Аналитическая записка / Р. К. Кучаков, Д. А. Савельев. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. 20 с.

[3] См.: Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–49.

параллельно функционирующих блоков, не связанных единым понятийным каркасом. В условиях такой неоднородности информационная насыщенность текста не обеспечивает ясности: множественные уточнения и избыточные разъяснения создают иллюзию нормативной доскональности, хотя смысловые связи между элементами нормы остаются размытыми[1]. Именно это явление описывает Р. Б. Головкин как иллюзию повышения качества регулирования при фактическом снижении его предсказуемости[2].

Поэтому переход от анализа «средств» к анализу «правил и приемов» техники юрислингвистической конвергенции имеет не только методологическое, но и прикладное значение. Правила и приемы выступают инструментами, способными восстановить смысловую непрерывность нормативного текста и снизить риск интерпретационных отклонений. Они задают рамки допустимой сложности, обеспечивают согласование терминов с их нормативным контекстом и ограничивают вариативность грамматических решений, нарушающих логическую структуру нормы[3]. В связи с этим техника юрислингвистической конвергенции позволяет не только описывать закономерности правового языка, но и формировать устойчивые стандарты правотворчества, направленные на повышение когнитивной прозрачности и структурной согласованности нормативного регулирования.

В теории права понятие «правило» традиционно связывается с нормативной регламентацией поведения. Однако в сфере юридической техники этот термин приобретает методологический смысл: правила фиксируют устойчивые закономерности построения, формулирования и интерпретации правовых текстов. В юрислингвистическом контексте они служат опорными принципами, обеспечивающими согласованность языка и содержания права. Такие правила

---

[1] См.: Белоусов С. А. Дисбаланс российского законодательства и информационная избыточность нормативно-правового текста: соотношение и взаимосвязь // Правовая культура. 2015. № 4. С. 48–57.

[2] Подробнее см.: Головкин Р. Б. Иллюзии в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1. С. 123–128.

[3] См.: Власенко Н. А. Язык права: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2024. 176 с.; Юридическая техника: учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, Т. В. Губаева. М.: Проспект, 2021. 648 с.; Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. № 27. С. 49–55.

включают: принцип языковой адекватности, требующий точного соответствия формы и смысла нормы; принцип логико-семантической непротиворечивости, исключающий двусмысленные конструкции; и принцип функциональной избыточности, допускающий минимально необходимое повторение терминов для поддержания когерентности текста[1].

Приемы же, в отличие от правил, отражают конкретные способы реализации этих принципов в процессе правотворчества. Они представляют собой гибкие, адаптивные методы, направленные на достижение заданной юридико-лингвистической цели. К числу таких приемов относятся: использование симметричных конструкций (т. е. синтаксический параллелизм) в нормативных предписаниях, синтаксическая стандартизация, ограничение полисемии терминов, логическая маркировка причинно-следственных связей с помощью формул «если – то» и «при условии». Как отмечает М. А. Капустина, приемы языкового конструирования юридических норм обеспечивают переход от логики профессионального мышления к языку права, формируя тем самым когнитивный мост между теорией и текстом[2].

Особое место среди правил занимает принцип когнитивной прозрачности, разработанный в рамках аналитической философии языка и адаптированный к правовой сфере В. В. Оглезневым и В. А. Суровцевым[3]. Согласно этому принципу, структура юридического текста должна быть построена таким образом, чтобы смысл каждого утверждения мог быть восстановлен адресатом без обращения к внешним интерпретационным источникам. Этот подход соотносится с идеей С. Т. Золяна о прагмасемантической соразмерности языка, предполагающей равновесие между грамматической формой и прагматической функцией

---

[1] См.: Философия и язык права: монография / под общ. ред. А. Б. Дидикина, В. В. Оглезнева. Новосибирск: НГУ, 2012. С. 72–74; Оглезнев В. В. Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. 2014. № 3. С. 8–9.

[2] Капустина М. А. Правовое регулирование и правоустановительная техника: языковые приемы формулирования юридических предписаний // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 123–126.

[3] Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Издательство Томского университета, 2016. С. 45–47.

высказывания[1]. В правовом контексте такое равновесие обеспечивает не только понятность, но и нормативную предсказуемость закона – ключевой признак его эффективности.

В этом аспекте правила и приемы техники юрислингвистической конвергенции выступают продолжением общих закономерностей юридической конвергенции. Юридическую и юрислингвистическую конвергенции объединяет общая направленность на преодоление дихотомий – теоретико-прикладной, содержательно-формальной, правовой и языковой[2]. В рамках юридико-лингвистического анализа эти дихотомии разрешаются через систему правил, обеспечивающих интеграцию когнитивных структур права и языка, и приемов, конкретизирующих способы их реализации в текстах нормативных актов.

Система правил техники юрислингвистической конвергенции обладает многоуровневой организацией, отражающей взаимосвязь лингвистического, логического и юридического уровней правотворческого процесса. На первом уровне выделяются лексико-семантические правила, регулирующие употребление терминов и дефиниций в правовом тексте. Их цель – достижение максимальной смысловой точности и однозначности, исключающей возможность разнотолкования. Как отмечает Н. А. Власенко, язык права по своей природе стремится к моносемии (минимизации семантической вариативности), что и отличает его от естественного языка[3].

В российской правотворческой практике отчетливо проявляется несоответствие между объемом нормативного содержания и способами его языкового оформления. Во многих случаях одно предложение включает несколько логически самостоятельных регулятивных компонентов – условия, исключения, отсылки и последствия. Подобная конструкция увеличивает когнитивную нагрузку

---

[1] Золян С. Т., Тульчинский Г. Л., Чернявская В. Е. Прагмасемантика и философия языка / под ред. С. Т. Золяна. М.: ЯСК, 2024. С. 215–218.

[2] Гюльвердиев Р. Б. Юридическая техника и техника реализации юридической конвергенции: вопросы этимологии // Право и государство: теория и практика. 2017. № 10. С. 30–31.

[3] См.: Власенко Н. А. Язык права: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2024. 176 с.

на адресата и препятствует выделению смыслового центра нормы[1]. Характерный пример чрезмерно усложненной синтаксической конструкции содержится в п. 4 ст. 64 Избирательного кодекса Владимирской области: первый абзац пункта оформлен одним развернутым предложением объемом **более 160 слов**, в котором одновременно фиксируются действия участковой комиссии перед началом голосования, порядок работы с ящиками для голосования и информирования избирателей. При таком построении синтаксис перестает выполнять функцию структурирования смысла и, напротив, затрудняет восприятие.

Аналогичная проблема наблюдается и на федеральном уровне. Так, в Федеральном законе от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ, вносящем изменения в Налоговый кодекс РФ, отдельные предложения достигают **190 слов** *(о лицах, в отношении которых органами Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации приняты решения о назначении пенсии, прекращении выплаты пенсии, о лицах, соответствующих условиям, необходимым для назначения пенсии в соответствии с законодательством Российской Федерации…)*. Для правоприменителя такая структура создает риск смещения интерпретационного фокуса: внимание концентрируется на ближайшей в момент чтения синтаксической конструкции, тогда как нормативно значимый элемент нередко «растворяется» среди второстепенных уточнений. Н. А. Власенко справедливо отмечает, что подобные конструкции нарушают когнитивный баланс текста, поскольку формально точная, но чрезмерно сложная формулировка не обеспечивает устойчивости смысла[2].

Особенно показательно Постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, в котором встречаются предложения длиной свыше **260 слов** *(в отношении коммунальной услуги по электроснабжению в предусмотренных разделом VII настоящих Правил случаях, когда обязанность по установке индивидуальных,*

---

[1] См.: Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74; Кучаков Р. К., Савельев Д. А. Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов. Аналитическая записка. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. 20 с.

[2] Подробнее см.: Власенко Н. А. Язык права: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2024. 176 с.

общих (квартирных), комнатных приборов учета возлагается…). Такая композиция утрачивает внутреннюю логическую последовательность: грамматически правильное высказывание перестает быть когнитивно управляемым. Как подчеркивает С. А. Белоусов, подобная информационная насыщенность не повышает ясности текста, а, напротив, маскирует отсутствие смысловой структуры[1].

В ст. 3.5 КоАП РФ («Административный штраф») одно из предложений достигает порядка **1850 слов**, а в ст. 28.7 КоАП РФ («Административное расследование») – около **550 слов**. Подобные синтаксические конструкции фактически выходят за пределы когнитивной воспринимаемости текста и превращают норму в трудночитаемый массив.

Эти примеры демонстрируют, что без опоры на структурно-логические правила и соответствующие приемы техника правотворчества утрачивает способность удерживать смысл нормы в целостной форме. Именно здесь возникает потребность в инструментах юрислингвистической конвергенции, которые обеспечивают распределение смысловых акцентов, структурное «выравнивание» элементов нормы и снятие излишней когнитивной нагрузки. Тем самым они не только оптимизируют языковую форму, но и укрепляют интерпретационную устойчивость законодательства.

Второй уровень образуют синтаксические и логико-композиционные правила, определяющие структуру и организацию текста нормативного акта. Их назначение – установить логическую последовательность элементов, выстроить причинно-следственные связи между гипотезой, диспозицией и санкцией, а также обеспечить симметрию грамматических конструкций. В правотворческой практике они реализуются через стандартизацию синтаксических моделей («если – то», «в случае – подлежит», «при наличии – наступает»), что позволяет поддерживать

[1] См.: Белоусов С. А. Дисбаланс российского законодательства и информационная избыточность нормативно-правового текста: соотношение и взаимосвязь // Правовая культура. 2015. № 4. С. 48–57.

когерентность высказывания и сохранять нормативный ритм текста[1]. Эти правила можно соотнести с принципами аналитической философии языка, в которой смысл высказывания определяется его логической формой[2]. Применительно к праву это означает, что формулировка нормы должна быть не просто грамматически правильной, но и логически верифицируемой.

Логико-композиционные сбои в нормативных актах проявляются не только в чрезмерной длине предложений, но и в нарушении последовательности элементов нормы – гипотезы, диспозиции и санкции. Иногда законодатель фактически «переворачивает» структуру, помещая правовые последствия до описания условий их наступления. Показателен в этом отношении п. 2 ст. 450 ГК РФ: первоначально фиксируется возможность изменения или расторжения договора по требованию стороны, тогда как конкретные условия, при которых это возможно, приводятся далее, после двоеточия. Это нарушает восприятие причинно-следственной связи и способствует тому, что смысл нормы «расщеплялся» на самостоятельные фрагменты.

Проблема усугубляется, когда к нарушению логической последовательности добавляется отсылочная избыточность. Это наглядно демонстрирует п. 3 ст. 105.15 НК РФ, где в одном предложении объединены сразу несколько уровней нормативных отсылок: *«…в случае совершения налогоплательщиком, являющимся участником международной группы компаний, общая сумма дохода (выручки) которой не удовлетворяет условию, предусмотренному подпунктом 3 пункта 6 статьи 105.16-3 настоящего Кодекса…»*. Такая конструкция заставляет адресата обращаться не только к иной статье и ее подпунктам, но и к ранее сформулированным критериям международной группы компаний, формируя многоступенчатую цепочку взаимозависимых положений. В результате читатель вынужден постоянно перемещаться между различными частями текста, выстраивая

[1] Капустина М. А. Правовое регулирование и правоустановительная техника: языковые приемы формулирования юридических предписаний // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 124–125.

[2] Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Издательство Томского университета, 2016. С. 67–69.

целостное понимание содержания нормы. Такое построение затрудняет установление основного смыслового фокуса и смещает восприятие нормы в сторону грамматического порядка слов, ослабляя ее содержательную связность[1].

Подобные композиционные нарушения препятствуют формированию нормативной предсказуемости. Ю. А. Тихомиров подчеркивал, что логическая структура нормы должна быть «прозрачной для движения мысли» – в противном случае текст перестает выполнять регулятивную функцию и превращается в набор частных условий[2]. В условиях усложнения законодательных массивов особенно важно, чтобы структура нормы задавала адресату «маршрут» ее прочтения: от фактической ситуации – к юридической квалификации – к правовому последствию. Это не стилистическая рекомендация, а требование к механизму правового регулирования.

Нарушение логико-композиционной структуры демонстрирует, в частности, ст. 9 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений». После общего указания на то, что собственник гидротехнического сооружения и (или) эксплуатирующая организация «обязаны», следует развернутый перечень из более чем двадцати абзацев, содержащих разнородные обязанности: от обеспечения соблюдения обязательных требований и проведения регулярных обследований до создания резервов и организации информирования населения. При этом основная цель регулирования – обеспечение безопасности гидротехнического сооружения и предотвращение аварий – не выделена композиционно, а лишь эпизодически упоминается внутри отдельных подпунктов. Такая структура затрудняет установление того, какие элементы нормы обладают приоритетным смысловым значением, и повышает риск того, что правоприменитель будет опираться не на системное толкование статьи, а на

---

[1] Подробнее об этом см.: Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74.

[2] Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. С. 83–85.

ближайший фрагмент текста, что непосредственно связано с проблемой «локальной интерпретации».

Эти примеры демонстрируют: структурная нестабильность нормативного текста – не частная стилистическая погрешность, а фактор, прямо влияющий на единообразие правоприменения. Восстановление внутренней логической последовательности нормы – от условий к диспозиции и далее к последствиям – предполагает использование приемов юрислингвистической конвергенции: смыслового центрирования, композиционной стандартизации и ограничения избыточных отсылок. Эти приемы позволяют удерживать содержание нормы в устойчивых концептуальных границах и подготавливают переход к анализу ее прагматико-коммуникативных характеристик.

Следующий уровень представляют прагматико-коммуникативные правила, направленные на согласование языка закона с когнитивными возможностями адресата. Здесь в центре внимания оказывается функциональный аспект – восприятие и интерпретация правового высказывания. По мнению Г. Ч. Синченко, многослойность языка права обусловлена не только юридической сложностью содержания, но и необходимостью одновременного обращения к разным категориям адресатов: гражданам, правоприменителям, экспертам[1]. Поэтому прагматические правила включают требование коммуникативной ясности, ограничения объема синтаксических периодов, унификацию грамматических структур и избегание перегруженности терминами. В результате обеспечивается баланс между профессиональной точностью и общественной доступностью нормативного текста.

Прагматико-коммуникативные правила приобретают особую значимость в тех случаях, когда текст нормы формально корректен, но фактически не «проходит» когнитивную обработку адресатом. Избыточная детализация, нарушение информационной иерархии и усложненные дефиниции формируют эффект, который Р. Б. Головкин описывает как «правовые иллюзии» – ситуации,

[1] Синченко Г. Ч. Язык права. Статья I. Призрак многослойности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 4. С. 65–66.

при которых адресат убежден, что понимает норму, но на деле воспроизводит лишь ее поверхностную структуру[1].

Один из наиболее ярких примеров – ч. 1 ст. 62 ТК РФ. В одном предложении, насчитывающем более ста слов, законодатель соединяет описание условий возникновения обязанности (наличие письменного заявления работника и трехдневный срок), исключений («за исключением случаев, если… трудовая книжка не ведется»), процедурных параметров (срок и цель выдачи документов) и детализированного перечня действий адресата нормы (выдача трудовой книжки, различных видов копий, справок). Подобная перегруженность композиции нарушает когнитивный ритм текста: адресат утрачивает понимание того, где завершает-ся основное предписание и где начинается его уточнение. Тем самым нарушается принцип когнитивной прозрачности, о котором пишет И. М. Кузьмин[2].

Подобные затруднения демонстрируют и дефиниции, включающие элементы, относящиеся к разным уровням правового регулирования. Например, п. 3 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» объединяет в одном определении одновременно описательную характеристику («любое действие (операция) или совокупность действий (операций)»), технические критерии (перечень конкретных операций: сбор, запись, систематизация, накопление, хранение и др.) и юридически значимое последствие (совершение указанных действий именно с персональными данными, что влечет применение специального режима их правовой охраны). Такая многослойная конструкция требует от адресата нормы одновременного анализа понятий различной природы, что усложняет ее восприятие и систематизацию. С. А. Белоусов справедливо указывает, что подобная практика ведет к «информационной избыточности», нарушающей коммуникативную функцию

[1] Головкин Р. Б. Иллюзии в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1. С. 124–126.
[2] Кузьмин И. М. Правовые иллюзии и машиночитаемое право // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 3. С 2–3.

юридической дефиниции как инструмента упорядочивания правового текста[1]. Для юрислингвистики это служит показательным примером того, что формальная корректность не компенсирует смысловую несогласованность.

Одним из наиболее показательных примеров нормативной информационной перегрузки является ст. 34 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», регулирующая условия контракта в сфере государственных закупок. Норма построена на множестве сквозных отсылок – к ст. 94, 95, 37 данного Закона, положениям БК РФ, ГК РФ, а также многочисленным подзаконным актам. Такое каскадное устройство приводит к необходимости одновременного анализа значительного массива нормативных предписаний, что существенно затрудняет правоприменение и повышает риск ошибок как со стороны заказчиков, так и участников закупок. Подобная *«каскадная отсылочность»* приводит к фрагментации нормативного материала: норма утрачивает самостоятельность и требует расширенного интертекстуального анализа, что объективно увеличивает риск разночтений[2]. Для адресата это означает усложнение реконструкции нормативной логики, а для правоприменителя – необходимость толковать не отдельное предписание, а совокупность взаимосвязанных норм.

Эти примеры указывают на то, что соблюдение прагматико-коммуникативных правил – не факультативная характеристика нормативного текста, а необходимое условие его функционирования. Законодательство, построенное без учета когнитивных пределов восприятия, демонстрирует эффект «скрытой непрозрачности»: норма выглядит полной, но смысл не удерживается в целостной структуре, что нарушает предсказуемость регулирования. Именно поэтому, как подчеркивает М. Л. Давыдова, языковые правила юридической

---

[1] Белоусов С. А. Дисбаланс российского законодательства и информационная избыточность нормативно-правового текста: соотношение и взаимосвязь // Правовая культура. 2015. № 4. С. 49–53.

[2] Юридическая техника: учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, Т. В. Губаева. М.: Проспект, 2021. С. 214–216.

техники должны обеспечивать не только формальную правильность, но и «коммуникативную реализуемость» правового предписания[1]. Прагматико-коммуникативный подход служит переходной опорой к принципу языковой экономии, который направлен на устранение избыточности при сохранении полноты правового содержания.

Особое значение в системе правил имеет принцип языковой экономии, тесно связанный с идеей когнитивного минимализма. Этот принцип предполагает отказ от избыточных повторов, сложных метафорических конструкций и архаизмов, не несущих правовой информации. Его лингвистический аналог можно найти в прагмасемантической концепции С. Т. Золяна, согласно которой смысловое ядро текста должно быть выстроено вокруг минимального числа репрезентативных единиц, способных удерживать общий инвариант значения[2]. В правотворчестве это правило способствует формированию компактных и предсказуемых структур, что особенно важно при переводе нормативных актов на иностранные языки или при их адаптации для разных правовых систем.

Принцип языковой экономии приобретает особое значение в тех ситуациях, когда нормативный текст перегружен вспомогательными элементами, не влияющими на юридический смысл. В ряде случаев формула нормы распадается на цепочку почти идентичных синтаксических блоков, каждый из которых повторяет предыдущий, лишь минимально меняя семантику. Характерный пример избыточного использования близких по смыслу глагольных конструкций – п. 5 ч. 2 ст. 32 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», где в рамках одной нормы последовательно используются формулы «обеспечение условий для развития», «содействие развитию», «обеспечение доступности» массового спорта, хотя все они по существу отражают одну и ту же обязанность публичной власти по созданию и поддержанию необходимых условий для занятия

---

[1] Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. № 27. С. 52–54.

[2] Золян С. Т., Тульчинский Г. Л., Чернявская В. Е. Прагмасемантика и философия языка / под ред. С. Т. Золяна. М.: ЯСК, 2024. С. 184–187.

физической культурой и спортом. Как отмечает Т. В. Кашанина, подобные «рифмующиеся конструкции» создают иллюзию смысловой насыщенности, но фактически затрудняют выделение содержательной основы нормы[1].

Нарушение принципа языковой экономии часто проявляется и в форме чрезмерно развернутых юридических дефиниций, превращающих определение в перечень однородных действий.

Так, в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» «террористическая деятельность» определяется как деятельность, включающая в себя ряд частных разновидностей (организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта, подстрекательство к нему, организацию и участие в незаконном вооруженном формировании, вербовку, вооружение и обучение террористов, информационное пособничество, пропаганду идей терроризма и т. д.). В результате определение превращается в громоздкий перечень, где множественные элементы дублируют общий родовой признак и не обогащают юридический смысл, а лишь утяжеляют текст. М. В. Залоило подчеркивает, что подобная «многоэтажность дефиниций» приводит к фрагментации смысла и превращает понятие в самостоятельный правовой массив[2].

Показательный пример сочетания дефинитивной, отсылочной и регулятивной частей содержится в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Норма формально представляет собой определение экстремистской деятельности, однако фактически включает развернутый перечень действий различной правовой природы, специальные исключения и отсылки к иным нормативным актам. Тем самым дефиниция выходит за собственные пределы: она одновременно определяет понятие и регулирует поведение, создавая гибридную конструкцию, осложняющую правоприменение.

---

[1] Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма, 2011. С. 112–114.

[2] Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 31–32.

Подобная конструкция нарушает методологическую границу между определением и предписанием, размывая архитектуру нормативного правового акта[1]. Это – прямое отклонение от принципа когнитивного минимализма, цель которого состоит в том, чтобы каждое слово, включенное в дефиницию, работало на раскрытие содержания понятия, а не на расширение сферы правового регулирования.

Языковая экономия необходима не только для уменьшения нагрузки на адресата, но и для поддержания устойчивости ее толкования. Ю. А. Тихомиров подчеркивает: в условиях высокой детализации нормативных предписаний чрезмерная детализация не усиливает регулирующую функцию – напротив, она «распыляет» смысл и смещает акценты правоприменения[2]. Оптимизация нормативного текста через исключение повторов, устранение «двойных» конструкций и упорядочивание дефинитивных элементов позволяет обеспечить единство правовой логики и создает необходимые условия для применения когнитивно-интерпретационных правил, которые направлены на поддержание согласованности правовых категорий и предотвращение семантических разрывов.

Когнитивно-интерпретационные правила становятся критически значимыми в тех случаях, когда языковая форма нормы допускает образование конкурирующих смысловых «траекторий». Нормативные конструкции, формально корректные, но семантически неустойчивые, порождают «юридико-лингвистическую неопределенность», возникающую не вследствие отсутствия данных, а из-за внутренней нестабильности языковой формы[3].

До разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 в судебной практике фиксировались случаи, когда суды фактически рассматривали вину должника (либо контролирующего лица) как объект доказывания кредитором,

---

[1] Научные концепции развития российского законодательства / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова [и др.]. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Издательский дом «Юриспруденция», 2015. С. 217–219.

[2] Законодательная техника: научно-практическое пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. С. 118–121.

[3] Батюшкина М. В. Юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 147–149.

игнорируя закрепленную в п. 2 ст. 401 ГК РФ презумпцию вины. Так, в определении Арбитражного суда Томской области от 3 сентября 2014 г. по делу № А67-3333/2012 указано, что «бремя доказывания вины ответчика в банкротстве должника возлагается на заявителя», хотя в этом же акте суд ссылается на норму о том, что отсутствие вины доказывается самим лицом, привлекаемым к ответственности. Анализ практики и доктрины также подтверждает наличие подобных случаев перекладывания бремени доказывания вины должника на кредитора.

Схожая тенденция отмечается и в сфере налогового права. До публикации обзора практики по применению ст. 54.1 НК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 декабря 2023 г.) формулировка «налоговая выгода является необоснованной» фактически приобретала различные смысловые наполнения. В одних делах необоснованность выгоды выводилась преимущественно из фиктивности операций и деятельности контрагентов – например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 13 января 2017 г. № Ф05-20988/2016, где суды согласились с выводами налогового органа о фиктивности деятельности спорных контрагентов и использовании формального документооборота для создания налоговой выгоды.

В других делах решающее значение придавалось отсутствию должной осмотрительности при выборе контрагента, даже при признании реальности совершенных операций. Показателен подход, отраженный в постановлении Федерального арбитражного суда Уральского округа от 3 июля 2014 г. № Ф09-3540/14 по делу ООО «Промэлектроснаб», где суд, ссылаясь на постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53, признал налоговую выгоду необоснованной в связи с отсутствием должной степени осмотрительности налогоплательщика при работе с контрагентами.

Когнитивный разрыв между юридической категорией и ее языковым выражением приводил к тому, что в практике одновременно сосуществовали как минимум две конкурирующие модели доказывания – «фиктивность операции» и «непроявление должной осмотрительности». Как отмечает Н. А. Власенко,

подобные разрывы возникают тогда, когда термин утрачивает связь с понятийной системой права и начинает функционировать как самостоятельная смысловая единица[1].

Особенно наглядно риск когнитивных искажений проявляется в административно-деликтном регулировании, где оценочные формулы нередко используются без раскрытия критериев их применения. Так, ст. 19.5 КоАП РФ устанавливает ответственность за «невыполнение в установленный срок законного предписания (постановления, представления, решения)» органа государственного контроля (надзора), однако Кодекс не содержит нормативного определения признаков «законности», «обоснованности» и исполнимости такого предписания. При этом требования к разумности сроков исполнения предписаний сейчас закреплены преимущественно во внепроцессуальных актах (например, в ст. 90, 90.1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»), а не в самом КоАП РФ. В результате отсутствие нормативно закрепленных когнитивных ориентиров смещает интерпретационный центр: правоприменитель вынужден выстраивать смысл нормы не только на основании текста статьи, но и исходя из собственных представлений о «правильном» поведении должностного лица и надлежащем содержании предписания.

Оценочная категория «достойный уровень жизни», легального определения которой действующее законодательство не содержит, наглядно демонстрирует масштаб подобной неопределенности. Она используется в качестве целевого ориентира в различных отраслях: так, среди задач государственного регулирования деятельности по опеке и попечительству законодатель называет «обеспечение достойного уровня жизни подопечных» (п. 3 ст. 4 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»), а в трудовом праве к основным принципам относится обеспечение права работника на заработную плату, «обеспечивающую достойное человека существование для него самого и его

[1] Власенко Н. А. Язык права: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2024. С. 56–58.

семьи» (ст. 2 ТК РФ). Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на положения ст. 7 Конституции РФ о России как социальном государстве, связывает обязанность государства по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, с необходимостью социальной защищенности граждан, в том числе указывая на это в определении от 15 февраля 2005 г. № 17-О. В обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г., упоминается «достойный уровень жизни» в связи с характеристикой прав несовершеннолетних детей.

Когнитивно-интерпретационные правила направлены на предотвращение подобных смысловых расхождений. Их задача – обеспечить стабильность толкования и удерживать значение нормы в границах нормативно заданной концепции. Как подчеркивает Г. Ч. Синченко, согласованность понятийной системы права и ее языковой репрезентации является условием интерпретационной однородности правоприменения[1]. Применение таких правил требует не только корректного построения текста, но и постоянной коррекции техники правотворчества: ограничение оценочных формул, уточнение критериев, выстраивание единых понятийных сеток. Только при этих условиях возможно преодолеть риск семантического дрейфа – одного из наиболее опасных последствий недостаточной юрислингвистической проработанности нормы.

Выделяется группа когнитивно-интерпретационных правил, формирующих связующее звено между юридической и лингвистической интерпретацией. В основе этих правил лежит требование концептуальной согласованности: любая новая норма должна быть соотнесена с существующей системой понятий и не нарушать общую семантическую архитектонику законодательства. Юрислингвистическая конвергенция предполагает формирование метаязыка права – системы категорий, обеспечивающих единство интерпретационного пространства[2]. Таким образом, когнитивно-интерпретационные правила

[1] Чинарян Е. О. Язык как средство выражения правовой мысли. Особенности языка законодательства // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1. С. 20–21.
[2] Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 9–11.

закрепляют внутренние связи между логикой права, языковыми средствами и мировоззренческими основаниями правовой системы, что придает нормативному языку онтологическую устойчивость и когнитивную глубину.

Если правила техники юрислингвистической конвергенции задают общие нормативно-методологические ориентиры, то приемы представляют собой конкретные способы их реализации, обеспечивающие согласованность юридического и языкового уровней правотворчества. Приемы фиксируют алгоритм перехода от абстрактных принципов к текстуальной практике и тем самым образуют «операционное ядро» конвергентной техники. Именно приемы позволяют перевести «метафизику конвергенции» в область юридической инженерии, придавая ей прикладной характер[1].

В структуре юрислингвистической конвергенции можно выделить несколько ключевых групп приемов: лексико-семантические, логико-грамматические, прагматические и интерпретационные.

Лексико-семантические приемы направлены на достижение смысловой точности через отбор терминов, обладающих нормативной однозначностью и устойчивыми ассоциативными связями. Они реализуются через приемы терминологической конкретизации, унификации и редукции. Например, в сфере гражданского права предпочтение отдается словам с фиксированной правовой семантикой – «имущество», «обязательство», «договор» – при этом избегаются многозначные элементы, свойственные обыденной речи. Как подчеркивает Е. Л. Зиянгирова, развитие терминологического инструментария юрислингвистики идет в направлении построения «метаязыковой карты права», где каждый термин имеет строго очерченное место в когнитивной системе нормативных понятий[2]. Таким образом, лексические приемы обеспечивают когнитивное упорядочение правового дискурса и предотвращают интерпретационные расхождения.

---

[1] Третьякова О. Д. Конструкция юридической конвергенции // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 779–780.

[2] Зиянгирова Е. Л. Основные тенденции развития терминологического инструментария метаязыка юрислингвистики: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2020. С. 74–76.

Логико-грамматические приемы обеспечивают структурную и синтаксическую согласованность нормативного текста. К ним относятся: стандартизация предикативных форм («должен», «обязан», «вправе»), использование параллельных синтаксических конструкций при описании прав и обязанностей, упорядочение условий через логические маркеры («если – то», «при наличии»). Эти приемы формируют устойчивый паттерн юридического языка, который, по наблюдению В. В. Оглезнева, позволяет «предсказать грамматику права», т. е. выявить повторяющиеся формулы, определяющие структуру юридического мышления[1]. Такие приемы обеспечивают взаимопереход между логическими и языковыми формами выражения нормы, создавая основу для когнитивной симметрии права и его языковой репрезентации.

Значительную роль в правотворческой практике играют прагматические приемы, направленные на адаптацию правового текста к конкретному коммуникативному контексту. Среди них выделяются приемы семантической прозрачности, обеспечивающие доступность текста для восприятия; приемы риторической балансировки, устраняющие избыточную экспрессивность; и приемы контекстуальной репликации, позволяющие учитывать социокультурные особенности адресата. В рамках когнитивной юрислингвистики такие приемы рассматриваются как формы *«юридического смыслопорождения»* – процесса, при котором юридический текст выступает не просто результатом нормотворчества, а элементом правового мышления. Именно на этом уровне происходит формирование «когнитивного интерфейса» между правом и языком, где смысл закона конструируется через лингвистические модели, обеспечивающие его аксиологическую и прагматическую уравновешенность[2].

В систему входят и интерпретационные приемы, обеспечивающие обратную связь между нормой и ее языковым выражением. Они позволяют уточнить, скорректировать или развить содержание нормы посредством лингвистического

---

[1] Оглезнев В. В. Юридический язык, аскриптивные высказывания и правоприменение // Право и политика. 2016. № 8. С. 989–990.

[2] Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 14–15.

анализа и логико-семантических процедур. В классической доктрине юридической конвергенции эти приемы связываются с «вторичной фазой юридического творчества» – стадией, на которой происходит согласование текста с его функциональной целью[1]. Аналогичные приемы описаны в работах Т. И. Тарасовой, где подчеркивается значение «рефлексивной языковой компетенции» юриста, позволяющей видеть за словом – юридическую конструкцию[2]. В результате приемы интерпретационного типа становятся инструментом динамической стабилизации смысла закона и предотвращения семантической эрозии правовых норм.

Интерпретационные приемы приобретают особое значение в тех случаях, когда законодательная формула допускает несколько равнообоснованных вариантов прочтения. В такой ситуации правоприменитель вынужден выбирать между ними не столько на основании буквального текста нормы, сколько исходя из логики правового регулирования в целом. Именно этот выбор представляет собой «вторичную фазу правотворчества», в которой суд восстанавливает скрытую нормативную конструкцию, заложенную, но не раскрытую законодателем[3]. Показателен пример с толкованием категории «существенные условия договора» в ст. 432 ГК РФ: до принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 суды по-разному определяли, какие условия следует считать существенными при заключении того или иного договора, в частности, превращает ли заявление стороны о необходимости согласовать цену или иное диспозитивно урегулированное условие это условие в существенное. В п. 2 указанного постановления Пленум прямо закрепил, что к существенным относятся не только условия о предмете и условия, названные в законе существенными или необходимыми, но и любые условия, относительно которых по заявлению одной из

---

[1] Гюльвердиев Р. Б. Юридическая техника и техника реализации юридической конвергенции: вопросы этимологии // Право и государство: теория и практика. 2017. № 10. С. 32–33.

[2] Тарасова Т. И. Проблемы лингводидактики и язык права: дис. … канд. филол. наук. М., 2003. С. 147–149.

[3] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, А. И. Абрамова [и др.]. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, 2019. С. 41–43.

сторон должно быть достигнуто соглашение, даже если соответствующее условие может быть восполнено диспозитивной нормой. Нестабильность прежней практики свидетельствовала о том, что текст нормы сам по себе не задает достаточного интерпретационного ориентира и нуждается в уточнении через разъяснения высшей судебной инстанции.

Интерпретационный разрыв особенно заметен в уголовном праве, где оценочные признаки выступают элементами состава преступления. Так, оценочный признак «значительный ущерб гражданину», используемый в статьях гл. 21 УК РФ (прим. 2 к ст. 158 УК РФ), длительное время получал в судебной практике разнородное толкование: одни суды фактически связывали его лишь с достижением установленного минимального размера ущерба, другие акцентировали внимание на имущественном положении потерпевшего, третьи исходили из совокупности размера ущерба и иных обстоятельств конкретного дела. Необходимость унификации подходов обусловила появление специальных разъяснений Верховного Суда РФ, в частности, в п. 31 постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где со ссылкой на п. 2 примечаний к ст. 158 УК РФ прямо указано, что значительный ущерб гражданину не может составлять менее 5000 рублей и определяется с учетом его имущественного положения. Подобная вариативность, как отмечает И. А. Исаев, формирует «симулякры» нормативных категорий – конструкции, сохраняющие внешнюю форму, но фактически функционирующие в разных правовых реальностях[1]. Интерпретационные приемы в таком случае выступают средством восстановления нормативного «профиля» категории, обеспечивая ей более устойчивое и предсказуемое содержание.

Однако необходимость интерпретационных приемов нередко обусловлена не столько сложностью регулируемой ситуации, сколько дефектами законодательной техники. Показателен, в частности, состав, предусмотренный ст. 13.41 КоАП РФ

[1] Исаев И. А. Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 33–36.

«Нарушение порядка ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, и (или) порядка удаления указанной информации»: в ч. 1 используется оценочная формула «непринятие … мер по ограничению доступа к информации», при этом закон не устанавливает критериев достаточности таких мер и минимального стандарта должного поведения правонарушителя. Это приводит к тому, что суды вынуждены фактически «доопределять» диспозицию, конкретизируя, какие именно действия могут считаться надлежащим исполнением обязанности по ограничению доступа или удалению информации. Правоприменение, вынужденное восполнять пробелы и неопределенности нормативного текста, ведет к фрагментации правовой реальности, поскольку каждое судебное решение воссоздает собственный вариант нормативной логики[1]. Поэтому интерпретационный прием выступает не столько механизмом развития права, сколько средством компенсации дефектов правотворчества.

В таких условиях требуется корректировка законодательной техники, ориентированная на снижение потребности в интерпретационных вмешательствах. Прежде всего законодатель должен четко разграничивать элементы нормы и не смешивать легальные дефиниции с оценочными признаками и условиями ответственности. Ю. А. Тихомиров подчеркивает, что интерпретационная нагрузка должна возникать не из-за неполноты текста, а в силу необходимости конкретизации, обусловленной развитием регулируемых общественных отношений[2]. Отсюда вытекает практическое требование: формулировка нормы должна включать минимальный набор элементов, обеспечивающих возможность однозначного первичного прочтения, – четкую фиксацию критерия, условия и

[1] Сложность российских законов: опыт синтаксического анализа / А. В. Кнутов, С. М. Плаксин, А. В. Чаплинский [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 203–207.
[2] Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. С. 138–140.

структуры последствий. Это снижает риск «дрейфа» значения и формирует основу устойчивой и предсказуемой интерпретационной практики.

Представленные выше группы приемов отражают сложившиеся подходы к юридико-лингвистической организации нормативного текста. Они соотносятся с традиционной юридической техникой, но при этом оставляют пространство для приемов, обеспечивающих не только структурную четкость нормы, но и ее интерпретационную устойчивость. На этом методологическом «стыке» возникает потребность в инструментах, способных выстраивать текст нормы так, чтобы ее смысл не распадался на фрагменты, а удерживался в единой, внутренне согласованной логике. В этой связи предлагается авторский прием, направленный на укрепление когнитивной целостности юридического содержания.

Прием *смыслового центрирования* нормы представляет собой способ выделения юридически значимого смыслового ядра, вокруг которого выстраивается структурная композиция предписания. Его задача – придать норме внутренний «вектор», сделать ее смысловое направление очевидным для адресата. В отличие от традиционных способов акцентирования, ограничивающихся перестановкой синтаксических элементов, смысловое центрирование формирует интерпретационный фокус нормы, минимизируя возможность смещения акцента при ее восприятии. Подобный подход соответствует мысли Н. Д. Голева о необходимости учитывать когнитивную структуру понимания нормативного текста, поскольку именно она удерживает смысл в стабильных концептуальных границах[1].

Практическая значимость этого приема проявляется в тех ситуациях, когда формально корректная норма допускает несколько конкурирующих интерпретационных сценариев. Так, конструкция ст. 450 ГК РФ демонстрирует, что перемещение смыслового центра с условия («существенное нарушение договора») на юридический результат («другая сторона вправе требовать расторжения») приводит к различным правоприменительным выводам. Верховный

[1] Голев Н. Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. С. 47–50.

Суд в постановлении Пленума от 25 декабря 2018 г. № 49 указывает на необходимость согласованного толкования условий договора с учетом правовых последствий их реализации, что позволяет выстраивать предсказуемую практику разрешения договорных споров. Подобная ориентация на доминирующий смысловой элемент согласуется с выводом В. Ю. Туранина о том, что предсказуемость структуры нормы является условием ее регулирующего потенциала[1].

Особенно отчетливо роль смыслового центрирования наблюдается в сфере налогового права. При применении ст. 54.1 НК РФ Верховный Суд последовательно формирует норму вокруг ее смыслового ядра – юридической оценки поведения налогоплательщика («налоговая выгода признается необоснованной, если действия налогоплательщика направлены на искажение сведений о фактах хозяйственной деятельности или прикрытие реальных операций»), что позволяет обеспечить единообразие правоприменения независимо от фактического разнообразия дел, что подтверждается обзором судебной практики по вопросам оценки обоснованности налоговой выгоды (ст. 54.1 НК РФ), утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ 13 декабря 2023 г. Такой подход предотвращает смещение и расслоение значений и согласуется с наблюдением Е. В. Малюковой о том, что терминологическое ядро нормы должно обладать способностью «удерживать» ее содержание в условиях интерпретационной неопределенности[2]. В этом контексте смысловое центрирование выступает инструментом укрепления нормативной определенности, обеспечивая стабильность и целостность юридического смысла при его восприятии и применении.

Целесообразно выделить прием *нормативно-семантического разграничения*. Он ориентирован на предотвращение смысловых наложений между сходными по форме, но различными по юридическому значению элементами нормы. В отличие

[1] Туранин В. Ю. Проблемы формирования и функционирования юридической терминологии в гражданском законодательстве РФ: дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2002. С. 63–66.
[2] Малюкова Е. В. Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: дис. … канд. филол. наук. Бийск, 2005. С. 112–115.

от простой терминологической дифференциации, данный прием направлен на выстраивание четкой границы между юридически релевантными смысловыми сегментами, что позволяет устранить скрытую многозначность внутри нормативного текста. Его сущность близка к подходу Е. В. Малюковой, рассматривающей терминологическую систему права как семантическую структуру, устойчивость которой зависит от способности терминов сохранять различимость даже в условиях сложной прагматической нагрузки[1].

Практическая необходимость точного нормативно-семантического разграничения возникает в ситуациях, когда термины, находящиеся в зоне семантической близости, обозначают различные юридически значимые факты или правовые последствия и поэтому требуют четкой дифференциации для обеспечения корректного правоприменения. Так, в сфере обязательственного права различие между категориями «уклонение от исполнения обязательства» и «ненадлежащее исполнение обязательства» (ст. 309, 310, 393 ГК РФ) имеет принципиальное значение для квалификации поведения должника. Судебная практика показывает, что отсутствие точной внутренней границы между ними приводит к разночтениям: одни суды рассматривают уклонение как разновидность ненадлежащего исполнения, другие – как самостоятельную форму нарушения обязательства.

Верховный Суд в ряде разъяснений подчеркивает необходимость четкого различения этих понятий, поскольку они связаны с различными основаниями ответственности и разным объемом доказательств, необходимых для ее возложения. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 обращается внимание на необходимость корректной квалификации форм нарушения обязательства в контексте исполнительного производства, а в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 подчеркивается, что оценка поведения должника должна учитывать характер нарушения и его влияние на достижение результата обязательства. Такое

[1] Малюкова Е. В. Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: дис. … канд. филол. наук. Бийск, 2005. С. 88–92.

нормативно-семантическое разграничение обеспечивает единообразие правоприменения и позволяет избежать смешения различных по содержанию юридических категорий, что, в свою очередь, предотвращает расширительное толкование объема ответственности и неоправданное перераспределение бремени доказывания между сторонами. Прием нормативно-семантического разграничения позволяет встроить смысловую границу в текст нормы, предотвращая «размывание» юридического содержания из-за семантической близости терминов. В результате формируется такая композиция предписания, при которой каждое понятие сохраняет собственную функцию и не пересекается со смежными.

Особое значение данный прием приобретает в публичном праве, где смысловые пересечения могут трансформироваться в серьезные риски для правоприменения. Показательными являются ситуации, связанные с разграничением понятий «недостоверные сведения» и «неполные сведения» в Налоговом кодексе. Законодатель последовательно различает случаи неотражения или неполного отражения данных и случаи представления сведений, не соответствующих действительности. Так, п. 1 ст. 81 НК РФ связывает неполноту сведений и ошибки, приводящие к занижению суммы налога, с обязанностью налогоплательщика представить уточненную декларацию. Напротив, недостоверные сведения и ошибки, не влияющие на размер налоговой обязанности, рассматриваются как основание для реализации права на уточнение без негативных последствий, связанных с просрочкой подачи декларации.

В технике юрислингвистической конвергенции такое нормативно-семантическое разграничение позволяет задать четкие критерии налоговой ответственности и предотвратить расширительное толкование признаков правонарушения. Фиксация различий между «неполнотой» и «недостоверностью» непосредственно в тексте нормы обеспечивает предсказуемость правоприменения и согласованность правовой оценки поведения налогоплательщика с конструкцией состава налогового правонарушения. Этот подход соответствует выводам

Н. Ю. Мартышко о необходимости поддержания внутренней согласованности терминологического аппарата права[1].

Следующим авторским приемом, развивающим технику юрислингвистической конвергенции, является прием *прагматической стабилизации формулировки* нормы. Он направлен на такую организацию текста, при которой нормативное предписание остается устойчивым к вариативности ситуаций. В отличие от общих принципов ясности и доступности языка закона, данный прием фокусируется на обеспечении его функциональной устойчивости: формулировка должна быть выстроена так, чтобы ее смысл сохранял исходные нормативные очертания. Подобный подход созвучен позиции Н. П. Глинской о необходимости адаптации юридического языка к различным условиям правовой коммуникации без ущерба для точности нормативного содержания[2].

Прагматическая стабилизация формулировки особенно значима для отраслей, где разнообразие жизненных обстоятельств создает риск неоднородных толкований. В сфере административной ответственности это проявляется, в частности, при применении норм, описывающих бездействие должностного лица через обобщенные конструкции типа «не приняло мер» (ст. 19.28, 19.30 КоАП РФ). Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 ориентирует суды на недопустимость расширительного толкования административно-правовых норм и на необходимость строго учитывать все элементы состава правонарушения, соблюдая принцип презумпции невиновности (пп. 13, 13.1, 18). С позиции техники юрислингвистической конвергенции это означает, что текст диспозиции должен быть прагматически стабилизирован: границы запрещенного поведения должны быть прочитываемы из самой нормы, а не «достраиваться» правоприменителем за ее пределами. Прием прагматической стабилизации как раз и направлен на удержание этого баланса между вариативностью ситуаций и неизменностью ключевого смысла нормы.

---

[1] Мартышко Н. Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2015. С. 51–54.

[2] Глинская Н. П. Юридическая терминология в разных функциональных стилях английской речи: дис. … канд. филол. наук. М., 2002. С. 37–40.

Особую роль данный прием играет и в частноправовых отношениях, где правоприменение нуждается в защите от «дрейфа» интерпретаций. Показателен пример формулы «разумный срок» в обязательственном и процессуальном праве (ст. 314 ГК РФ; ст. 6.1 ГПК РФ). Хотя конструкция является оценочной, ее применение соотносится с общими критериями разумности и добросовестности, сформулированными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, что позволяет избежать произвольного толкования.

Такие критерии формируют прагматическую опору нормы, предотвращая смысловую размытость и обеспечивая стабильность ее применения. Это соответствует общему направлению, выделенному А. М. Уррутией, согласно которому надежность юридического текста достигается благодаря его соотнесенности с реальными условиями правовой коммуникации[1]. Следовательно, прагматическая стабилизация формулировки выступает инструментом защиты нормы от интерпретационных колебаний, сохраняя при этом необходимую гибкость.

Завершая систему авторских приемов, целесообразно выделить прием *контекстуально-правового уточнения смысловых рамок* нормы. Его назначение состоит в установлении таких границ смыслового содержания нормы, которые препятствуют некорректному переносу интерпретационных моделей из смежных норм или отраслей. В отличие от простого уточнения через отсылки, данный прием работает на уровне смысловой архитектуры нормативного текста: он задает рамки, в которых правоприменитель должен интерпретировать ключевые положения нормы. По своей сути прием направлен на ограничения «семантического дрейфа» – процесса, при котором нормы, находящиеся в общей тематической зоне, начинают интерпретироваться по аналогии, хотя их юридическая природа различается. Такая

[1] Urrutia A. M. Jurilinguistics and Minority Languages: General Framework, Methodological Approach and the Case of the Basque Language // International Journal for the Semiotics of Law. 2020. Vol. 35. P. 397–401.

логика созвучна выводам Н. И. Уздимаевой о необходимости учитывать специфику нормативного контекста при анализе языка права[1].

В правоприменительной практике контекстуально-правовое уточнение применяется прежде всего в тех случаях, когда формально одинаковые выражения приобретают различное нормативное содержание. Оценочные категории – такие как разумность срока или существенность нарушения – используются и в гражданском, и в административном судопроизводстве. Однако постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 и от 27 сентября 2016 г. № 36 подчеркивают, что содержание этих категорий раскрывается не абстрактно, а через призму задач соответствующей процедуры и характера защищаемых интересов.

Прием контекстуально-правового уточнения позволяет обозначить автономию таких конструкций непосредственно в законодательной формуле.

Показательно, что необходимость контекстуально-правового уточнения проявляется и в уголовном праве. Характерным примером является различие между понятием «значительный ущерб» в ст. 158 УК РФ и оценочным признаком «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства» в ст. 285 УК РФ. При внешней близости формулировок эти категории служат разным целям: первая отражает имущественный критерий, тогда как вторая ориентирована на оценку характера и тяжести должностного злоупотребления.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19, разъясняя содержание признака, предусмотренного ст. 285 УК РФ, подчеркивает его контекстуальную обусловленность. Такое разграничение снижает риск смешения указанных критериев и поддерживает самостоятельность соответствующих уголовно-правовых категорий. Ориентация на максимально точное определение смысловых границ согласуется с общими тенденциями развития юридического языка. Как подчеркивает Н. А. Мартынова, поддержание

[1] Уздимаева Н. И. Язык права и особенности правовых текстов // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 145–147.

уникальности юридических категорий в системе правовых категорий и понятий, служащей концептуальной основой правового мышления, является необходимым условием их корректного функционирования[1].

Систематизация изложенного позволяет выделить три ключевых типа правил и приемов техники юрислингвистической конвергенции: когнитивно-семантический, структурно-логический и прагматико-интерпретационный. Каждый из них отражает особый уровень взаимодействия языка и права, обеспечивая различную глубину смысловой интеграции.

Многообразие приемов и правил юридико-лингвистической техники неизбежно требует систематизации, поскольку без внутренней классификационной опоры сама идея конвергенции утрачивает аналитическую глубину. Нормативный цикл показывает, что лингвистические, логические и интерпретационные механизмы задействуются не одновременно, а на различных этапах формирования и реализации нормы. Это позволяет говорить о существовании нескольких уровней воздействия, каждый из которых отвечает за определенный аспект юридико-языкового выражения нормы. В научной литературе законодательная техника описывается как система взаимосвязанных уровней – содержательного, структурного, языкового, логического и реквизитного; нарушение требований любого из них сказывается на качестве нормативной конструкции[2].

Необходимость выделения трех типов правил – когнитивно-семантических, структурно-логических и прагматико-интерпретационных – подтверждается данными синтаксического анализа нормативных текстов. Исследование синтаксической сложности федеральных законов показывает, что ключевые трудности восприятия связаны не столько с терминологической насыщенностью, сколько с устройством логико-композиционной структуры: чрезмерной усложненностью словосочетаний и предложений, значительной дистанцией между связанными элементами, отсутствием структурной маркировки условий и

---

[1] См.: Мартынова Н. А. Язык права как уникальное явление // Филологический аспект. 2025. № 1. С. 156–161.

[2] Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма, 2011. С. 54–57.

перечней, а также их размещением внутри чрезмерно протяженных статей[1]. Подобные дефекты вынуждают правоприменителя компенсировать структурные недостатки интерпретационными решениями, что закономерно повышает вариативность толкования.

Эта тенденция отчетливо проявляется в действующем законодательстве и судебной практике. Так, в ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ («Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль…») используется сложная многокомпонентная конструкция: в одном предложении объединены условия привлечения к ответственности, перечень исключений и санкция, при этом границы между условием и последствиями нарушения выражены недостаточно ясно. Формулировка действующей редакции содержит более 80 слов и затрудняет однозначное определение юридически значимого момента окончания правонарушения. Как следует из правовой позиции Верховного Суда РФ, невыполнение обязанности к установленному сроку образует оконченное административное правонарушение и не относится к категории длящихся. Таким образом, разъяснения Верховного Суда РФ частично компенсируют неопределенность понимания нормы, обусловленную ее конструкцией: языковая форма должна по возможности сама обеспечивать первичную интерпретацию, иначе структурно-логические дефекты неизбежно превращаются в интерпретационные задачи правоприменителя.

Из проведенного анализа вытекает практический вывод: при подготовке текста нормативного правового акта законодатель должен исходить не из линейной цепочки «термин – структура – толкование», а из трехкомпонентной модели, в которой каждый из этих уровней подлежит самостоятельной проверке. Только при таком подходе можно обеспечить согласованность между когнитивным содержанием нормы, ее синтаксической формой и планируемой траекторией интерпретации. Д. А. Савельев, исследуя сложность предложений в текстах

[1] Сложность российских законов: опыт синтаксического анализа / А. В. Кнутов, С. М. Плаксин, А. В. Чаплинский [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 87–97, 90–95.

правовых актов органов власти, справедливо подчеркивает, что для качественной правореализации недостаточно одного лишь факта официального опубликования нормативных актов: необходимы ясность текстов и их доступность для понимания адресатов[1]. Следовательно, трехуровневая модель выступает не абстрактной теоретической схемой, а рабочим инструментом оптимизации законодательства, позволяющим предупреждать ошибки уже на этапе его конструирования.

Когнитивно-семантический тип направлен на формирование концептуальной согласованности между языковыми единицами и правовыми категориями; структурно-логический – на упорядочение композиции и внутренней логики нормативного текста; прагматико-интерпретационный – на согласование смыслов с познавательными и коммуникативными ожиданиями адресатов. В совокупности эти типы образуют нормативно-лингвистическую «матрицу» правотворчества, задающую рамки когнитивной совместимости юридических и языковых структур[2].

Когнитивно-семантический тип опирается на принцип согласования правовой дефиниции с ее лингвистическим выражением. Он проявляется в применении приемов терминологического согласования, ограничения многозначности, смысловой кодификации и концептуальной привязки новых терминов к уже существующим правовым категориям. Юрислингвистическая конвергенция выступает как инструмент стабилизации понятийного аппарата права и профилактики «семантических разрывов», возникающих при переводе правовых категорий в иные культурно-языковые контексты[3]. Тем самым данные приемы способствуют укреплению правовой идентичности языка закона и поддержанию единства национального правового пространства.

Когнитивно-семантический тип правил и приемов направлен на обеспечение соответствия между правовой категорией и ее языковым выражением. Когда

---

[1] Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–52.

[2] Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Издательство Томского университета, 2016. С. 172–174.

[3] Государственный язык России: нормы права и нормы языка / под ред. С. А. Белова, Н. М. Кропачева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. С. 28–30.

дефиниция или термин нарушают это соответствие, возникают семантические «зазоры», через которые уходят реальный смысл и регулятивная сила нормы. Как отмечает Н. А. Власенко, язык права по своей природе стремится к моносемии – минимизации вариативности значений, что позволяет обеспечивать понятность и устойчивость текста[1]. При нарушении этого принципа одна и та же терминология начинает функционировать как «перекресток» разных смыслов, что снижает прогнозируемость правоприменения.

Категория «имущественное право» в п. 1 ст. 301 ГК РФ сформулирована таким образом, что в ее содержании одновременно присутствуют элементы права, обязанности, гарантии и ответственности. В судебной практике отсутствовало единообразное понимание того, представляет ли указанное «имущественное право» самостоятельную категорию или лишь часть права собственности. В определении Верховного Суда РФ от 28 мая 2021 г. № 305-ЕС21-6623 по делу № А40-232183/2019 применительно к ст. 301, 302 ГК РФ говорится о правилах об истребовании имущества (имущественных прав) из чужого незаконного владения, что иллюстрирует расширительное толкование самой конструкции «имущественное право». Такой семантический вакуум создавал две конкурентные модели правоприменения: одна – ориентированная на право собственности, другая – на обязательственные отношения. Это классический пример того, как несогласованность семантики ведет к фрагментации правового регулирования.

В целях совершенствования законодательства актуальны следующие направления: во-первых, обязательное внесение в законопроект раздела «термины и определения» по правилу «один термин – один смысловой знак». Во-вторых, при редактировании проекта нормативного правового акта должна проводиться юрислингвистическая экспертиза с целью выявления терминологических дублирований, синонимических размытостей и избыточной семиотической сложности текста. Организационно-методической основой этого может стать создание *центра юрислингвистической экспертизы* при профильном комитете

[1] Власенко Н. А. Язык права: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2024. С. 49–51.

Государственной Думы; такой центр будет сопровождать законопроекты до их первого чтения. Внедрение такой практики позволит предотвратить семантические дрейфы уже на этапе правотворчества и тем самым повысить качество законодательства и его регулятивный эффект.

Структурно-логический тип ориентирован на логическую симметрию текста и включает приемы композиционной стандартизации, синтаксического моделирования и грамматической соразмерности правовых конструкций. Здесь прослеживается методологическая близость к аналитической философии языка, где смысл понимается как функция логической формы. Юридический язык, по выражению В. В. Оглезнева, строится как «формализованный дискурс нормативной причинности» – каждая грамматическая структура имеет нормативное значение и задает рамки интерпретации[1]. Следовательно, приемы структурно-логического типа обеспечивают воспроизводимость правовой мысли в тексте, превращая язык из внешней оболочки в форму правового рассуждения.

Интеграция правил и приемов техники юрислингвистической конвергенции показывает, что их эффективность зависит не от изолированного применения, а от согласованного функционирования в пределах общей смысловой архитектуры нормативного текста. Когнитивные, структурно-логические и прагматико-интерпретационные элементы образуют единый регулятивный контур, в котором каждая группа выполняет собственную функцию: когнитивные правила задают содержание, структурные – обеспечивают его упорядочение, а интерпретационные – поддерживают стабильность значения при соприкосновении текста с правоприменительной практикой. Как подчеркивает Н. А. Власенко, нормативный язык устойчив лишь тогда, когда каждой смысловой единице соответствует определенное место в системе правовых категорий[2].

Разрыв хотя бы одного звена этой цепи приводит к формированию интерпретационных «микросред», в которых одна и та же норма реализуется по-

---

[1] Оглезнев В. В. Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. 2014. № 3. С. 8–9.

[2] Власенко Н. А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 66–69.

разному. Р. К. Кучаков и Д. А. Савельев справедливо указывают, что логическая избыточность, синтаксическая перегруженность или неоправданная оценочность создает условия для появления разноуровневых моделей толкования, подрывая единообразие правовой системы[1]. В условиях нормативной плотности именно согласованность правил и приемов позволяет стабилизировать смысловую структуру текста и ограничить влияние субъективных факторов интерпретации.

Системное применение конвергентных приемов оказывает прямое влияние на качество правотворчества. Если структурно-логические механизмы не обеспечивают композиционную ясность, то прагматико-интерпретационные элементы используются не для корректировки содержания, а для устранения дефектов языковой формы. Это приводит к тому, что интерпретационный потенциал нормы расходуется на компенсацию недостатков текста. Законодательная форма должна минимизировать необходимость интерпретационных вмешательств, а не провоцировать их[2]. Таким образом становится очевидным, что повышение качества правового регулирования возможно только через согласование техники юридического письма с когнитивными принципами восприятия и обработки информации адресатом.

Из этого следует вывод: совершенствование законодательства должно концентрироваться не на упрощении содержания, а на выстраивании формулировок, обеспечивающих устойчивость смысла независимо от сложности регулирования. Это предполагает системную редакционную работу: устранение каскадной отсылочности, ограничение многослойных дефиниций, выстраивание последовательных конструкций «условие – предписание – последствие» и формирование юридических конструкций, допускающих одно направление интерпретации при сохранении всего объема содержания нормы права. Подобный подход позволяет не только снизить риск фрагментации, о которой пишет

[1] Кучаков Р. К., Савельев Д. А. Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов. Аналитическая записка. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. С. 12–15.
[2] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, А. И. Абрамова [и др.]. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, 2019. С. 55–57.

М. В. Залоило[1], но и приблизить законодательную технику к уровню когнитивной согласованности, необходимой для предсказуемого правового регулирования.

Задача правил и приемов структурно-логического типа состоит в том, чтобы сделать нормативный текст предсказуемым в своей внутренней структуре. Норма должна «вести» читателя по заранее заданной логической траектории – от условий к последствиям, от общего к частному, от фактов к юридическим выводам. Нарушение структурной логики приводит к тому, что правоприменитель вынужден реконструировать смысл нормы самостоятельно, фактически дорабатывая ее за законодателя[2]. Именно поэтому структурно-логический уровень выступает опорой юридической определенности: грамматическая композиция становится средством удержания юридического содержания.

Эта проблема особенно отчетливо проявляется в нормах, где условия и последствия слиты в единое синтаксическое поле. Показателен пример из ст. 54 НК РФ в редакции, действовавшей до 2017 г.: одно предложение включало три условия, два исключения и итоговый юридический результат, что делало адекватное восприятие нормы без многократного перечитывания практически невозможным. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 57, принятое «в связи с возникающими в судебной практике вопросами и в целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров» при применении части первой НК РФ, показывает, что недостаточная структурная определенность и усложненная логико-синтаксическая организация отдельных норм (в том числе регулирующих перерасчет налоговой базы по ст. 54 НК РФ) становятся фактором неоднородной судебной практики, в частности в спорах о налоговой выгоде. Тем самым логико-синтаксическая архитектоника нормативного текста выступает не формальностью, а инструментом стабилизации правоприменения.

---

[1] Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 40–42.

[2] Юридическая техника: учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, Т. В. Губаева. М.: Проспект, 2021. С. 112–114.

Для совершенствования структурно-логической организации нормы можно предложить два решения. Во-первых, необходимо обязательное применение стандартизированных конструкций («если – то», «в случае – подлежит», «при наличии – наступает»), что позволяет формально фиксировать границы условий и последствий. Во-вторых, недопустимо включение в одно предложение более двух композиционных уровней (например, условия, исключения и результата одновременно). Эти рекомендации опираются на позицию Ю. А. Тихомирова о том, что нормативная формула должна оставаться «функционально компактной», иначе текст утрачивает способность выполнять свои регулятивные задачи[1]. Применение указанных подходов не усложняет правотворческий процесс, но заметно повышает качество законодательной ткани.

Наконец, отдельного внимания заслуживает синтаксическая симметрия – расположение параллельных частей нормы в одной грамматической плоскости. Асимметрия (например, описания прав через глагольные формы, а обязанностей – через отглагольные существительные) значительно увеличивает когнитивную нагрузку адресата[2]. Унификация структурных моделей устраняет этот перекос и снижает риск неполного или ошибочного восприятия. Таким образом, структурно-логический тип правил и приемов обеспечивает нормативный «каркас», на котором удерживается юридический смысл, – без него конвергенция языковых и правовых элементов остается невозможной.

Прагматико-интерпретационный тип направлен на обеспечение устойчивого понимания и единообразного применения правовых норм. Он реализуется через приемы прагматической адаптации, пояснения и контекстуализации правовых формул. Эти приемы позволяют согласовать юридическую норму с социально-коммуникативными условиями ее реализации, а также повысить предсказуемость правоприменения. В этом отношении они функционально совпадают с «рефлексивными» механизмами юридической конвергенции: процесс

---

[1] Законодательная техника: научно-практическое пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. С. 89–91.

[2] Кучаков Р. К., Савельев Д. А. Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов. Аналитическая записка. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. С. 13–15.

интерпретации понимается как обратная фаза конвергентного цикла, восстанавливающая единство смысла права и его языкового выражения[1]. Таким образом, прагматико-интерпретационные приемы выполняют роль смысловых стабилизаторов, поддерживающих когерентность нормативного регулирования в динамике правовой коммуникации.

Функциональное назначение прагматико-интерпретационного типа состоит в согласовании нормативной формулы с типичными сценариями ее правоприменения. Норма воспринимается и применяется не в абстрактном виде, а в конкретном процессуальном и социальном контексте, который задает рамки ее понимания. Как подчеркивает С. А. Белоусов, именно эта «прагматическая соотнесенность» определяет устойчивость нормы к интерпретационным колебаниям[2]. Если текст закона игнорирует реальные когнитивные условия правоприменения, то даже структурно выверенная норма оказывается подверженной разночтениям и, как следствие, снижает предсказуемость того, как она будет реализована на практике.

В качестве предложения по совершенствованию правового регулирования целесообразно предусмотреть обязательное сопровождение сложных норм (с высокой степенью оценочности или множественностью условий) *официальными интерпретационными пояснениями* в виде краткого описания их предполагаемой нормативной логики. Такой инструмент не будет ограничивать усмотрение правоприменителя, но позволит избежать «семантических колебаний» в период становления правоприменительной практики. Аналогичные решения используются в законодательстве ряда государств и концептуально соответствуют высказанной в доктрине позиции о необходимости «институциональной

[1] Гюльвердиев Р. Б. Юридическая техника и техника реализации юридической конвергенции: вопросы этимологии // Право и государство: теория и практика. 2017. № 10. С. 31–32.

[2] Белоусов С. А. Дисбаланс российского законодательства и информационная избыточность нормативно-правового текста: соотношение и взаимосвязь // Правовая культура. 2015. № 4. С. 50–52.

поддержки интерпретационных процессов» в условиях возросшей сложности правового регулирования[1].

Прагматико-интерпретационный тип правил и приемов влияет и на технику правоприменительных актов. Так, в сфере административных правонарушений длительное время вызывала затруднения оценка категории «малозначительность административного правонарушения» (ст. 2.9 КоАП РФ). Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 24 марта 2005 г. № 5, раскрывая ее содержание, указал на необходимость учитывать характер совершенного правонарушения и роль правонарушителя, размер вреда и тяжесть наступивших последствий, тем самым задав интерпретационный стандарт, снижающий неопределенность оценки. Этот пример демонстрирует: качество правоприменения зависит не только от текста нормы, но и от того, насколько стабильно она встроена в интерпретационную практику. Прагматико-интерпретационный тип обеспечивает такую стабильность, превращая интерпретацию из источника неопределенности – в инструмент поддержания нормативной целостности.

Системное взаимодействие указанных типов формирует многоуровневую структуру техники юрислингвистической конвергенции, обеспечивающую полноту и точность юридико-языкового воздействия. На теоретическом уровне эти приемы закрепляют взаимопроникновение категорий права и языка, что соотносится с общим направлением современной правовой мысли: от формально-догматической к когнитивно-интерпретационной модели понимания права. На прикладном уровне они служат инструментами повышения качества законодательства и оптимизации правоприменения. В этом проявляется концептуальная преемственность между юрислингвистической и юридической

[1] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, А. И. Абрамова [и др.]. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, 2019. С. 41–43.

конвергенцией: обе направлены на достижение гармонии между нормой, смыслом и языком как носителем правовой реальности[1].

Совокупное действие трех типов правил и приемов – когнитивно-семантического, структурно-логического и прагматико-интерпретационного – позволяет воспринимать текст нормы как связную систему, а не набор фрагментов. Эта целостность формируется благодаря тому, что каждый из названных типов компенсирует слабости других: когнитивно-семантический стабилизирует понятийный аппарат, структурно-логический упорядочивает юридическую мысль, а прагматико-интерпретационный обеспечивает устойчивость смысла в условиях правоприменения. Такой комплексный подход созвучен позиции о том, что современное законодательство должно развиваться как «система согласованных смыслов», а не как механический набор норм[2].

Эта внутренняя согласованность особенно важна в условиях усиливающейся фрагментации правового пространства. Анализ М. В. Залоило показывает, что современное российское законодательство отличается высокой динамичностью и неоднородностью правового регулирования на различных уровнях и в различных сферах, что влечет возникновение того, что можно охарактеризовать как «точки смыслового разрыва» в правовом массиве[3]. Применение техники юрислингвистической конвергенции позволяет сгладить такие разрывы: когнитивно-семантические правила помогают удерживать единство терминологии, структурно-логические – выравнивают композицию текста, а прагматико-интерпретационные – обеспечивают его взаимодействие с интерпретационными механизмами. В совокупности они становятся инструментом противодействия нормативной фрагментации.

---

[1] Третьякова О. Д. Конструкция юридической конвергенции // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 780–781; Гюльвердиев Р. Б. Лингвоюридическая конвергенция: внешнеторговый дискурс // Юридические исследования. 2020. № 2. С. 53–54.

[2] Научные концепции развития российского законодательства / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова [и др.]. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Издательский дом «Юриспруденция», 2015. С. 102–104.

[3] Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 34–37.

Нельзя игнорировать и тот факт, что повышение сложности законодательства непосредственно влияет на качество его восприятия. Увеличение длины предложений и усложнение синтаксических конструкций приводят к росту риска ошибочного прочтения нормы, поскольку читатель вынужден «перекодировать» текст в собственную логическую структуру[1]. Применение правил и приемов юрислингвистической конвергенции снижает такую когнитивную нагрузку, делая текст закона ближе к модели «прямого понимания» текста. Это не только условие эффективности правового регулирования и предсказуемости правоприменения, но и проявление уважения законодателя к адресату нормы.

На практике это означает необходимость включения в процедуру правотворчества специальных стадий проверки: когнитивно-семантической (оценка терминологической согласованности и понятийного аппарата), структурно-логической (анализ композиции и внутренней логики нормы) и прагматико-интерпретационной (оценка предполагаемых сценариев правоприменения). Такой трехступенчатый подход фактически формирует «предварительную интерпретацию» текста, что позволяет выявить и устранить потенциальные дефекты до принятия акта. Современная законодательная техника требует «не только формального конструирования, но и опережающего анализа смысловых последствий»[2]. Реализация указанных стадий превращает юрислингвистическую конвергенцию в практический инструмент повышения качества текста нормативного правового акта.

Следовательно, правила и приемы техники юрислингвистической конвергенции выступают не только в качестве профессиональных инструментов нормотворчества, но и как проявление когнитивной зрелости правовой системы. Эти явления отражают способность современной правовой системы к самоописанию и саморазвитию средствами собственного языка, что

---

[1] Кучаков Р. К., Савельев Д. А. Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов. Аналитическая записка. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. С. 18–19.
[2] Юридическая техника: учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, Т. В. Губаева. М.: Проспект, 2021. С. 327–329.

свидетельствует о переходе отечественной правовой культуры на метарефлексивный уровень правопонимания.

Системная интеграция правил и приемов юрислингвистической конвергенции формирует не просто технологию работы с текстом, а особую форму юридического мышления. Конвергентный подход требует от законодателя рассматривать норму не через призму отдельных слов или конструкций, а как смысловой комплекс, в котором каждая значимая (двуплановая) языковая единица выполняет функцию поддержания целостности содержания. Языковые правила юридической техники должны рассматриваться как часть логики закона, а не как внешние по отношению к нему требования[1]. Это означает, что юрислингвистическая конвергенция становится внутренним критерием качества нормы.

Понимание техники юрислингвистической конвергенции как концептуальной системы особенно важно сегодня, когда правовое регулирование сталкивается с «эффектом ускорения», выражающимся в резком увеличении числа нормативных правовых актов, усложнении межотраслевых конструкций и росте информационной нагрузки. Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор показывают, что цифровая реальность формирует многослойную правовую реальность и усложняет структуру нормативных массивов[2]. В этих условиях особенно возрастает значение языкового качества нормативного текста, а правила и приемы конвергентной техники выступают не только инструментом упорядочения, но и механизмом предотвращения дисбаланса правового регулирования.

Особую значимость приобретает то, что конвергентный подход позволяет расширить пространство законодательного прогнозирования. Качество регулирования во многом определяется способностью закона выдерживать изменяющиеся социальные и коммуникативные условия. Прием прагматической стабилизации и структурно-логические модели, основанные на симметрии и

---

[1] Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. № 27. С. 51–52.

[2] Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 92–94.

стандартных композиционных схемах, позволяют создавать нормы, которые сохраняют смысловую устойчивость независимо от разнообразия правоприменительных ситуаций. Это делает конвергенцию не статическим набором правил, а инструментом адаптивного развития законодательства.

Использование техники юрислингвистической конвергенции обеспечивает важный интеграционный результат – снятие противопоставления юридического содержания языковой форме. Не язык обслуживает право и не право подстраивается под язык; они образуют единый конструкт нормативного смысла. Именно этот синтез позволяет формировать нормы, которые не только выражают правовые идеи, но и делают их применимыми, понятными и предсказуемыми. Конвергентная техника становится способом укрепления внутренней согласованности системы права.

Глава 3 ЗАПАДНЫЕ РЕТРОСПЕКТИВЫ И ВОСТОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

3.1 Критерии эффективности юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании

Проблема эффективности в современном правоведении все чаще осмысляется как метакатегория, пересекающая когнитивные, языковые и аксиологические измерения правовой реальности. В контексте юрислингвистической конвергенции понятие эффективности приобретает особую глубину: оно фиксирует не только результативность правового регулирования, но и способность языка права обеспечивать достижение целевых смыслов в коммуникации между субъектами правовой системы. Если эффективность права традиционно связывалась с «мерой достижения целей правового регулирования»[1], то применительно к юрислингвистике этот критерий наполняется новым содержанием – через соотнесение юридической точности и языковой прозрачности как двух взаимозависимых детерминант правовой действенности.

Именно язык, будучи медиатором между нормой и сознанием адресата, становится не просто инструментом выражения права, а механизмом его функционирования. Языковая форма нормативного текста не является нейтральной оболочкой: она формирует аксиологическое поле восприятия права, определяя уровень доверия к нему, степень предсказуемости и интерпретационной устойчивости[2]. Таким образом, эффективность юрислингвистической конвергенции нельзя сводить ни к качеству юридической техники, ни к эстетике

[1] Рыбаков В. А. Критерии определения эффективности права // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 2. С. 6.

[2] Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 5–6.

нормативного языка – речь идет о системной характеристике согласованности правового и языкового воздействия.

В российской доктрине наблюдается движение от формальных критериев результативности (количественные показатели исполнения, уровень правонарушений и т. д.) к более комплексным моделям, включающим коммуникативные, когнитивные и институциональные аспекты. Так, С. А. Жинкин предлагает рассматривать эффективность как многоуровневую категорию, включающую правотворческую, правореализационную и правоохранительную составляющие[1]. В развитие этой идеи М. Л. Давыдова подчеркивает, что на уровне юридической техники языковые правила должны рассматриваться не как факультативные, а как нормативно обязательные – отступление от них подрывает рациональность правового регулирования[2]. Следовательно, языковая компонента выступает не вторичной, а нормативно-определяющей в оценке правовой эффективности.

С точки зрения сравнительно-правового анализа, эффективность юрислингвистической конвергенции соотносится с идеей *quality of legislation* – качества законодательства, закрепленной в документах ЕС и ОЭСР. В руководстве *OECD Regulatory Policy Outlook 2025* подчеркивается, что результативное регулирование достигается не только за счет обоснованности норм, но и благодаря понятности языка, его доступности для граждан и предсказуемости интерпретаций[3]. Аналогичные подходы отражены в *Joint Practical Guide of the European Parliament, the Council and the Commission* (2023), где «ясность выражения» и «терминологическая согласованность» названы ключевыми индикаторами эффективности нормативных актов[4]. Эти международные

[1] Жинкин С. А. К вопросу о классификации видов эффективности правовых норм в современном российском праве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 2. С. 3–4.

[2] См.: Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность и обязательность их соблюдения // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 49–55.

[3] Подробнее см.: OECD. Regulatory Policy Outlook 2025. Paris: OECD, 2025. 234 p.

[4] Joint Practical Guide of the European Parliament, the Council and the Commission. Brussels: Council of the European Union, 2023. P. 12–13.

ориентиры становятся релевантными и для ЕАЭС, где в процессе унификации норм активно обсуждается вопрос о согласовании понятийных систем и стандартов юридического языка.

В условиях современной России данная проблематика приобретает дополнительное измерение – политико-языковое. Санкционное давление, изменение внешнеполитических приоритетов и переориентация на евразийское пространство обусловили корректировку языковой политики и методологии нормотворчества. Как отмечает Н. М. Кропачев и С. А. Кузнецов, «понятный русский язык» становится не только государственным символом, но и инструментом правовой интеграции в постсоветском пространстве[1]. Отсюда вытекает необходимость осмысления критериев эффективности не только через юридико-лингвистическую призму, но и через призму языковой суверенности – как способности правовой системы выражать свои смыслы автономно, без заимствованных матриц.

Оценка эффективности юрислингвистической конвергенции предполагает не только установление целевой направленности взаимодействия права и языка, но и вычленение конкретных критериев, способных отразить степень их согласованности. Без системной типологии такие оценки неизбежно превращаются в риторические утверждения о «понятности» или «доступности» закона, не имеющие измеримого содержания. Между тем эффективность в данном контексте есть функциональное свойство правовой коммуникации, а потому ее критерии должны фиксировать не абстрактные качества текста, а параметры взаимодействия: точность выражения, когнитивную интерпретируемость, предсказуемость толкования, а также устойчивость смысловых связей между нормой и правоприменительной практикой[2].

---

[1] Кропачев Н. М., Кузнецов С. А. Государственный язык Российской Федерации – понятный русский язык // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 9–10.

[2] См.: Пиунов В. Р. Соотношение понятий «ясность», «понятность», «доступность» и «простота» языка и права // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2023. № 3. С. 14–22.

Первая группа критериев – коммуникативно-языковые. Их ядро составляют ясность, определенность и непротиворечивость нормативного текста, а также его терминологическая согласованность. Как подчеркивает С. А. Белов, именно язык обеспечивает понятность права и тем самым его способность быть реализованным: «закон, выраженный в языковой форме, становится действенным лишь тогда, когда его текст способен быть одинаково понятым всеми адресатами»[1]. Эти параметры отражают степень прозрачности юридического текста и одновременно служат индикаторами его интерпретационной устойчивости. Нарушение коммуникативной ясности приводит к дивергенции правовых смыслов, подрывая саму идею конвергенции как сближения языка и права. В международной практике данная группа критериев корреспондирует требованиям *plain language* и *legal clarity*, закрепленным, в частности, в рекомендациях Совета Европы и Руководстве ЕС по качеству законодательства[2].

Вторая группа – когнитивные критерии, отражающие воспринимаемость и усвояемость правового текста субъектом регулирования. Здесь важны показатели когнитивной нагрузки и ментальной доступности нормы. Н. Д. Голев указывает, что чрезмерная сложность синтаксиса, терминологическая перегруженность и структурная громоздкость подрывают не только понятность, но и «когнитивную рациональность» закона, поскольку адресат утрачивает способность воспроизвести юридический смысл[3]. В контексте юрислингвистической конвергенции когнитивная простота выступает не упрощением содержания, а технологией оптимизации коммуникации: сложные правовые идеи требуют точных, но прозрачных формулировок, обеспечивающих однозначную интерпретацию.

---

[1] См.: Белов С. А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 2. С. 293–308.

[2] Joint Practical Guide of the European Parliament, the Council and the Commission. Brussels: Council of the European Union, 2023. Pp. 14–15.

[3] Голев Н. Д. Сложность vs доступность и понятность языка закона как теоретическая и экспертная проблема // // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах: сборник трудов конференции. СПб.: Первый класс, 2021. С. 161–162.

Третья группа – инструментально-технические критерии, связанные с реализацией языковых правил юридической техники. Здесь уместно вспомнить позицию М. Л. Давыдовой, которая рассматривает эти правила как «рационализированные нормы» юридического письма, несоблюдение которых ведет к нормативным сбоям и снижению регуляторной результативности[1]. Речь идет о структурной последовательности, терминологической унификации, стандартизации синтаксических моделей, что в совокупности обеспечивает предсказуемость юридического текста. На международном уровне аналогичные требования формализованы в стандарте ISO 704:2022, устанавливающем принципы терминологической согласованности и единообразия дефиниций[2].

Четвертая группа – институциональные и поведенческие критерии, характеризующие способность системы права обеспечивать практическое достижение целей нормотворца при сохранении лингвистической целостности регулирования. Е. В. Чернигова отмечает, что язык права является не только средством коммуникации, но и формой правовой действительности, через которую институционализируются социальные ценности[3]. Следовательно, эффективность юрислингвистической конвергенции может оцениваться по степени совпадения смыслов, заложенных в нормативном тексте, с их интерпретацией в правоприменительной практике. Этот критерий находит конкретное выражение в практике Верховного Суда РФ, где вопросы языкового толкования становятся решающими для оценки законности и обоснованности решений (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50).

Вопрос об эффективности юрислингвистической конвергенции в наднациональных правовых системах приобретает особое значение, поскольку именно там язык становится не просто инструментом коммуникации, но

---

[1] См.: Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность и обязательность их соблюдения // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 49–55.

[2] Подробнее см.: ISO 704:2022. Terminology work – Principles and methods. 4th ed. Geneva: International Organization for Standardization, 2022. 80 p.

[3] См.: Чернигова Е. В. Язык права в контексте правовой (нормативной) реальности // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 18–31.

механизмом интеграционного регулирования. Европейский союз первым выработал системные критерии языковой эффективности нормативных актов, где ключевым принципом выступает *authentic multilingualism* – равная юридическая сила всех языковых версий нормативных текстов. Как отмечает Ф. Прието-Рамос, обеспечение единообразного понимания смыслов при многоязычии требует институционализированной системы контроля качества: от стадии подготовки текста до судебного толкования[1]. Эта модель сочетает лингвистическую и юридическую верификацию, что позволяет рассматривать язык как элемент правовой инфраструктуры, а не просто средство выражения.

Критерии эффективности в ЕС включают:

1) юридико-лингвистическую точность (соответствие понятийной сетки всем языковым версиям);

2) терминологическую согласованность (обеспечение единства терминов в актах различного уровня);

3) ясность и предсказуемость интерпретации (отсутствие двусмысленных конструкций);

4) согласованность перевода с исходной версией (юридическая идентичность).

Эти параметры закреплены в *Joint Practical Guide (2023)* и технических рекомендациях *Interinstitutional Style Guide*, а их мониторинг осуществляется специальными подразделениями Совета ЕС и Европейской комиссии[2]. Речь идет о создании механизма «многоуровневого контроля смысла», где эффективность понимается как устойчивость правового значения сквозь языковые версии.

Интересно, что аналогичный – хотя и более прагматичный – подход формируется и в правовой системе ЕАЭС. Здесь эффективность юрислингвистической конвергенции проявляется в способности союзного

---

[1] См.: Prieto-Ramos F. Quality Assurance in Legal Translation: Evaluating Process, Competence and Product in the Pursuit of Adequacy. International Journal for the Semiotics of Law. 2015. Vol. 28. № 1. P. 11–30.

[2] Joint Practical Guide of the European Parliament, the Council and the Commission. Brussels: Council of the European Union, 2023. P. 16–18.

законодательства сохранять смысловую и терминологическую совместимость при одновременной адаптации к национальным правовым системам. Как отмечает А. В. Юрковский, евразийская модель «двойной валидности» – на уровне Союза и государств-членов – требует особых механизмов языкового и понятийного выравнивания, поскольку расхождения в терминах могут порождать дивергенцию правоприменительной практики[1]. Показательно, что Суд ЕАЭС, рассматривая споры по вопросам толкования договоров, прямо указывает на приоритет «ясного и согласованного смысла терминов» как условие легитимности наднациональных решений.

Критерии эффективности в рамках ЕАЭС можно условно разделить на две группы: внутренние (обеспечение единообразия терминов, формулировок и юридических конструкций в актах Союза) и внешние (согласование языковых и правовых категорий с национальными правовыми системами). Именно внешние критерии сегодня становятся решающими, поскольку от их соблюдения зависит, насколько правовые тексты ЕАЭС воспринимаются и реализуются в правовых система государств-участников. В отличие от ЕС, где доминирует концепция юридического перевода, в ЕАЭС формируется модель юрислингвистической адаптации, направленной не столько на буквальное тождество текста, сколько на сохранение идентичности правовых смыслов в рамках различных правовых культур[2].

Таким образом, сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что критерии эффективности юрислингвистической конвергенции зависят от типа правовой интеграции. В ЕС приоритетом является симметрия языковых версий и унификация терминологии; в ЕАЭС – функциональная эквивалентность правовых смыслов и прагматическая понятность. Российская методология, находясь между этими моделями, получает возможность синтезировать их сильные стороны:

---

[1] Амосова Т. В., Юрковский А. В., Юрковская Е. А. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 100–102.

[2] Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 10–11.

институционализировать языковую экспертизу нормативных актов и одновременно учитывать когнитивную специфику национального правосознания.

Современная Россия переживает качественное переосмысление самой природы юридико-языкового взаимодействия. Если ранее акцент делался преимущественно на понятности и доступности нормативного языка, то сегодня в фокусе оказываются более сложные параметры – суверенность смыслов, идентичность понятийной системы и когнитивная безопасность правового поля. Смена внешнеполитического контекста и усиление санкционного давления обусловили необходимость выстраивания автономной языковой модели права, не зависящей от англоцентричных концептов международной правовой лексики. Эффективность юрислингвистической конвергенции в этих условиях приобретает новое измерение – способность права выражать и воспроизводить собственные ценностные коды, сохраняя при этом точность юридической коммуникации.

Н. М. Кропачев и С. А. Кузнецов обоснованно подчеркивают, что понятный русский язык становится не только инструментом публичного управления, но и символом национальной правовой идентичности[1]. В этой связи критерии эффективности юрислингвистической конвергенции включают не только ясность и корректность формулировок, но и способность языка права служить носителем культурных и правовых смыслов, укрепляющих доверие к государственным институтам. Понятность здесь выступает не редукцией сложности, а прозрачностью правового дискурса, когда формулировка нормы позволяет адресату осознать не только ее буквальный, но и ценностный смысл.

Параллельно трансформируется и институциональный контекст. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» закрепил необходимость соблюдения единообразия правовых формулировок и их соответствия целям регулирования, а Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» прямо

[1] Кропачев Н. М., Кузнецов С. А. Государственный язык Российской Федерации – понятный русский язык // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 9–10.

связывает эффективность правового регулирования с устранением неопределенности и двусмысленности текста. Эти положения фактически институционализируют критерий языковой антикоррупционности – прозрачности формулировок, исключающих возможность произвольного толкования. Таким образом, критерий языковой определенности приобретает правовой статус и становится одним из ключевых индикаторов эффективности юрислингвистической конвергенции.

Не менее значимым фактором является цифровизация правовой коммуникации, усилившая роль языковых форм как инструмента автоматизированного анализа правовых текстов. Как отмечает Е. В. Чернигова, в цифровом правовом пространстве язык права утрачивает «естественную инерцию» и становится технологическим кодом, требующим стандартизации и высокой семантической точности[1]. Это смещает акцент критериев эффективности: важна не только понятность для человека, но и машинная интерпретируемость текста, его формализуемость без утраты правового смысла. Отсюда возникает требование к новому уровню юрислингвистической экспертизы – оценке соответствия нормативного текста цифровым и семантическим стандартам.

Наконец, углубление евразийской интеграции создает предпосылки для формирования собственной евразийской модели языковой эффективности. Как справедливо замечает А. А. Парфенов, развитие правовой коммуникативной компетенции в рамках ЕАЭС предполагает не только владение юридическим языком, но и способность адаптировать правовые смыслы к многоязычной среде, сохраняя их инвариантность[2]. Для России это означает необходимость институционального закрепления механизмов лингвистического аудита актов ЕАЭС и гармонизации понятийных структур. Эффективность юрислингвистической конвергенции в этом контексте выражается в способности

[1] См.: Чернигова Е. В. Язык права в контексте правовой (нормативной) реальности // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 18–31.
[2] Парфенов А. А. О правовой коммуникативной компетенции // Право и политика. 2019. № 2. С. 7–8.

российской правовой системы не утрачивать смысловую автономию, участвуя при этом в интеграционном дискурсе.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что оценка эффективности юрислингвистической конвергенции требует интеграции юридических, лингвистических и когнитивных подходов в единую систему, способную отражать динамику смыслового взаимодействия права и языка. Для адекватного анализа необходима многоуровневая модель критериев, включающая пять взаимосвязанных блоков: целевые, структурно-языковые, когнитивные, институциональные и аксиологические. Каждый из них фиксирует особый аспект воздействия правовой нормы, а в совокупности они обеспечивают системную полноту оценки.

Целевые критерии определяют степень достижения тех целей, ради которых осуществляется юрислингвистическая конвергенция: устранение смысловых разрывов между нормотворческой волей и правоприменительной практикой, формирование единых правовых значений, снижение вероятности интерпретационных конфликтов. Как подчеркивает С. Л. Сергевнин, эффективность позитивного права измеряется не только по степени реализации норм, но и по способности правового механизма сохранять внутреннюю логическую непротиворечивость[1]. В юрислингвистическом измерении этот критерий приобретает форму корреляции: чем выше совпадение между целевым смыслом законодателя и интерпретацией адресата, тем выше уровень эффективности.

Структурно-языковые критерии отражают качество и согласованность нормативного текста. Они охватывают понятия определенности, терминологической унификации, синтаксической упорядоченности и стилевой прозрачности. По мнению В. Р. Пиунова, эффективность правового языка прямо зависит от согласования четырех категорий – ясности, понятности, доступности и

[1] Сергевнин С. Л. К вопросу о факторах эффективности позитивного права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1. С. 10–11.

простоты, которые образуют «когнитивный квадрат» нормативного дискурса[1]. В этой связи особое значение приобретает язык юридической техники как инструмент смысловой гармонизации: чем выше степень терминологического единства, тем меньше вероятность смысловой дивергенции между различными актами и уровнями регулирования.

Когнитивные критерии концентрируются на воспринимаемости нормы субъектом. Эффективный юридический текст не только логически последователен, но и оптимален по когнитивной нагрузке: он допускает адекватное усвоение смысла без избыточных усилий. Как отмечает Ю. К. Краснов, юридическая техника выполняет здесь функцию когнитивного фильтра, преобразующего сложные правовые смыслы в форму, совместимую с мышлением адресата[2]. Соответственно, когнитивная эффективность определяется способностью языка права поддерживать баланс между юридической точностью и ментальной доступностью.

Институциональные критерии выражают соответствие языковых механизмов системной организации правопорядка. Это – стабильность терминологической системы, воспроизводимость лингвистических стандартов, наличие процедур лингвистической экспертизы нормативных актов. М. Л. Давыдова отмечает, что институциональная эффективность проявляется в том, что языковые правила юридической техники перестают быть факультативными – они становятся элементом правовой дисциплины, обеспечивающим предсказуемость регуляторного воздействия[3]. В российском праве это выражается в закреплении обязательных процедур лингвистического аудита и антикоррупционной экспертизы нормативных актов.

---

[1] См.: Пиунов В. Р. Соотношение понятий «ясность», «понятность», «доступность» и «простота» языка и права // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2023. № 3. С. 14–22.

[2] Краснов Ю. К. Юридическая техника / Ю. К. Краснов, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулла. М.: Юстицинформ, 2014. С. 117–118.

[3] См.: Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность и обязательность их соблюдения // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 49–55.

Наконец, аксиологические критерии фиксируют соответствие языка права ценностной системе общества. Аксиологический уровень юрислингвистической конвергенции связан с «когнитивной гармонией» между нормой и общественным представлением о справедливости[1]. Если язык закона вступает в противоречие с ценностными ожиданиями общества, эффективность регулирования снижается, даже при формальном соблюдении всех технических требований. Таким образом, эффективность конвергенции невозможна без ценностного согласования юридического и лингвистического сознания.

Взаимосвязь всех пяти групп критериев образует иерархическую модель: целевые критерии задают стратегический вектор, структурно-языковые и когнитивные обеспечивают операциональный уровень, институциональные гарантируют воспроизводимость, а аксиологические закрепляют нормативно-культурное основание. Такая модель позволяет рассматривать эффективность не как статическое свойство текста, а как динамическое равновесие между формой, содержанием и восприятием права.

Подводя итог, следует подчеркнуть: эффективность юрислингвистической конвергенции выступает не частным аспектом оценки качества законодательства, а интегральным показателем согласованности юридического и языкового начал правовой системы. Она проявляется там, где языковая форма не только выражает волю законодателя, но и обеспечивает устойчивую воспроизводимость правовых смыслов в различных контекстах правоприменения. Таким образом, эффективность в данном измерении фиксирует степень смысловой и функциональной сопряженности языка и права, определяя способность правовой коммуникации достигать поставленных целей без искажения нормативного содержания[2].

---

[1] Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 14–15.

[2] Жинкин С. А. К вопросу о классификации видов эффективности правовых норм в современном российском праве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 2. С. 4–5.

Сравнение отечественной модели с зарубежными показывает, что российский подход ориентируется не на формальное равенство языковых версий, как в ЕС, и не на прагматическую адаптацию смыслов, как в ЕАЭС, а на когнитивно-ценностную точность – соответствие между юридической волей, выраженной в тексте, и ее осмыслением адресатом. Если в европейской практике эффективность понимается преимущественно как качество юридического перевода и терминологической унификации[1], то в российской юрислингвистике приоритет смещается к внутренней когерентности смыслов, к единству юридического и лингвистического мышления. Такая ориентация соответствует традиции отечественного правопонимания, где форма и содержание права рассматриваются в неразрывном единстве.

В практическом плане предложенная система критериев имеет междисциплинарное значение. Она может использоваться при (1) экспертизе проектов нормативных правовых актов на предмет ясности, определенности и антикоррупционной устойчивости; (2) разработке моделей автоматизированного анализа правовых текстов, где требуется оценка когнитивной и синтаксической сложности; (3) формировании стандартов правовой коммуникации в органах публичной власти и судебной системе. Только соединение лингвистических и юридических методов позволяет вырабатывать валидные критерии оценки качества правового дискурса, способные служить основой для его совершенствования[2].

Исходя из проведенного анализа, под эффективностью юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании следует понимать интегральное свойство правовой системы, выражающее степень функционального и смыслового согласования юридического и языкового компонентов

---

[1] Подробнее см.: Monzó-Nebot E., Moreno-Rivero J. Jurilinguistics: Ways Forward Beyond Law, Translation, and Discourse // International Journal for the Semiotics of Law. 2020. Vol. 33. № 2. P. 253–262.

[2] Амосова Т. В., Юрковский А. В., Юрковская Е. А. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 104–105.

регулирования, обеспечивающее достижение целей права через ясное, однозначное и ценностно адекватное выражение нормативных смыслов в правовой коммуникации. Такое понимание охватывает три измерения: структурное (качество текстовой формы), когнитивное (понятность и предсказуемость интерпретации) и аксиологическое (соответствие правового языка культурным и моральным ожиданиям общества).

В этой триаде проявляется сущность современной российской модели правового развития – ориентация на смысловую суверенность, технологическую рациональность и доверие к языку закона как к гарантии правовой стабильности. Эффективная юрислингвистическая конвергенция становится не только условием качества правотворчества, но и индикатором зрелости правовой культуры. Она соединяет аналитическую строгость юридической техники с гуманитарной глубиной языковой рефлексии, превращая язык из «оболочки» права в его живую, смыслообразующую структуру.

3.2 Практика юрислингвистической конвергенции и дивергенции в правовом регулировании с западными правовыми системами

Юрислингвистическая конвергенция в правовом регулировании представляет собой процесс сближения национальных правовых систем посредством гармонизации юридических языков, категориальных аппаратов и интерпретационных стратегий. В современном сравнительном правоведении данное явление рассматривается как часть более широкой тенденции к правовой интеграции, сопровождаемой трансформацией языковых средств выражения норм права[1]. Вместе с тем конвергенция в юридико-лингвистическом измерении не является односторонним процессом: она предполагает не только взаимное заимствование понятий и формулировок, но и их адаптацию к национальным культурно-правовым контекстам. Именно здесь проявляется феномен

[1] Третьякова О. Д. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций. Владимир: Издательство ВлГУ, 2019. С. 42–45.

юрислингвистической дивергенции – как обратное движение, выражающееся в сохранении идиоматических особенностей правового языка и устойчивых структур национальной правовой культуры[1].

Для российской правовой системы сопоставительный анализ практики конвергенции и дивергенции с зарубежным правом имеет особое значение, поскольку развитие отечественной юрислингвистики изначально происходило в диалоге с европейской традицией, прежде всего с романо-германским и англосаксонским правом[2]. Однако этот диалог никогда не носил характера механического заимствования. Как справедливо отмечает Е. И. Галяшина, юрислингвистический процесс в России выступает формой творческой интерпретации западных доктрин и судебных прецедентов, где «перевод» осуществляется не только на уровне языка, но и на уровне правовой ментальности[3]. Такое осмысление предполагает методологическую рефлексию о границах возможного сближения – в какой мере адаптация западных понятий допустима без утраты системной целостности российского права.

Теоретико-методологические основания юрислингвистической конвергенции опираются на сравнительно-правовые исследования, в которых язык рассматривается не как пассивное средство фиксации норм, а как активный инструмент нормативного воздействия[4]. Отсюда вытекает необходимость комплексного анализа не только правовых текстов, но и способов их интерпретации, закрепленных в судебной и экспертной практике. Так, концепция «правового перевода» (legal translation), разработанная Д. Цао, предполагает, что переводческие решения формируют особую зону межъязыкового права, где языковая и правовая эквивалентность становятся предметом своеобразных

---

[1] См.: Скурко Е. В. Конвергенция и дивергенция правовых систем в эпоху трансформаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2024. № 4. С. 138–148.

[2] Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. 3rd ed. Oxford: OUP, 1998. P. 15–17.

[3] Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021 С. 57–59.

[4] Mattila H. E. S. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. 2nd ed. London: Routledge, 2013. P. 21–23.

«переговоров» между правовыми системами[1]. В условиях усиления санкционного давления и изменения языковой политики Российской Федерации это приобретает новое измерение: «перевод» зарубежных нормативных моделей все чаще сопровождается их семантической переоценкой и нормативным переопределением.

Современная российская практика демонстрирует, что процессы конвергенции и дивергенции в правовом регулировании неразрывно связаны с официальной языковой политикой. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» закрепляет нормативные основы функционирования русского языка в сфере правотворчества и правоприменения, определяя границы допустимой юридико-лингвистической адаптации иностранных терминов. Введение новых стандартов официально-делового языка (ГОСТ Р 7.0.97-2025) установило требования к унификации и точности терминологии, что фактически институционализирует юрислингвистическую политику государства. Языковая система становится не только техническим, но и идеологическим фильтром конвергенционных процессов, ограничивая их рамками национальной правовой идентичности.

Особый интерес представляет влияние зарубежных правовых практик на развитие судебно-лингвистической экспертизы в России, где процессуальные стандарты и методики нередко восходят к моделям, апробированным в странах ЕС и США. Так, принципы оценки диффамационных высказываний и разграничения фактов и оценочных суждений, сформулированные в решениях Европейского суда по правам человека (Lingens v. Austria, Thorgeirson v. Iceland)[2], нашли отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3. Однако российская судебная практика постепенно вырабатывает собственные юрислингвистические критерии, учитывающие особенности национального дискурса, речевых норм и концептуальных предпосылок национальной правовой традиции, подтверждая дивергентный вектор развития.

---

[1] Cao D. Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. P. 11–13.

[2] Language and the Law / ed. by J. Gibbons. London; New York: Longman, 1994. P. 77–79.

В сфере юридического перевода конвергенция проявляется особенно отчетливо, поскольку именно перевод выступает медиатором между различными правовыми культурами. Однако, как подчеркивает П. Б. Кондратьев, проблема несоответствия смыслового объема терминов в русском и английском языках нередко приводит к искажению правовых реалий и ошибочной квалификации явлений[1]. В условиях сближения национальных правовых систем это обстоятельство требует выработки унифицированных переводческих стратегий, способных обеспечить не формальное, а функционально-эквивалентное соответствие. Адекватный юридический перевод невозможен без учета системных различий между континентальным и англо-американским правом, поскольку каждая из этих правовых традиций формирует собственный метаязык права, основанный на исторически сложившихся концептах[2]. Российская практика подтверждает данный тезис: при адаптации зарубежных договорных конструкций и судебных стандартов наблюдается не только лексическая, но и когнитивная трансформация смыслов, обусловленная спецификой русского правового мышления.

Качественный этап в развитии отечественной юрислингвистической экспертизы связан с формированием научно обоснованных подходов к анализу текстов, содержащих признаки диффамации, экстремизма или дискредитации государственных институтов. В последние годы усиливается тенденция к «юрислингвистическому импортозамещению», при котором зарубежные экспертные методики подвергаются критическому пересмотру и адаптации к российским реалиям. Так, положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 о преступлениях экстремистской направленности формируют особый стандарт лингвистической оценки, основанный на установлении интенциональной направленности текста. Этот стандарт во многом восходит к европейской практике, но модифицирован с учетом российской

[1] См.: Кондратьев П. Б. Проблема несовпадения смыслового объема юридических терминов и их эквивалентов в русском и английском языках права // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2. С. 260–263.
[2] Cao D. Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. P. 28–30.

правовой и речевой специфики. Именно таким образом происходит институционализация дивергенции, обусловленная нормативной необходимостью обеспечения государственной языковой и информационной безопасности.

Конвергенция ярче всего проявляется в вопросах защиты репутации и компенсации морального вреда. Европейский суд по правам человека традиционно исходит из приоритета свободы выражения мнения, рассматривая ограничения лишь как исключение из этого принципа (Lingens v. Austria, Steel and Morris v. the United Kingdom). Верховный Суд РФ, напротив, выстраивает баланс между защитой чести и свободой слова на основе положений ст. 29 Конституции РФ и постановления Пленума от 15 ноября 2022 г. № 33 о компенсации морального вреда. Как отмечают В. П. Кириленко и Г. В. Алексеев, различие в интерпретации категорий «оценочное суждение» и «факт» создает риск правовой неопределенности, особенно при участии иностранных СМИ[1]. В ответ российская судебная практика формирует собственные юрислингвистические критерии оценки речевых актов с учетом их лингвистических особенностей, что свидетельствует о становлении автономного национального подхода при сохранении научного взаимодействия с зарубежной доктриной.

Санкционное давление, оказанное на Россию после 2022 г., усилило потребность в укреплении языкового суверенитета, включая правовую сферу. Е. В. Полунина отмечает, что языковая политика юридического перевода стала инструментом защиты нормативной идентичности: стандартизация терминологии направлена на предотвращение прямых калькирований и произвольных интерпретаций, искажающих смысл правовых норм[2]. Принятие обновленных государственных стандартов и повышение роли экспертизы текстов, связанных с публичной дискредитацией Вооруженных Сил Российской Федерации, демонстрируют процесс дивергентной стабилизации правового языка (методическое письмо, утв. ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, протокол

[1] См.: Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 9. С. 168–182.
[2] Полунина Е. В. Лингвистические и лингвокультурные особенности перевода юридических текстов // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 12. С. 952–953.

от 17 июня 2022 г. № 2). Таким образом, под влиянием внешнеполитических факторов формируется новая парадигма юрислингвистической конвергенции, основанная не на заимствовании, а на критически избирательном освоении зарубежных моделей при сохранении функциональной автономии российского правового дискурса.

Следует подчеркнуть, что современная конвергенция не является процессом унификации в классическом смысле. Как отмечает Г. А. Пакерман, унификация может привести к утрате национальных особенностей правовой материи, тогда как подлинная конвергенция предполагает взаимное проникновение смыслов без нивелирования системных различий[1]. Для России это означает необходимость разработки особой методологии языкового сопоставления правовых систем, включающей критерии эквивалентности терминов, стандарты юридического перевода. В рамках такой методологии дивергенция выступает не препятствием, а механизмом сохранения нормативного многообразия и семантической точности, что соответствует современным тенденциям сравнительного правоведения.

С начала 2000-х гг. в российском правовом пространстве постепенно укреплялась тенденция европеизации судебной практики. Влияние решений Европейского суда по правам человека проявлялось не только в содержании правовых позиций, но и в языковой трансформации юридических формулировок. Процесс «европеизации» российского права включал не столько прямое заимствование норм, сколько «встраивание» понятийных конструкций ЕСПЧ в систему аргументации Верховного и Конституционного судов[2]. Это особенно заметно в делах о защите чести и достоинства, где российские суды, следуя практике Страсбурга, стали использовать категории reasonable balance, public interest, freedom of expression, формируя лексикон, ранее нетипичный для континентального стиля юридического письма. В результате правовая

[1] Пакерман Г. А. Методы унификации права на примере правового регулирования иностранных инвестиций // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 95–106.

[2] См.: Калиниченко П. А. Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права Европейского Союза на решения российских судов) // Lex Russica (Русский закон). 2013. Т. 95. № 11. С. 1224–1234.

конвергенция сопровождалась юрислингвистическим синтезом, расширяющим семантические границы отечественного правового языка.

По мере развития практики Верховный Суд РФ вырабатывает собственные юрислингвистические критерии разграничения фактов и оценочных суждений. Так, в одном из постановлений суд указал, что высказывание не может рассматриваться как порочащее, если оно носит характер оценочного суждения и не претендует на достоверность (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3). Эта позиция соотносится с практикой Европейского суда по правам человека по делу Thorgeirson v. Iceland, но в российской правовой системе имеет принципиальное уточнение: допустимость оценочного высказывания определяется не только его формой, но и контекстом употребления. Е. И. Галяшина подчеркивает, что данное различие отражает специфику коммуникативных моделей: западная доктрина исходит из презумпции свободы речи, тогда как российская – из презумпции правомерности высказывания в рамках закона[1]. Это свидетельствует о том, что даже при лексической близости терминов юридические контексты остаются дивергентными.

Тем не менее, как показывает анализ постановлений Верховного Суда Российской Федерации, рецепция зарубежных категорий не всегда сопровождается эквивалентной семантической адаптацией. Понятие honour в английском праве имеет широкий аксиологический контекст, включающий морально-этическое измерение, тогда как в российской практике «честь» рассматривается преимущественно как социально-правовое благо, подлежащее судебной защите (обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.). В английском праве категория reputation охватывает как личностный, так и корпоративный аспект, что осложняет прямое сопоставление и транспозицию термина «деловая репутация» в российскую правовую систему. Сравнительный анализ судебных актов показывает, что в российском праве произошла узкая

[1] Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 203–204.

специализация этих понятий: она позволила избежать избыточной метафоричности западных дефиниций, но одновременно ограничила гибкость их применения в делах, связанных с публичными фигурами и средствами массовой информации[1].

Таким образом, формирование собственных критериев интерпретации речевых актов свидетельствует о зрелости российской юрислингвистической практики, которая сочетает элементы зарубежного опыта с сохранением национальных принципов правового толкования. Дивергентный подход обеспечивает не только адаптацию заимствованных категорий, но и защиту смысловой автономии отечественного правового языка, что является необходимым условием поддержания его концептуальной целостности.

На Западе, напротив, вопрос допустимости речевых актов решается преимущественно в плоскости контекста и степени общественной опасности. Так, решения Европейского суда по правам человека по делам Handyside v. the United Kingdom и Vajnai v. Hungary установили, что свобода выражения мнения распространяется и на информацию, «оскорбляющую, шокирующую или тревожащую» государство или часть населения, при условии отсутствия прямого подстрекательства к насилию. В англо-американской традиции аналогичный подход реализован в решении Верховного суда США по делу Schenck v. United States, где был сформулирован критерий clear and present danger[2]. Российское законодательство, напротив, исходит из презумпции охраняемости государственных символов, институтов и военной службы как объектов, требующих усиленной правовой защиты. Таким образом, если западная правовая модель строится на принципе «свободы до нарушения», то российская – на принципе «ограничения до угрозы», что отражает различие лингвоюридических подходов к интерпретации свободы слова.

Этот контраст проявляется и в организации экспертной деятельности. В странах Европейского союза эксперт-лингвист выступает преимущественно как

---

[1] См.: Иванова С. А., Гребенников В. В. Конвергенция частного и публичного права в современном законодательстве Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 18–25.

[2] Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. 3rd ed. Oxford: OUP, 1998. P. 412–413.

интерпретатор семантических контекстов[1]. В России же результаты судебно-лингвистической экспертизы в уголовных делах обладают высоким доказательственным значением: заключение эксперта рассматривается судом как элемент объективного доказательства, фиксирующий признаки экстремистского или дискредитирующего высказывания[2]. Е. И. Галяшина подчеркивает, что подобная институционализация лингвистической экспертизы создает предпосылки для формирования особой модели «юридико-лингвистической безопасности», в рамках которой язык права выполняет не только коммуникативную, но и охранительную функцию[3]. Таким образом, российская практика демонстрирует дивергентный тип интеграции лингвистики в систему уголовного судопроизводства – через ее нормативизацию и процессуальную формализацию.

Усиление нормативного контроля речевых практик неизбежно требует балансирования между безопасностью и свободой. В западных правовых системах этот баланс обеспечивается судебной доктриной «пропорциональности», тогда как в России формируется собственный критерий – «соразмерность защиты прав и интересов личности, общества и государства»[4]. Юрислингвистическая конвергенция в этой сфере проявляется в заимствовании методологических подходов к анализу семантических конструкций, однако пределы допустимого высказывания остаются предметом суверенного регулирования. Формируется российская модель: лингвистические концепты – такие как «призыв», «дискредитация», «унижение» – получают юридически закрепленные дефиниции, что снижает риск произвольного толкования, но одновременно повышает ответственность за речевое поведение.

---

[1] Mattila H. E. S. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. 2nd ed. London: Routledge, 2013. P. 237–239.

[2] Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза: учебник. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. С. 215–217.

[3] Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 327–328.

[4] См.: Скурко Е. В. Конвергенция и дивергенция правовых систем в эпоху трансформаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2024. № 4. С. 138–148.

Концепция юридико-лингвистической безопасности отражает общий тренд национализации правового дискурса. Эта стратегия не исключает взаимодействия с зарубежными научными школами, но предполагает приоритет отечественной интерпретационной традиции и сохранение смысловой автономии русского правового языка[1]. Языковая политика в данной сфере становится инструментом укрепления суверенитета не только в области коммуникации, но и нормотворчества: закрепление обязательных требований к лексическим формам правовых актов (ГОСТ Р 7.0.97-2025) обеспечивает устойчивость юридических текстов к внешним влияниям и переводческим искажениям. Следовательно, дивергенция выступает гарантом нормативной устойчивости, позволяя России сохранять собственный юридико-лингвистический код в условиях глобального правового взаимодействия.

Институциональное измерение юрислингвистической конвергенции формируется через деятельность научно-экспертных центров, образовательных программ и междисциплинарных объединений, выступающих посредниками между языком и правом. Наиболее активно эти структуры развиваются в России с 2010-х гг. Создание кафедр и подразделений смежного профиля, а также образовательных программ по юридической лингвистике в ряде ведущих университетов позволило систематизировать накопленный опыт проведения лингвистических экспертиз и включить соответствующие дисциплины в образовательные стандарты[2]. Развитие этих институтов представляет собой естественный этап эволюции отечественной юридико-лингвистической науки, обусловленный потребностями правоприменительной практики и международного научного взаимодействия. При этом российская модель сочетает элементы универсальных академических подходов с собственными методологическими

[1] Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1. С. 146–148.

[2] См.: Голев Н., Лоншакова К. Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): аспектуализированный обзор // Юрислингвистика. 2023. № 29. С. 86–97.

традициями, что обеспечивает ей прикладной характер и тесную связь с судебной деятельностью и экспертизой.

Международная конвергенция проявляется и в обмене методологическими подходами к юридическому переводу. Билингвальные исследования правовых концептов (например, realty – «недвижимость») показывают, что эквивалентность терминов возможна лишь при учете когнитивных и социокультурных различий между правовыми системами[1]. Подобные проекты, реализуемые совместно с европейскими университетами, создают основу для формирования единого корпуса юридических понятий, при этом подчеркивая необходимость сохранения национальных семантических границ. Н. А. Каменева справедливо отмечает, что каждый перевод юридического термина содержит элемент интерпретации и потому должен сопровождаться экспертной верификацией, исключающей произвольное смещение правового смысла[2]. Российская практика перевода международных договоров и судебных решений подтверждает значимость этого подхода: корректность лингвистического эквивалента напрямую влияет на точность нормотворчества и исполнение международных обязательств.

Влияние юрислингвистической конвергенции прослеживается и на уровне законодательной техники. Расширение участия России в международных организациях – таких как ООН, ЕАЭС и СНГ – потребовало стандартизации терминологии, в том числе в многоязычных актах. Гармонизация нормативно-правовой базы научно-технического сотрудничества между Россией и Европейским союзом сопровождалась выработкой специальных языковых инструментов – унифицированных терминов и дефиниций, а также двуязычных

[1] См.: Кравчук Ю. С. Роль юрислингвистики в билингвальном исследовании концептов (на примере концепта «недвижимость» / «realty» в русской и английской национальных языковых картинах мира) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 17. С. 85–94.

[2] См.: Каменева Н. А. Функционирование юридической терминологии в англоязычных правовых текстах и трудности ее перевода на русский язык // Русский лингвистический бюллетень. 2022. № 2. С. 1–6.

справочников юридических понятий[1]. Эти механизмы позволяют согласовывать тексты международных соглашений без утраты их юридической силы. При этом российская правотворческая практика стремится минимизировать риски смыслового расхождения, закрепляя в текстах точные русскоязычные дефиниции и параллельно указывая их англоязычные эквиваленты. Такой подход способствует укреплению прозрачности правовых коммуникаций и формированию «многоязыковой правовой грамотности» в сфере международного взаимодействия.

Особое значение для институциональной конвергенции имеет развитие интеграционных платформ, прежде всего Евразийского экономического союза. Правовая гармонизация в рамках ЕАЭС требует не только согласования материальных норм, но и выработки единого языка права, что фактически делает юрислингвистику инструментом интеграционной политики. Ориентируясь преимущественно на континентальную модель права, ЕАЭС одновременно заимствует англоязычные концепты – *compliance, digital regulation, liability* – требующие адаптации к русскоязычной правовой традиции. В этой связи формируется новая методология «перевода права» на наднациональном уровне, где конвергенция языков становится предпосылкой правовой эффективности.

Таким образом, институциональная юрислингвистическая конвергенция развивается в двух взаимосвязанных направлениях: с одной стороны, происходит научное и образовательное сближение с зарубежными школами, способствующее унификации исследовательских стандартов; с другой – выстраивается нормативная защита русского юридического языка как элемента правового суверенитета. Поддерживая активный международный обмен, российская юрислингвистика сохраняет функциональную дивергенцию, выражающуюся в закреплении национальных требований к точности, ясности и лексической экономии правового языка. Тем самым язык права выступает не просто средством коммуникации, но

[1] См.: Микаэлян Р. С. Гармонизация нормативно-правовой базы научно-технического сотрудничества Российской Федерации и Европейского Союза // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 3. С. 218–224.

формой правовой идентичности, определяющей границы и возможности конвергенции.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сложном и многоплановом характере взаимодействия российской и зарубежных правовых систем в юрислингвистическом измерении. Конвергенция проявляется не только в заимствовании правовых понятий, но и в осмыслении языковых стратегий, формирующих правовую коммуникацию. Однако это сближение не носит характера симметрии: Россия использует элементы западного правового языка и судебной аргументации как инструменты модернизации, одновременно развивая собственные лингвоюридические категории. Таким образом, конвергенция реализуется как процесс функциональной адаптации, а не механического копирования. В этом состоит специфика российского подхода, ориентированного на сохранение национальной семантической идентичности при открытости к зарубежным правовым культурам[1].

Юрислингвистическая дивергенция, напротив, выполняет стабилизирующую функцию. Она обеспечивает защиту смыслового ядра национального права, препятствуя его растворению в глобальных юридических тенденциях. Отечественная судебная практика, лингвистическая экспертиза и нормативная политика демонстрируют устойчивую приверженность принципу языкового суверенитета, реализуемому через формализацию терминологического аппарата, стандартизацию официально-делового стиля и институционализацию механизмов лингвистической экспертизы. В этом смысле дивергенция не противопоставляется конвергенции, а образует с ней диалектическое единство: сближение правовых систем возможно лишь при сохранении их смысловой автономии.

На современном этапе юрислингвистическая конвергенция в российско-западном контексте приобретает характер выборочной интеграции. Заимствуются не нормы, а методы юридического мышления, принципы толкования и стандарты

[1] Третьякова О. Д. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций. Владимир: Издательство ВлГУ, 2019. С. 175–178.

аргументации, что способствует повышению качества отечественного правового языка. При этом данный процесс находится под контролем государства, задающего рамки нормативной адаптации через языковую и экспертную политику. Таким образом, формируется модель «контролируемой конвергенции», в которой приоритет принадлежит сохранению внутренней когерентности и смысловой целостности национальной правовой системы[1].

С учетом проведенного анализа представляется возможным предложить авторское определение рассматриваемого феномена. Юрислингвистическая конвергенция – это процесс функционально обусловленного сближения правовых систем, реализующийся через гармонизацию их языковых, понятийных и интерпретационных структур при сохранении национальной семантической идентичности и правовой автономии. Юрислингвистическая дивергенция, в свою очередь, – это механизм поддержания устойчивости правовой коммуникации, выражающийся в закреплении национальных норм юридического языка и защите смысловых границ правовой системы от внешних деформаций. Взаимодействие этих процессов формирует динамическое равновесие между интеграцией и сохранением культурно-правовой самобытности, что отражает современную тенденцию развития российского правового дискурса.

Таким образом, практика юрислингвистической конвергенции и дивергенции с зарубежными правовыми системами демонстрирует зрелость российского правового языка и его способность к адаптивному развитию. Современная российская модель сочетает элементы заимствования, критического переосмысления и нормативного саморегулирования, что обеспечивает ее устойчивость в условиях глобальных политико-правовых трансформаций. Именно в этом проявляется стратегическое значение юрислингвистического подхода: он позволяет не только анализировать формы языкового выражения права, но и управлять процессами его концептуальной эволюции.

[1] Брадецкая И. Г., Фысина У. Н. Юридическая лингвистика: учебное пособие. М.: РГУП, 2021. С. 73–75.

3.3 Восточные перспективы юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании

Смена приоритетов внешнего правового взаимодействия России приводит к переосмыслению лингвистических оснований права. Если на предыдущем этапе заимствование западных моделей сопровождалось ориентацией на англоязычную терминологию и юридико-технические стандарты оформления правовых текстов, то современный этап правового развития требует формирования самостоятельного понятийного аппарата на русском языке и учета иных цивилизационных предпосылок нормотворчества[1]. Юрислингвистическая конвергенция в восточном направлении понимается не как механическое выравнивание терминов, а как согласование понятийных рамок, при котором национальная семантика сохраняет определяющее значение. Такой подход снимает напряжение между переводом и смысловой точностью и позволяет избегать смещения акцентов при имплементации институтов.

Факторы, ускорившие эту переориентацию, носят комплексный характер. Санкционные ограничения сократили возможности правового диалога с западными юрисдикциями и одновременно стимулировали развитие многосторонних форм сотрудничества в ЕАЭС, ШОС, БРИКС. В этих форматах русский язык выступает не вспомогательным средством, а полноправным языком правовой коммуникации, что усиливает требования к терминологической выверенности и процессам перевода[2]. Возрастает значение единообразия понятий в национальной версии документов: от корректной фиксации дефиниций зависят интерпретация обязанностей участников и устойчивость правоприменительной практики.

---

[1] Лебедева Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 50–52.

[2] Брусенская Л. А. Правовое регулирование языка: русский язык в сфере юридического функционирования // Философия права. 2011. № 5. С. 15.

Отличия восточных правовых традиций обнаруживаются прежде всего в ценностных предпосылках правопонимания. Западная доктрина строится на индивидуалистическом рационализме и абстрактном равенстве субъектов; для восточных систем характерна идея гармонизации социальных отношений и приоритета общественного равновесия над формальной симметрией статусов[1]. Отсюда следуют особенности юридического дискурса: текст нормы одновременно фиксирует предписание и транслирует морально-социальные ориентиры. Конвергенция с такими системами требует аксиологической адаптации категорий – сопоставления не только словарных значений, но и функциональной роли понятий в регулятивной структуре.

При этом речь идет не об отказе от европейской правовой традиции, а о выстраивании многополярной системы взаимодействия, в которой универсальные принципы соотносятся с культурной спецификой без утраты нормативной определенности[2]. Восточное направление позволяет по-новому расставить акценты: единообразие достигается не путем нивелирования различий, а через процедурные решения, обеспечивающие сопоставимость норм при сохранении национальных смыслов. Такая конфигурация расширяет методологический инструментарий российского правоведения и задает более реалистичную перспективу для межправовой координации.

Важнейшим условием успеха становится развитие у юристов метаязыкового сознания – способности сопоставлять понятийные ряды различных правовых культур и удерживать смысловую точность в двуязычной (или многоязычной) среде[3]. Это не сводится к владению терминологией: требуются навыки выявления скрытых предпосылок, которые влияют на толкование нормы, и понимание того, как выбор языковой формы изменяет юридический результат. Восточная

---

[1] Карнаушенко Л. В. Диалектика правопонимания «восточной» и «западной» парадигмы восприятия правосудия в российском обществе // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4. С. 133.

[2] Кузнецов Н. А. Правовая мысль Востока в контексте российского общетеоретического правоведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4. С. 32–33.

[3] Лебедева Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 53–55.

юрислингвистическая конвергенция представляет собой не столько процесс перевода, сколько особую форму смыслового и институционального согласования права с национальными традициями и культурными кодами регионального правопорядка.

Сближение правовых систем России и Китая наглядно иллюстрирует реализацию восточной модели юрислингвистической конвергенции. Китайская правовая система сочетает в себе черты кодифицированного права и традиционной этико-нормативной регуляции, основанной на конфуцианских принципах социальной гармонии[1]. В отличие от западных систем, где преобладает формально-догматическая конструкция нормы, китайское право сохраняет связь с моральными категориями, а юридический текст нередко несет воспитательную и идеологическую нагрузку. Такое понимание определяет особенности юридического языка, в котором нормативная точность сочетается с метафоричностью и историко-культурными аллюзиями. Для России это взаимодействие значимо тем, что требует поиска новых методов сопоставления правовых терминов – не только по логической структуре, но и по смысловой глубине.

Процесс лексико-терминологического обмена между российским и китайским правом сопровождается адаптацией понятий, а не их прямым заимствованием. Многие русские юридические термины, вошедшие в китайскую лексику в советский период, сегодня претерпевают уточнение: при переводе учитываются национальные правовые реалии и семантическая нагрузка понятий «государственность», «правосудие», «законность»[2]. Эти различия не являются препятствием для сотрудничества, но требуют разработки единых методик межъязыковой терминологической корреляции. В этом смысле русско-китайский опыт показывает, что юридический перевод становится особой формой

[1] Трощинский П. В. Правовая система Китая. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 41–42.

[2] Кэюнь Д. К проблеме русского заимствования в юридическом китайском языке и перевода юридических словарей // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40. № 2. С. 247–248.

юридического мышления, направленной на достижение функциональной эквивалентности норм.

Существенный вклад в осмысление данной проблемы вносит исследование Н. Мельник и Е. Никифоровой, посвященное правовым ценностям в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России и Китая. На примере аксиологемы «историческая память» авторы показывают, что в обеих странах эта категория выполняет интегративную функцию: она обеспечивает преемственность права и укрепляет легитимность правопорядка[1]. Однако формы ее выражения различны. В российском законодательстве «историческая память» приобретает нормативный статус и включается в систему конституционных ценностей, тогда как в Китае она остается в большей степени моральным ориентиром, отраженным в судебной риторике и административных решениях. Это различие подтверждает: успешная конвергенция возможна лишь при учете культурных контекстов, формирующих семантическое наполнение юридических понятий.

Лингвистическое взаимодействие двух правовых систем имеет и прикладное измерение. В образовательной сфере растет интерес китайских университетов к русскому юридическому языку, что свидетельствует о переходе от прагматического к содержательному уровню конвергенции. Как отмечают Т. А. Козлова и Н. Ю. Чечина, обучение русской юридической терминологии требует методик, обеспечивающих понимание правовой логики, а не только языковой формы[2]. Усвоение лингвоправовых понятий в таком ключе способствует выработке единого профессионального кода, что облегчает разработку совместных нормативных проектов и правоприменительных документов.

Таким образом, российско-китайская юрислингвистическая конвергенция выстраивается не как процесс унификации, а как поиск функциональной совместимости правовых категорий. Россия вносит в этот диалог опыт системного

---

[1] Мельник Н., Никифорова Е. Правовые ценности в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России и Китая (на материале аксиологемы «историческая память») // Юрислингвистика. 2025. № 35. С. 77–79.

[2] Козлова Т. А., Чечина Н. Ю. Китайский язык в юридическом дискурсе: учебное пособие для студентов юридических факультетов. М.: МГЛУ, 2021. Ч. 1. С. 18–20.

нормотворчества и точности юридической дефиниции, а Китай – традицию смысловой и этической насыщенности правового языка. Их взаимодействие демонстрирует переход от западной идеи универсального «глобального правового языка» к модели, основанной на уважении к культурно-правовому многообразию. Это направление позволяет выработать более гибкие инструменты международного правового общения, при котором смысловая эквивалентность достигается через согласование ценностей, а не посредством механического копирования терминов.

Сфера охраны интеллектуальной собственности наиболее наглядно демонстрирует специфику восточной модели юрислингвистической конвергенции. Здесь взаимодействие России и Китая опирается не столько на унификацию правовых институтов, сколько на выработку общего понятийного аппарата, обеспечивающего сопоставимость норм при сохранении национальных особенностей. Как отмечает И. В. Бондаренко, развитие правового сотрудничества России и Китая в этой области сопровождается не только сближением законодательных подходов, но и разногласиями в интерпретации ключевых категорий, таких как «исключительное право», «коммерческая тайна» и «лицензионное соглашение»[1]. Эти расхождения связаны с различиями языковых систем и правовых традиций: в китайском праве приоритет отдается охране общественных интересов и технологического прогресса, тогда как российская доктрина акцентирует баланс частных и публичных начал.

Важным направлением конвергенции становится поиск адекватных переводческих решений для сложных правовых конструкций, не имеющих прямых эквивалентов. Проблема точности перевода усиливается при заключении двусторонних соглашений и арбитражных оговорок, где несовпадение терминов может повлечь расхождения в толковании обязательств сторон. Так, при передаче технологий российская сторона традиционно использует термин «отчуждение

[1] Бондаренко И. В. Правовое сотрудничество и разногласия России и Китая по защите интеллектуальной собственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-3. С. 62–63.

исключительного права», тогда как китайские документы фиксируют понятие «передача права использования», что влечет различие в объеме правомочий[1]. В результате значение приобретает не только правовая, но и лингвистическая экспертиза договорных текстов, способная установить функциональное соответствие терминов.

Заметную роль в устранении таких расхождений играет развитие совместных институтов в рамках международных объединений. В документах БРИКС и ЕАЭС постепенно формируются основы терминологической унификации, направленные на создание единого правового пространства в области инноваций и цифровых технологий[2]. Эта работа носит юрислингвистический характер, поскольку предполагает согласование не только норм, но и языковых средств их выражения. Принципиально важно, что унификация не навязывает общих формул, а исходит из признания многообразия национальных правовых языков. Такое решение отличается от западных интеграционных моделей, где унификация нередко ведет к подавлению языковой самобытности и стандартизации терминов без учета контекста их употребления.

Российско-китайское взаимодействие в сфере интеллектуальной собственности демонстрирует иной подход – «функциональное сближение» при сохранении национальных смыслов. Здесь основным инструментом становится двусторонний переводческий и экспертный анализ правовых текстов, позволяющий выработать устойчивые эквиваленты для ключевых категорий. В результате формируется собственный, евразийский вариант правового билингвизма, где русский и китайский языки выступают равноправными средствами юридического выражения. Такой подход не только укрепляет взаимное доверие между правовыми системами, но и способствует выработке новой

[1] Бондаренко И. В. Правовое сотрудничество и разногласия России и Китая по защите интеллектуальной собственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-3. С. 64.

[2] Национальные особенности и перспективы унификации частного права стран БРИКС: учебник: в 2 т. / под ред. К. М. Беликовой. М.: РУДН, 2015. Т. 2. С. 211–213.

культуры правового перевода, ориентированной на смысловую точность и институциональную совместимость.

Сотрудничество России и Китая в области интеллектуальной собственности подтверждает, что юрислингвистическая конвергенция на Востоке – это не копирование чужих моделей, а создание общего пространства правового смысла. Здесь язык выполняет не вспомогательную функцию, а становится условием успешного регулирования: через язык выстраивается баланс правовых интересов, формируется доверие к договорам и судебным решениям, укрепляется взаимодействие между национальными правовыми системами.

Опыт Республики Казахстан занимает особое место в развитии восточного вектора юрислингвистической конвергенции. В отличие от западных правовых систем, где язык рассматривается преимущественно как технический инструмент фиксации норм, казахстанская правовая политика сочетает в себе функции правового, культурного и идентификационного регулятора. Согласно Конституции Республики Казахстан, государственным языком является казахский, однако русский язык получает статус языка межнационального общения и используется в официальной сфере наравне с государственным[1]. Такая модель обеспечивает баланс между национальной языковой идентичностью и необходимостью правового взаимодействия с соседними государствами, включая Россию.

Закон «О языках в Республике Казахстан» закрепляет принцип функционального двуязычия, предусматривающий возможность издания нормативных актов одновременно на казахском и русском языках[2]. Этот механизм формирует уникальную практику правового билингвизма: тексты законов и подзаконных актов имеют равную юридическую силу в обеих языковых версиях. Однако при всей формальной симметрии сохраняется проблема смысловых расхождений между переводами. Различия грамматических конструкций и терминологических традиций нередко приводят к расхождению в интерпретации

[1] Конституция Республики Казахстан. Ст. 7. – URL: https://constitutionrk.kz/razdel-1/statya-7 (дата обращения: 02.11.2025).
[2] О языках в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан от 11.07.1997 № 151. – URL: https://election.gov.kz/rus/gos-yaz/docs/zakon-o-yaz-rus.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

норм, особенно в сферах административно-правового и финансово-правового регулирования. Для минимизации таких рисков в Казахстане активно развиваются процедуры лингвистической экспертизы нормативных актов, включающие проверку терминологической точности и семантического соответствия.

Современная языковая политика Казахстана направлена на консолидацию национальной идентичности при сохранении связей с русскоязычным правовым пространством. Как отмечает Д. А. Черничкин, язык в этой системе выполняет роль институционального механизма конструирования новой национальной идентичности, в которой правовая терминология становится символом государственной самостоятельности[1]. Вместе с тем отказ от взаимодействия с русским языком рассматривался бы как ослабление региональной интеграции, поэтому официальная политика строится на принципе постепенного «мягкого» перераспределения языковых ролей без вытеснения русского языка из юридического оборота. Этот подход отличается от западных моделей языковой стандартизации, где преобладает монолингвизм как условие юридической определенности.

Особое значение имеет перевод юридической терминологии в плоскости казахский – русский языки. По наблюдению Ж. А. Тукебаевой, многие казахские правовые термины при переводе на русский язык теряют часть семантических оттенков, связанных с национально-культурным контекстом[2]. Например, казахское понятие *әділет* («справедливость») несет в себе морально-религиозную коннотацию, которая в русском правовом языке выражается иначе. Для обеспечения адекватного перевода применяются принципы семантической эквивалентности и функциональной точности, а в сложных случаях используется аннотированный перевод с указанием толкования термина. Эта практика

[1] Черничкин Д. А. Языковая политика Республики Казахстан как механизм конструирования новой национальной идентичности // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 2. С. 109–111.

[2] Тукебаева Ж. А. Проблемы перевода юридической терминологии государственного языка при переводе на русский язык в Республике Казахстан // Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic. 2024. № 1. С. 38–39.

постепенно формирует собственный корпус двуязычных правовых терминов, что имеет значение не только для внутреннего законодательства, но и для международных договоров с участием Казахстана.

Таким образом, казахстанская модель правового билингвизма представляет собой пример устойчивой юрислингвистической конвергенции, сочетающей элементы языковой суверенности и интеграции с русскоязычным правовым пространством. Она демонстрирует возможность сохранения культурной самобытности без отказа от межгосударственной правовой коммуникации. При этом роль русского языка в казахстанском праве становится не просто технической, а концептуальной: он выступает связующим элементом евразийского правового пространства, обеспечивая преемственность понятий и взаимопонимание в правотворческой и судебной практике.

Русский язык продолжает играть значительную роль в юридической жизни стран Южного Кавказа. Несмотря на различия политических курсов Азербайджана и Армении, он остается одним из основных инструментов профессионального общения юристов и подготовки нормативных документов. В Азербайджанской Республике государственным признан азербайджанский язык, однако русский официально используется и активно применяется при подготовке нормативных актов[1]. На нем готовятся проекты законов, аналитические заключения, переводы международных соглашений. Это позволяет сохранять терминологическую согласованность и выстраивать устойчивые каналы взаимодействия.

Аналогична роль русского языка в Армении. По наблюдениям С. Ю. Камышевой и С. С. Масисян, он широко используется в юридическом образовании, переписке государственных органов, подготовке договоров и переводов международных актов[2]. Значительная часть профессиональной литературы и судебных обзоров публикуется на русском языке, что способствует единству понятийного аппарата и облегчает обмен опытом с Россией. Поддержка

[1] Абдуллаев Р. С. Русский и азербайджанский языки как объекты языковой политики в Азербайджанской Республике // Политическая лингвистика. 2021. № 2. С. 136–138.
[2] Камышева С. Ю., Масисян С. С. К вопросу о статусе русского языка в Республике Армения // Проблемы современной русистики. 2023. Т. 15. № 11. С. 24–26.

двуязычного обучения юристов рассматривается как необходимое условие участия страны в евразийских интеграционных процессах.

Практика составления двуязычных документов получила широкое распространение. В Азербайджане договоры с иностранными партнерами обычно оформляются на азербайджанском и русском языках; обе версии признаются равно аутентичными[1]. Такая техника повышает точность формулировок и снижает риск разночтений. В Армении русский язык нередко используется при разработке соглашений и нотариальных записей, а также для согласования терминов с актами ЕАЭС[2]. Это способствует единообразию понятий и предсказуемости толкования в трансграничных отношениях.

Русский язык сохраняет и ценностное значение. Он ассоциируется с традицией кодифицированного права, четкостью юридического изложения и развитой терминологией[3]. Сохранение этой традиции не означает культурной зависимости: речь идет о рациональном выборе языка, обеспечивающего доступ к обширной системе правовых понятий и доктринальных источников. Для обеих стран это средство профессиональной устойчивости и участия в общем правовом пространстве с Россией.

Таким образом, Азербайджан и Армения формируют собственный вариант восточной юрислингвистической конвергенции, основанный на двуязычном документообороте и согласовании терминологии. Русский язык выполняет здесь функцию связующего звена, обеспечивая преемственность понятий и сопоставимость национальных систем без потери их самобытности[4]. Подобная модель демонстрирует, что языковое многообразие при должной терминологической дисциплине может укреплять правовую определенность, а не подрывать ее.

---

[1] Абдуллаев Р. С. Указ. соч. С. 140–142.

[2] Камышева С. Ю., Масисян С. С. Указ. соч. С. 30–31; Берг Л. Н. Договорно-правовая база ЕАЭС: некоторые предложения по классификации // Международное право и международные организации. 2024. № 3. С. 54–56.

[3] Абдуллаев Р. С. Указ. соч. С. 142; Камышева С. Ю., Масисян С. С. Указ. соч. С. 35–36.

[4] Берг Л. Н. Договорно-правовая база ЕАЭС: некоторые предложения по классификации // Международное право и международные организации. 2024. № 3. С. 55–59.

Подписание 17 января 2025 г. Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран стало ключевым событием в формировании нового направления восточной конвергенции. Документ не только закрепил рамки политического и экономического взаимодействия, но и обозначил необходимость координации терминологии в области права и международных договоров[1]. Впервые в двусторонней практике особое внимание было уделено языковым формулировкам: предусмотрено ведение переговоров и подготовка текстов соглашений на русском, персидском и английском языках, при этом русская версия признана равно аутентичной. Такое решение отражает признание лингвистического равноправия и осознание значимости языка как фактора правовой точности.

Юридическая система Ирана строится на синтезе исламского права *(фикх)* и современных кодифицированных актов. Этот дуализм обусловливает специфику иранского правового языка: наряду с техническими терминами используются религиозно-этические категории, такие как *адл* (справедливость), шариат, *хукм* (предписание), которые несут не только нормативное, но и аксиологическое значение[2]. Для российской стороны взаимодействие с такой системой требует особой осторожности при переводе и согласовании понятий: буквальный перевод не всегда передает богословско-правовой смысл, а чрезмерная адаптация может привести к утрате релевантности. В этих условиях юридический перевод становится элементом правовой герменевтики – искусства толкования нормы через призму культурной традиции.

Конвергенция России и Ирана проявляется прежде всего в сближении методов правового регулирования финансового сектора, включая противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Как отмечают

---

[1] Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран (подписан в г. Москве 17.01.2025). – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6258 (дата обращения: 02.11.2025).

[2] Старжинская А. Н., Васюков В. Ф. Правовое регулирование системы мер противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в Исламской Республике Иран // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 1. С. 197–198.

А. Н. Старжинская и В. Ф. Васюков, иранская система *AML/CFT (Anti-Money Laundering/Counter Financing of Terrorism)* в последние годы претерпела значительные изменения под влиянием международных стандартов, но сохранила религиозно-нравственные основания регулирования[1]. Россия, имея развитую систему финансового мониторинга, придает значение языковой точности при обмене информацией и подготовке совместных правовых актов: терминологические расхождения в определениях «дохода», «финансовой операции» и «ответственности» могут иметь существенные последствия для правоприменения. В этом контексте юрислингвистическая конвергенция обеспечивает согласованность категорий и предотвращает семантические разрывы в международном сотрудничестве.

Особенность иранского направления заключается в том, что взаимодействие происходит не на основе готовых правовых шаблонов, а через поиск смысловых эквивалентов между различными правовыми культурами. Если западная практика склонна к унификации терминов в соответствии с англо-американскими стандартами, то российско-иранский формат демонстрирует иной подход: сохранение национальной лингвоправовой идентичности при согласовании содержания норм. В результате формируется пространство правовой кооперации, где язык становится не только инструментом перевода, но и средством выстраивания доверия между участниками правового процесса.

Взаимодействие России и Ирана в правовой сфере подтверждает, что восточная юрислингвистическая конвергенция основана на принципах диалогичности и смысловой точности. Здесь перевод приобретает статус юридического действия, а лингвистическая адаптация становится способом достижения взаимного понимания в условиях различий правовых культур. Эта модель демонстрирует зрелость российской правовой дипломатии и способность

[1] Старжинская А. Н., Васюков В. Ф. Правовое регулирование системы мер противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в Исламской Республике Иран // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 1. С. 200–203.

выстраивать сотрудничество не через стандартизацию, а через признание равенства языков и ценностей.

Евразийский экономический союз выступает наиболее институционализированным примером восточной юрислингвистической конвергенции. В отличие от западных интеграционных объединений, где языковое регулирование подчинено принципу унификации (как в праве Европейского Союза), в ЕАЭС приоритет отдан согласованию смыслов при сохранении языкового многообразия. В основу положен принцип аутентичности всех языковых версий договоров и актов, что позволяет учитывать национальные правовые традиции и специфику терминологии государств-участников[1]. Русский язык при этом выполняет роль рабочего и официального языка Союза, обеспечивая терминологическую стабильность и согласованность актов, принятых на разных национальных языках.

Как отмечает Л. Н. Берг, договорно-правовая база ЕАЭС сочетает элементы наднационального и межгосударственного регулирования, что делает языковую точность одним из ключевых факторов правовой эффективности[2]. При подготовке документов Союза используется система двустороннего и многостороннего контроля переводов: национальные органы согласуют тексты, а Евразийская экономическая комиссия осуществляет их сверку на предмет совпадения смыслов. Эта процедура, по сути, является формой юрислингвистической экспертизы, обеспечивающей правовую определенность без принудительной стандартизации терминологии. Такой подход демонстрирует важное отличие восточной интеграционной модели: она опирается не на жесткую унификацию форм, а на гибкое согласование понятийного содержания.

Языковая политика ЕАЭС тесно связана с задачей поддержания правового суверенитета его участников. В отличие от Европейского Союза, где лингвистическая унификация сопровождается сокращением роли национальных

---

[1] Берг Л. Н. Договорно-правовая база ЕАЭС: некоторые предложения по классификации // Международное право и международные организации. 2024. № 3. С. 52–54.
[2] Там же. С. 55–56.

языков в юридическом обороте, в ЕАЭС сохранение русского языка и национальных правовых терминов рассматривается как гарантия равенства государств[1]. В результате в правовом поле Союза формируется особый тип двуязычного правотворчества: базовые тексты составляются на русском языке, а затем адаптируются к национальной терминологии через систему скоординированных переводов и лингвистических справочников.

Этот процесс сопровождается развитием институциональных механизмов юрислингвистического взаимодействия. При Евразийской экономической комиссии создаются рабочие группы по терминологическому обеспечению права, а национальные министерства юстиции формируют глоссарии правовых понятий, согласованные с текстами ЕАЭС. Практика показывает, что наличие единого языкового стандарта не исключает национальных различий, а, напротив, позволяет систематизировать их и сделать прозрачными для правоприменения. Это особенно важно в сферах технического регулирования, таможенного права и интеллектуальной собственности, где точность перевода влияет на объем обязательств сторон и толкование правовых норм.

Таким образом, ЕАЭС представляет собой не только экономическое, но и лингвоправовое объединение, в котором язык становится инструментом интеграции и правовой устойчивости. Его модель демонстрирует, что согласование правовых смыслов возможно без отказа от национальной терминологии. Русский язык в этой системе выполняет функцию «точки отсчета» – универсального канала взаимопонимания, который связывает различные правовые культуры без навязывания единых формулировок. Это принципиально отличает восточную модель от западной, основанной на идее нормативного единообразия, и подтверждает способность евразийского права развиваться как полилингвистическая система, сохраняющая баланс между суверенитетом и интеграцией.

[1] БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / под науч. ред. И. Е. Дискина. Казань: Познание, 2024. С. 112–14.

Межгосударственное объединение БРИКС постепенно превращается в самостоятельное направление восточной правовой интеграции, в котором взаимодействие государств опирается на признание равноправия правовых культур и языков. В отличие от западных моделей международных организаций, где английский язык выступает доминирующим средством правовой коммуникации, в БРИКС сложилась многоязычная структура делопроизводства: тексты документов готовятся на языках всех участников, а русская версия рассматривается как одна из официальных[1]. Такая практика исключает асимметрию в толковании норм и обеспечивает лингвистическую прозрачность переговорного процесса. Для России это направление особенно значимо, поскольку позволяет реализовать принципы языкового равенства и правового суверенитета в международном правотворчестве.

Языковое взаимодействие внутри БРИКС сопровождается формированием новой методологии юридического перевода и межсистемного согласования понятий. Как отмечает П. В. Краснова, при обсуждении идеи создания Суда БРИКС по правам человека в 2016 г. особое внимание уделялось вопросу терминологического согласования: понятия «достоинство», «свобода», «ответственность» и «общественное благо» имеют различное содержание в правовых культурах участников[2]. В этой связи предлагалось разработать двуязычные (а в перспективе – многоязычные) глоссарии правовых категорий, отражающие национальные особенности их понимания. Подобная практика уже используется при подготовке совместных резолюций и программ сотрудничества в области международного права и прав человека.

Особенность формата БРИКС состоит в том, что он сочетает элементы академического и прикладного сотрудничества. В рамках правовых форумов и научных советов активно обсуждаются вопросы унификации терминологии, стандартов юридического образования и переводов нормативных актов.

---

[1] БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / под науч. ред. И. Е. Дискина. Казань: Познание, 2024. С. 118–120.

[2] Краснова П. В. Сравнительно-правовой анализ перспектив создания Евро-Азиатского суда и Суда БРИКС по правам человека // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 3. С. 66–67.

Российская школа юрислингвистики, опирающаяся на традиции лингвоправового анализа, здесь выступает методологическим центром, способным предложить подходы к оценке эквивалентности понятий и устранению семантических разрывов между языками. Как отмечают исследователи, работа с многоязычными текстами позволяет выявлять неочевидные расхождения в правовых концептах и предотвращать конфликты интерпретаций еще на стадии переговоров[1].

Таким образом, БРИКС формирует модель «горизонтальной» юрислингвистической конвергенции, где взаимодействие строится не по принципу централизации, а через сеть равноправных коммуникаций. Многоязычие здесь выступает не препятствием, а ресурсом, способным укреплять доверие между государствами и обеспечивать гибкость правового регулирования. Опыт БРИКС демонстрирует, что согласование правовых текстов возможно без отказа от национальной терминологии: достаточно создать единые процедуры лингвистической экспертизы и взаимного признания аутентичных версий документов. В этом проявляется зрелость восточного подхода к международному праву, ориентированного не на унификацию, а на согласование смыслов.

Институциональная близость форматов ЕАЭС и БРИКС создает основу для выработки общих механизмов юрислингвистической конвергенции. Оба объединения развиваются на принципах равенства участников, уважения к национальному суверенитету и признания многоязычия как естественного состояния международного права. В этом смысле можно говорить о формировании особого евразийского типа лингвоправовой интеграции, где язык не стандартизируется, а согласуется. Опыт ЕАЭС в обеспечении аутентичности текстов на нескольких языках дополняет многоязычную практику БРИКС, где перевод рассматривается как форма юридического диалога. Вместе они демонстрируют устойчивую тенденцию – переход от вертикальной унификации, характерной для Запада, к горизонтальному взаимодействию правовых культур.

[1] БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / под науч. ред. И. Е. Дискина. Казань: Познание, 2024. С. 145–147.

Постепенно складывается необходимость институционализации лингвистического сопровождения международного правотворчества. Речь идет не о создании централизованных структур контроля переводов, а о формировании сетевой системы экспертов и глоссариев, объединяющих специалистов по праву и лингвистике. В рамках ЕАЭС уже разрабатываются методические рекомендации по подготовке двуязычных нормативных актов, а в БРИКС обсуждается идея создания общей базы юридических терминов, содержащей комментарии о различиях их национального содержания. Эта тенденция отражает новую методологию: язык становится самостоятельным предметом международного правового регулирования, а не просто инструментом фиксации договорных формул.

Следующий шаг в развитии восточной конвергенции – формирование системы взаимного признания юридических переводов. Пилотные проекты такого рода уже обсуждаются в экспертных сообществах ЕАЭС и БРИКС. Суть инициативы заключается в создании «многоязычного корпуса договорного права», где каждая языковая версия нормативного акта сопровождается комментариями о ее национальных интерпретациях и возможных семантических расхождениях. Подобная база данных позволит повысить точность правоприменения и упростить согласование норм между странами с различными правовыми системами[1]. Более того, она станет практическим инструментом юрислингвистической экспертизы, способной предупреждать коллизии на стадии заключения международных договоров.

Эта работа имеет не только техническое, но и концептуальное значение. Ее результатом становится формирование новой культуры правовой коммуникации, основанной на признании многообразия языков и разнообразных правовых традиций. Россия, обладая богатым опытом терминологической систематизации и доктринальной работы с понятийным аппаратом, играет в этом процессе роль

[1] Краснова П. В. Сравнительно-правовой анализ перспектив создания Евро-Азиатского суда и Суда БРИКС по правам человека // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 3. С. 68–69.

координатора. Под ее влиянием восточная модель международного правотворчества постепенно приобретает черты лингвоправового плюрализма – формы, где язык служит выражением правовой идентичности, а не ее ограничением.

Взаимодействие ЕАЭС и БРИКС формирует новый уровень юрислингвистической конвергенции, основанный на институциональном многоязычии. Его сущность состоит в согласовании правовых понятий при сохранении культурной и лингвистической самостоятельности государств. Такая модель способна обеспечить баланс между точностью права и гибкостью его языкового выражения, что особенно важно в эпоху политических и экономических трансформаций, когда язык права становится инструментом стратегического сотрудничества, а не полем идеологических противостояний.

Рассмотренные направления восточной юрислингвистической конвергенции позволяют говорить о формировании особого типа международного правового взаимодействия, основанного не на подчинении единому языковому стандарту, а на согласовании понятий в условиях культурного и правового многообразия. В отличие от западной модели, где правовая унификация тесно связана с идеей нормативного универсализма, восточный подход ориентирован на диалог и поиск смыслового эквивалента между различными языками права. Этот сдвиг отражает изменение мирового правового баланса и переоценку роли языка как инструмента не только фиксации норм, но и формирования правовой идентичности.

Восточная модель конвергенции имеет выраженный аксиологический и культурный компонент. Для нее характерно внимание к исторической памяти, традициям и морально-правовым основаниям регулирования. Право здесь мыслится не как совокупность формализованных норм, а как средство поддержания социальной гармонии и справедливости – черта, унаследованная от исламской и конфуцианской правовых традиций. В этой связи язык права выступает носителем не только правовых смыслов, но и этических ориентиров, формируя пространство доверия и согласия между участниками. Для России этот опыт особенно важен: в условиях переориентации внешней политики на Восток

именно культура правового диалога становится основой укрепления международного авторитета и развития юридической науки.

Сравнительный анализ показывает, что восточная юрислингвистическая конвергенция формируется по принципу функциональной совместимости, а не структурного слияния систем. Китай, Казахстан, Иран, Азербайджан и Армения демонстрируют различные, но сходно направленные формы сотрудничества, где юридический язык становится средством адаптации норм и согласования терминологии. В этих процессах русский язык сохраняет ключевое значение: он служит инструментом смысловой координации и юридического посредничества, обеспечивая понятность правовых конструкций между государствами и создавая единую платформу для правотворчества. Именно русский язык выступает тем лингвистическим ядром, вокруг которого выстраивается евразийское правовое пространство – не как зона влияния, а как поле взаимного уважения и правового сотрудничества.

Восточная юрислингвистическая конвергенция проявляется в трех ключевых формах. Во-первых, в создании двуязычных и многоязычных нормативных актов, равнозначных по юридической силе, что снижает риски коллизий и усиливает доверие к международным документам. Во-вторых, в формировании институтов лингвистической экспертизы и терминологических глоссариев при ЕАЭС и БРИКС, обеспечивающих сопоставимость понятийных систем. В-третьих, в развитии новой культуры юридического перевода, ориентированной на смысловую эквивалентность, а не буквальное соответствие. Эти процессы формируют «архитектуру доверия», в которой язык становится не препятствием, а гарантией правовой устойчивости.

Авторская позиция заключается в том, что восточная юрислингвистическая конвергенция представляет собой не временную адаптацию к политическим реалиям, а системный поворот в правовом мышлении России. Это, в свою очередь, означает, что утвердилось признание многополярности и трансформировалось политическое мышление.

Санкционное давление и кризис западных интеграционных моделей лишь ускорили процесс формирования нового правового дискурса, в котором приоритет отдан культурному суверенитету и равноправию языков. Российская правовая доктрина, опираясь на богатую лингвистическую традицию, способна предложить методологию смысловой согласованности норм, применимую в многоязычном мире. Таким образом, восточная конвергенция – это не противопоставление Западу, а реализация идеи полицентризма в праве, где каждый язык становится самостоятельным источником правовой рациональности и носителем культурной ценности.

В итоге можно заключить, что юрислингвистическая конвергенция на Востоке открывает перспективу перехода от унифицирующего к диалогическому типу правового развития. Россия, обладая опытом системного нормотворчества и межкультурной правовой коммуникации, занимает в этом процессе ведущие позиции. Укрепление русского языка как языка международного права, формирование институтов лингвистической экспертизы и развитие двуязычных моделей законодательства становятся стратегическими инструментами современного правового государства. Восточная перспектива не замыкает Россию в региональных границах, а напротив – открывает путь к многоуровневой, смыслоцентричной правовой интеграции, где язык и право образуют единую гуманитарно-нормативную систему, способную обеспечить устойчивость международных отношений в XXI в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании решена научная задача комплексного теоретико-правового и юрислингвистического осмысления феномена юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании. На основе междисциплинарного подхода, объединяющего общетеоретические и юрислингвистические аспекты правового анализа и опирающегося на концепцию юридической конвергенции, разработана целостная модель юрислингвистической конвергенции как особого измерения правовой реальности, в котором согласуются норма, смысл и язык. Поставленная цель исследования достигнута, все сформулированные во введении задачи, связанные с раскрытием понятия, методологических оснований, механизма, техники и критериев эффективности юрислингвистической конвергенции, получили последовательное решение.

Юрислингвистическая конвергенция обоснована как самостоятельная категория юридической науки и структурное свойство современного права, отражающее закономерную тенденцию к единству правовой коммуникации при сохранении национально-правовой идентичности. Она показана как процесс целенаправленного согласования языковых средств выражения правовых норм между различными правовыми системами и институтами, отличающийся от унификации и гармонизации тем, что фиксирует прежде всего коммуникативную сторону правового регулирования. В рамках исследования раскрыта взаимосвязь юридической и юрислингвистической конвергенции, обосновано значение юрислингвистической меры как предела допустимого сближения языков права, предотвращающего семантическое размывание ключевых для национальной правовой традиции понятий.

Сформирована многоуровневая методология изучения юрислингвистической конвергенции, включающая философско-правовой, когнитивно-семиотический, дискурсивно-коммуникативный и нормативно-технический уровни анализа. На этой основе язык права последовательно показан

не как внешняя оболочка нормы, а как инструмент конструирования и поддержания целостности правовой системы. Разработанная юрислингвистическая методология отграничена от методологии юридического перевода и представлена как система методов, нацеленная не на техническое обеспечение эквивалентности готовых текстов, а на конструирование таких языковых форм, которые обеспечивают понятность и сопоставимость правовых норм в условиях взаимодействия правовых систем и языков.

В рамках предложенного подхода обосновано придание механизму юрислингвистической конвергенции статуса самостоятельного элемента механизма правового регулирования. Механизм описан как многоуровневая система согласованных правовых и языковых средств, обеспечивающих выравнивание смыслов норм, терминов и категорий в условиях нормативной многослойности и взаимодействия различных правовых систем. Выделены его базовые элементы (нормативный, институциональный, процедурный, когнитивно-коммуникативный) и частные языковые модели конвергенции – понятийная, лексико-терминологическая, морфологическая, словообразовательная, синтаксическая и контекстуальная, – которые в совокупности обеспечивают не только формальное совпадение формулировок, но и смысловое единообразие правового регулирования при сохранении национальной правовой идентичности.

В диссертационном исследовании разработана специальная техника юрислингвистической конвергенции как совокупность юридико-языковых средств, приемов и правил, обеспечивающих согласование смыслов правовых норм в условиях межсистемного взаимодействия. Показано, что техника юрислингвистической конвергенции отличается от техники юридического перевода как по целям, так и по функциональной направленности: если перевод ориентирован на воспроизведение содержания конкретного текста, то юрислингвистическая конвергенция направлена на формирование устойчивых, сопоставимых и единообразно толкуемых смыслов, закрепленных в терминологии и формулировках норм в условиях многоязычного правового пространства. Обосновано, что именно техника конвергенции обеспечивает переход от

формального совпадения языковых оболочек к согласованности содержания правовых норм, лежащих в основе правового регулирования.

Систематизированы и описаны основные средства юрислингвистической конвергенции. Установлено, что данные средства не обладают автономным характером и реализуются только в составе целостной юрислингвистической процедуры. Особое внимание уделено роли дефиниций как ключевого инструмента закрепления конвергентных правовых смыслов, позволяющего устранить расхождения между доктринальным и нормативным уровнями языка права.

В диссертации сформулированы критерии эффективности юрислингвистической конвергенции, обеспечивающие сопоставимость правовых понятий, устойчивость интерпретации и прозрачность правовой коммуникации в условиях взаимодействия правовых систем и языков. Показано, что эффективность юрислингвистической конвергенции не может оцениваться исключительно по формальным языковым показателям, поскольку ее подлинный результат проявляется в сфере правоприменения – в единообразии понимания нормы, предсказуемости юридических последствий и снижении конфликтного потенциала правовой коммуникации.

Обосновано, что в условиях современного взаимодействия правовых систем юрислингвистическая конвергенция выступает не вспомогательным, а системообразующим фактором устойчивости правового регулирования. Она обеспечивает баланс между потребностью в согласовании моделей правового регулирования и необходимостью сохранения национально-правовой специфики. Тем самым юрислингвистическая конвергенция показана как инструмент не нивелирования правовых различий, а их упорядоченного смыслового согласования.

В диссертации последовательно раскрыта специфика западной модели юрислингвистической конвергенции, сформировавшейся в рамках англо-американской правовой традиции и ориентированной преимущественно на ретроспективное согласование правовых смыслов. Юрислингвистическая конвергенция направлена на последующее согласование смыслов, возникающих в

результате судебной практики, а не на их предварительное нормативное закрепление.

Показано, что западная модель конвергенции ориентирована на экспансию англоязычного юридического дискурса как универсального средства правовой коммуникации. Такая ориентация порождает риски семантической ассимиляции национальных правовых понятий, подмены собственных категориальных структур заимствованными терминами и утраты смысловой автономии национальных правовых систем. При этом унификация языка права в рамках данной модели нередко носит формальный характер и не всегда сопровождается эквивалентностью регулятивной функции правовых норм.

В противоположность этому в диссертации обоснована восточная модель юрислингвистической конвергенции, которая представлена как особый тип взаимодействия правовых систем, основанный не на унификации, а на согласовании правовых смыслов при сохранении национально-правовой идентичности. Восточная модель предполагает перспективное, а не ретроспективное согласование правовых смыслов, при котором первостепенное значение придается не воспроизведению терминов, а сопоставлению аксиологических оснований, регулятивных функций и культурно-правовых смыслов правовых норм.

В рамках евразийского правового пространства юрислингвистическая конвергенция реализуется именно по восточной модели и строится по принципу функциональной совместимости правовых категорий. Эквивалентность достигается не за счет механического копирования англоязычных юридических терминов, а через сопоставление ценностей, правовых целей и механизмов правового воздействия. В результате евразийская модель конвергенции ориентирована на создание согласованного, но не унифицированного правового пространства, допускающего множественность моделей правового регулирования при единстве смысловых оснований.

Обосновано, что восточная юрислингвистическая конвергенция формирует особый тип международного правового взаимодействия, отличающийся от

западного отказом от навязывания единого «глобального правового языка» и ориентацией на диалог правовых культур. В рамках данной модели правовой язык выступает не как инструмент ассимиляции, а механизмом смыслового согласования, обеспечивающим устойчивость межправовой коммуникации без разрушения национальных правовых традиций.

В диссертационном исследовании показано, что в рамках евразийской модели юрислингвистической конвергенции русский язык выполняет функцию системообразующего элемента. Он обеспечивает понятийную преемственность между правовыми системами Китая, Казахстана, Ирана, Азербайджана, Армении и государств – участников ЕАЭС и БРИКС, выступая средством смысловой координации, а не инструментом языковой ассимиляции. Именно через русский язык осуществляется согласование правовых категорий, дефиниций и механизмов правового регулирования, что позволяет формировать устойчивые связи между правовыми системами без размывания национально-правовой идентичности.

Установлено, что роль русского языка в евразийской юрислингвистической конвергенции имеет не только коммуникативное, но и нормообразующее значение. Он участвует в формировании общего понятийного поля, в рамках которого обеспечивается сопоставимость правовых смыслов, интерпретационная устойчивость норм и предсказуемость правоприменения. В этой связи русский язык выступает как элемент инфраструктуры евразийского правового пространства, обеспечивающий его целостность на уровне смысла, а не только текста.

В ходе исследования выявлено, что эффективность юрислингвистической конвергенции напрямую связана с уровнем разработки и упорядоченности юридической терминологии, а также с институционализацией юрислингвистических процедур. Обосновано, что отсутствие единых подходов к толкованию оценочных категорий («факт», «оценочное суждение», «призыв», «дискредитация», «унижение» и др.) порождает риски смысловой фрагментации правового регулирования даже при формальной языковой близости правовых систем.

В связи с этим в диссертации аргументирована необходимость институционализации юрислингвистической экспертизы переводов международных договоров и многоязычных правовых актов, в том числе в рамках евразийских интеграционных процессов. Такая экспертиза рассматривается не как вспомогательная техническая процедура, а как элемент механизма правового регулирования, направленный на предупреждение смысловых расхождений, искажения дефиниций и интерпретационных конфликтов на стадии формирования нормативного правового текста.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в развитии положений общей теории права, юридической лингвистики, сравнительного правоведения и теории юридического языка. Полученные выводы дополняют научные представления о закономерностях взаимодействия правовых систем в условиях многополярного мира и культурно-правового многообразия, а также уточняют роль языка как конструктивного элемента правовой системы.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов в правотворческой, правоприменительной и экспертной деятельности. Сформулированные положения могут быть использованы при разработке и юрислингвистической экспертизе международных договоров и многоязычных правовых актов, в практике официального перевода нормативных правовых текстов, в деятельности органов публичной власти, а также в системе профессиональной подготовки специалистов в области международного права, юридического перевода и юрислингвистической экспертизы. Материалы диссертации могут применяться в учебном процессе при преподавании дисциплин, связанных с теорией права, юридической лингвистикой, сравнительным правоведением и правовой коммуникацией.

Несмотря на достигнутые результаты, многоаспектность проблематики юрислингвистической конвергенции обусловливает необходимость ее дальнейшего научного осмысления. Перспективными направлениями последующих исследований являются углубленный анализ отраслевых проявлений юрислингвистической конвергенции, разработка специальных стандартов

юрислингвистической экспертизы для различных видов правовых актов, а также изучение влияния цифровизации и искусственного интеллекта на процессы формирования, трансляции и конвергенции правовых смыслов.

Таким образом, в диссертационном исследовании поставленная цель достигнута, задачи решены, а полученные научные результаты образуют целостную теоретико-прикладную концепцию юрислингвистической конвергенции как особого механизма согласования содержания правовых норм и понятийно-терминологического аппарата в условиях современного взаимодействия правовых систем. Представленная в работе модель юрислингвистической конвергенции ориентирована не на нивелирование правовых различий, а на их функциональное и смысловое согласование, что придает ей устойчивое значение для развития евразийского правового пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран : [подписан в г. Москве 17.01.2025]. – Текст : электронный // Официальный сетевой ресурс Президента России : [сайт]. – URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 02.11.2025).

2. **Российская Федерация. Законы.** Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

3. **Российская Федерация. Законы.** Бюджетный кодекс Российской Федерации : БК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 28.11.2025 : [принят Государственной Думой 17 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

4. **Российская Федерация. Законы.** Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : ГК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 24.06.2025 : [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

5. **Российская Федерация. Законы.** Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : ГК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 31.07.2025 : [принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.]. – Текст :

электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

6. **Российская Федерация. Законы.** Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : ГК РФ : текст с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.07.2025 : [принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г. : одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

7. **Российская Федерация. Законы.** Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : ГПК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 31.07.2025 : [принят Государственной Думой 23 октября 2002 г. : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

8. **Российская Федерация. Законы.** Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП РФ : текст с изменениями и дополнениями на 15.12.2025 : [принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

9. **Российская Федерация. Законы.** Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : НК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 28.11.2025 : [принят Государственной Думой 16 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

10. **Российская Федерация. Законы.** Трудовой кодекс Российской Федерации : ТК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 29.09.2025 : [принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации

26 декабря 2001 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

11. **Российская Федерация. Законы.** Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 17.11.2025 (с изм. от 17.12.2025) : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

12. **Российская Федерация. Законы.** О безопасности гидротехнических сооружений : Федеральный закон № 117-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 08.08.2024 [принят Государственной Думой 23 июня 1997 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

13. **Российская Федерация. Законы.** О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации : Федеральный закон № 389-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 28.11.2025 [принят Государственной Думой 21 июля 2023 г. : одобрен Советом Федерации 28 июля 2023 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

14. **Российская Федерация. Законы.** О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон № 248-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 24.06.2025 [принят Государственной Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата

обращения: 21.12.2025).

15. **Российская Федерация. Законы.** О государственном языке Российской Федерации : Федеральный закон № 53-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 22.04.2024 [принят Государственной Думой 20 мая 2005 г. : одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

16. **Российская Федерация. Законы.** О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон № 44-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 26.12.2024 [принят Государственной Думой 22 марта 2013 г. : одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

17. **Российская Федерация. Законы.** О персональных данных : Федеральный закон № 152-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 24.06.2025 [принят Государственной Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

18. **Российская Федерация. Законы.** О противодействии терроризму : Федеральный закон № 35-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 28.02.2025 [принят Государственной Думой 26 февраля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

19. **Российская Федерация. Законы.** О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон № 114-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 27.10.2025 [принят Государственной Думой 27 июня 2002 г. : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г.]. – Текст : электронный //

Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

20. **Российская Федерация. Законы.** Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон № 172-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 30.09.2024 [принят Государственной Думой 3 июля 2009 г. : одобрен Советом Федерации 7 июля 2009 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

21. **Российская Федерация. Законы.** Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон № 33-ФЗ [принят Государственной Думой 5 марта 2025 г. : одобрен Советом Федерации 14 марта 2025 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

22. **Российская Федерация. Законы.** Об обязательных требованиях в Российской Федерации : Федеральный закон № 247-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 28.02.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) [принят Государственной Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

23. **Российская Федерация. Законы.** Об опеке и попечительстве : Федеральный закон № 48-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 29.09.2025 [принят Государственной Думой 11 апреля 2008 г. : одобрен Советом Федерации 16 апреля 2008 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

24. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в

многоквартирных домах и жилых домов (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») : Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 : текст с изменениями и дополнениями на 25.11.2025. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

25. **Владимирская область. Закон.** Избирательный кодекс Владимирской области : Закон Владимирской области № 10-ОЗ : текст с изменениями на 11.11.2025 [принят Законодательным Собранием Владимирской области 13 февраля 2003 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – 2025. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.12.2025).

Правила, стандарты и иные официальные документы

26. ГОСТ Р 7.0.97–2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов : Приказ Росстандарта № 622-ст от 26 июня 2025 г. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510883/ (дата обращения: 21.12.2025).

27. Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации [Методическое письмо] : Протокол ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России № 2 от 17 июня 2022 г. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449729/ (дата обращения: 21.12.2025).

Нормативные правовые акты иностранных государств

28. Конституция Республики Казахстан. – Текст : электронный. // Конституция Республики Казахстан : [сайт]. – 2025. – URL: https://constitutionrk.kz/razdel-1/statya-7 (дата обращения: 02.11.2025).

29. О языках в Республике Казахстан : закон Республики Казахстан № 151 от 11.07.1997. – Текст : электронный. // Центральная избирательная коммиссия Республики Казахстан : [сайт]. – 2025. – URL: https://election.gov.kz/rus/gos-yaz/docs/zakon-o-yaz-rus.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

Правила, стандарты и иные официальные документы иностранных государств

30. ISO 704:2022. Terminology work – Principles and methods. – 4th ed. – Geneva : International Organization for Standardization, 2022. – 15 p. – Text : direct.

31. Joint Practical Guide of the European Parliament, the Council and the Commission. – Brussels : Council of the European Union, 2023. – 91 p. – Text : direct.

32. OECD. Regulatory Policy Outlook 2025. – Paris : OECD, 2025. – 234 p. – Text : direct.

Материалы судебной практики

33. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 25.12.2018 № 49] // Российская газета. – 11.01.2019. – № 4. – Текст : непосредственный.

34. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 27.09.2016 № 36] // Российская газета. –

03.10.2016. – № 222. – Текст : непосредственный.

35. О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума ВАС РФ [от 30.07.2013 № 57]. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151174/ (дата обращения: 21.12.2025).

36. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 24.03.2005 № 5] // Российская газета. – 19.04.2005. – № 80. – Текст : непосредственный.

37. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 15.11.2022 № 33] // Российская газета. – 25.11.2022. – № 267. – Текст : непосредственный.

38. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 25.12.2018 № 50] // Российская газета. – 15.01.2019. – № 6. – Текст : непосредственный.

39. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 24.03.2016 № 7] // Российская газета. – 04.04.2016. – № 70. – Текст : непосредственный.

40. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 23.06.2015 № 25] // Российская газета. – 30.06.2015. – № 140. – Текст : непосредственный.

41. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 24.02.2005 № 3] // Российская газета. – 15.03.2005. – № 50. – Текст : непосредственный.

42. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 16.10.2009 № 19] // Российская газета. – 30.10.2009. – № 207. – Текст : непосредственный.

43. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 30.11.2017 № 48] // Российская газета. – 11.12.2017. – № 280. – Текст : непосредственный.

44. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 28.06.2011 № 11] // Российская газета. – 04.07.2011. – № 142. – Текст : непосредственный.

45. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды : постановление Пленума ВАС РФ [от 12.10.2006 № 53]. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894/ (дата обращения: 21.12.2025).

46. Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ) [от 13.12.2023]. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464347/ (дата обращения: 21.12.2025).

47. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ) [от 16.03.2016] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 10. – Текст : непосредственный.

48. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ) [от 18.06.2025]. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508032/ (дата обращения:

21.12.2025).

49. Определение Арбитражного суда Томской области от 03.09.2014 (полный текст изготовлен 11.09.2014) по делу № А67-3333/2012. – Текст : электронный // Электронные системы Поволжья : [сайт]. – 2025. – URL: https://el-torg.com/sites/default/files/1412/140911%2803%29%20%D0%A0%D1%9B%20%D0%A0%D1%97%D0%A1%D0%82%D0%A0%D1%91%D0%A0%D0%86%D0%A0%C2%BB%D0%A0%C2%B5%D0%A1%E2%80%A1%D0%A0%C2%B5%D0%A0%D0%85%D0%A0%D1%91%D0%A0%D1%91%20%D0%A0%D1%94%20%D0%A1%D0%83%D0%A1%D1%93%D0%A0%C2%B1%D0%A1%D0%83%D0%A0%D1%91%D0%A0%D2%91%D0%A0%D1%91%D0%A0%C2%B0%D0%A1%D0%82%D0%A0%D0%85%D0%A0%D1%95%D0%A0%E2%84%96%20%D0%A0%D1%95%D0%A1%E2%80%9A%D0%A0%D0%86%D0%A0%C2%B5%D0%A1%E2%80%9A%D0%A1%D0%83%D0%A1%E2%80%9A%D0%A0%D0%86%D0%A0%C2%B5%D0%A0%D0%85%D0%A0%D0%85%D0%A0%D1%95%D0%A1%D0%83%D0%A1%E2%80%9A%D0%A0%D1%91.pdf (дата обращения: 21.12.2025).

50. Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2021 № 305-ЭС21-6623 по делу № А40-232183/2019. – Текст : электронный // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. – 2025. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28052021-n-305-es21-6623-po-delu-n-a40-2321832019/?ysclid=mjfv5m4cvp583115572 (дата обращения: 21.12.2025).

51. Постановление ФАС Уральского округа от 03.07.2014 № Ф09-3540/14 по делу № А76-19021/2013. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=154134#RbTk16VqoabtoMMe1 (дата обращения: 21.12.2025).

Отечественные научные и научно-популярные издания

52. **Абдуллаев, Р. С.** Русский и азербайджанский языки как объекты языковой политики в Азербайджанской Республике / Р. С. Абдуллаев //

Политическая лингвистика. – 2021. – № 2. – С. 134–145. – Текст : непосредственный.

53. **Авраменко, Л. В.** Значение категорий «сущность», «содержание» и «форма» в формулировании понятия права / Л. В. Авраменко // Проблемы законности. – 2014. – № 125. – С. 41–50. – Текст : непосредственный.

54. **Акишин, М. О.** Государственный и юридический языки Российской империи XIX века / М. О. Акишин // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 5. – С. 56–73. – Текст : непосредственный.

55. **Алексеев, С. С.** Общая теория права : курс в 2 т. / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1982. – Т. 2. – 359 с. – Текст : непосредственный.

56. **Алексеев, С. С.** Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 709 с. – Текст : непосредственный.

57. **Алексеев, С. С.** Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19. – Текст : непосредственный.

58. **Алексеев, С. С.** Собрание сочинений : в 10 т. / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – Т. 5. – 547 с. – Текст : непосредственный.

59. **Алексеев, С. С.** Собрание сочинений : в 10 т. / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – Т. 3. – 779 с. – Текст : непосредственный.

60. **Алексеев, С. С.** Теория права / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : БЕК, 1995. – 311 с. – Текст : непосредственный.

61. **Амосова, Т. В.** Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика / Т. В. Амосова, А. В. Юрковский, Е. А. Юрковская // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 9. – С. 96–107. – Текст : непосредственный.

62. **Андреева, Л. А.** Юридическая техника : учебное пособие / Л. А. Андреева. – Великий Новгород : Филиал РГГУ в г. Великий Новгород, 2014. – 125 с. – Текст : непосредственный.

63. **Андриенко, Д. Г.** Технико-юридические средства обеспечения адекватности языка закона / Д. Г. Андриенко // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 9. – С. 5–8. – Текст : непосредственный.

64. **Антопольский, А. Б.** Лингвистические ресурсы и технологии в России: состояние и перспективы / А. Б. Антопольский // Социальные новации и социальные науки. – 2021. – № 2. – С. 114–131. – Текст : непосредственный.

65. **Апасова, Ю. Н.** К вопросу понятия юридического перевода с точки зрения права / Ю. Н. Апасова // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2021. – Т. 46. – № 1. – С. 27–35. – Текст : непосредственный.

66. **Асадов, Р. Б.** Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции / Р. Б. Асадов // Право и политика. – 2025. – № 8. – С. 1–18. – Текст : непосредственный.

67. **Асадов, Р. Б.** Правовая терминология и культурный код: перспективы юрислингвистической дивергенции в российском законодательстве / Р. Б. Асадов // Право и политика. – 2025. – № 6. – С. 106–120. – Текст : непосредственный.

68. **Атабекова, А. А.** Юридический перевод в междисциплинарном контексте : монография / А. А. Атабекова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 131 с. – Текст : непосредственный.

69. **Атарщикова, Е. Н.** Форма, содержание и язык права / Е. Н. Атарщикова, Е. Е. Некрасов // Общество и право. – 2012. – № 5. – С. 21–26. – Текст : непосредственный.

70. **Баседов, Ю.** Возрождение процесса унификации права: европейское договорное право и его элементы / Ю. Баседов // Государство и право. – 2000. – № 2. – С. 65–76. – Текст : непосредственный.

71. **Балдин, А. К.** Юридико-лингвистическая неопределенность: коррупционная угроза правоприменительной практике / А. К. Балдин // Вестник

Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 5. – С. 166–170. – Текст : непосредственный.

72. **Барабаш, О. В.** Научные исследования в координатах языка и права / О. В. Барабаш, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 4. – С. 87–99. – Текст : непосредственный.

73. **Барабаш, О. В.** Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы / О. В. Барабаш // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 14–18. – Текст : непосредственный.

74. **Баранов, А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – Москва, 2007. – 592 с. – Текст : непосредственный.

75. **Баранов, В. М.** Гармонизация законодательства как базовая юридическая конструкция инновационного правового развития государства / В. М. Баранов, М. А. Пшеничнов // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 71–77. – Текст : непосредственный.

76. **Баранов, В. М.** Гармонизация законодательства как общеправовой феномен / В. М. Баранов, М. А. Пшеничнов // Журнал российского права. – 2009. – № 6. – С. 41–46. – Текст : непосредственный.

77. **Баранов, В. М.** О качестве изложения проблем юридической техники в вузовской учебно-методической литературе по теории государства и права постсоветского периода / В. М. Баранов // Юридическая техника. – 2009. – № 3. – С. 14–26. – Текст : непосредственный.

78. **Баранов, В. М.** Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов. – Москва : Проспект, 2021. – 648 с. – Текст : непосредственный.

79. **Батурина, Ю. Б.** Правовая форма и правовое средство в системе понятий : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Батурина Юлия Борисовна ; Академия управления МВД России. – Москва, 2001. – 149 с. – Текст : непосредственный.

80. **Батыршин, Р. И.** К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы / Р. И. Батыршин // Вестник культуры и искусств. – 2024. – № 1. – С. 46–54. – Текст : непосредственный.

81. **Батюшкина, М. В.** Юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов / М. В. Батюшкина // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 138–154. – Текст : непосредственный.

82. **Бачило, И. Л.** Проблемы гармонизации в законодательстве / И. Л. Бачило // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 84–92. – Текст : непосредственный.

83. **Бегишева, О. С.** Эволюция научных взглядов на роль науки о языке в юридической технике (по материалам сборников «Юридическая техника») / О. С. Бегишева // Юрислингвистика. – 2023. – № 29. – С. 31–36. – Текст : непосредственный.

84. **Безбородов, Ю. С.** Методы и формы правовой конвергенции в международном праве : монография / Ю. С. Безбородов. – Москва : Проспект, 2020. – 240 с. – Текст : непосредственный.

85. **Безбородов, Ю. С.** О международно-правовых формах правовой конвергенции / Ю. С. Безбородов // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 4. – С. 57–62. – Текст : непосредственный.

86. **Безлепкин, Н. И.** Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии / Н. И. Безлепкин. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2002. – 272 с. – Текст : непосредственный.

87. **Беликов, В. И.** Языковые контакты и генеалогическая классификация / В. И. Беликов // Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Языкознание. – 2009. – № 1. – С. 49–68. – Текст : непосредственный.

88. **Белинский, В. Г.** Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья первая. Статья вторая и последняя / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений : в 12 т. – Петроград : Типо-литография А. Э. Винеке, 1917. – Т. 11. – С. 75–149. – Текст : непосредственный.

89. **Белов, С. А.** Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / С. А. Белов, К. В. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 610–625. – Текст : непосредственный.

90. **Белов, С. А.** Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов / С. А. Белов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 293–308. – Текст : непосредственный.

91. **Белов, С. А.** Язык юридических документов: сложности понимания / С. А. Белов, В. Б. Гулида // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2019. – Т. 1. – № 15. – С. 56–103. – Текст : непосредственный.

92. **Белоусов, С. А.** Дисбаланс российского законодательства и информационная избыточность нормативно-правового текста: соотношение и взаимосвязь / С. А. Белоусов // Правовая культура. – 2015. – № 4. – С. 48–57. – Текст : непосредственный.

93. **Берг, Л. Н.** Договорно-правовая база ЕАЭС: некоторые предложения по классификации / Л. Н. Берг // Международное право и международные организации. – 2024. – № 3. – С. 51–59. – Текст : непосредственный.

94. **Болдырев, С. Н.** Дефиниция как средство юридической техники / С. Н. Болдырев // Философия права. – 2014. – № 4. – С. 48–51. – Текст : непосредственный.

95. **Бондаренко, И. В.** Правовое сотрудничество и разногласия России и Китая по защите интеллектуальной собственности / И. В. Бондаренко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11-3. – С. 62–65. – Текст : непосредственный.

96. **Борисова, Л. А.** Основы юридического перевода : монография / Л. А. Борисова. – Москва : Р.Валент, 2024. – 208 с. – Текст : непосредственный.

97. **Брадецкая, И. Г.** Юридическая лингвистика / И. Г. Брадецкая, У. Н. Фысина ; Российский государственный университет правосудия. – Москва : РГУП, 2021. – 100 с. – Текст : непосредственный.

98. БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / под науч. ред. И. Е. Дискина. – Казань : Познание, 2024. – 224 с. – Текст : непосредственный.

99. **Брусенская, Л. А.** Правовое регулирование языка: русский язык в сфере юридического функционирования / Л. А. Брусенская // Философия права. – 2011. – № 5. – С. 15. – Текст : непосредственный.

100. **Будилов, В. М.** Перевод правовых текстов: философские, теоретико-правовые и методологические аспекты / В. М. Будилов // Правоведение. – 2017. – № 2. – С. 42–91. – Текст : непосредственный.

101. **Васильева, Т. А.** Как написать закон / Т. А. Васильева. – Москва : Юрайт, 2012. – 148 с. – Текст : непосредственный.

102. **Власенко, Н. А.** Конкретизация в праве: методологические основы исследования / Н. А. Власенко // Журнал российского права. – 2014. – № 7. – С. 60–75. – Текст : непосредственный.

103. **Власенко, Н. А.** Язык права : монография / Н. А. Власенко. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 176 с. – Текст : непосредственный.

104. **Галяшина, Е. И.** Судебная лингвистическая экспертиза : учебник / Е. И. Галяшина. – Москва : Проспект, 2021. – 423 с. – Текст : непосредственный.

105. **Герасименко, Ю. А.** Нормы-оговорки и отсылки в законодательстве: аспекты соотношения / Ю. А. Герасименко // Юридическая лингвистика. – 2023. – № 28. – С. 49–53. – Текст : непосредственный.

106. **Герасимова, Н. Р.** Средства и приемы юридической техники / Н. Р. Герасимова, Е. Страхова // Мир науки и образования. – 2015. – № 3. – С. 2. – Текст : непосредственный.

107. **Голев, Н. Д.** Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании / Н. Д. Голев, М. Е. Воробьева. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2017. – 117 с. – Текст : непосредственный.

108. **Голев, Н. Д.** Лингвистические тупики юридической техники / Н. Д. Голев // Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 92–104. – Текст : непосредственный.

109. **Голев, Н. Д.** Сложность vs доступность и понятность языка закона как теоретическая и экспертная проблема / Н. Д. Голев // Вопросы русского языка в

юридических делах и процедурах : сборник трудов конференции, Санкт-Петербург, 18 мая 2021 года. – Санкт-Петербург : Первый класс, 2021. – С. 160–176. – Текст : непосредственный.

110. **Голев, Н. Д.** Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов) / Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика. – 2002. – № 3. – С. 30–42. – Текст : непосредственный.

111. **Голев, Н. Д.** Юридическая терминология в контексте доктринального толкования / Н. Д. Голев // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 138–148. – Текст : непосредственный.

112. **Голев, Н. Д.** Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика. – 1999. – № 1. – С. 12–59. – Текст : непосредственный.

113. **Голев, Н. Д.** Юрислингвистика : вводный очерк теории / Н. Д. Голев. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. – 214 с. – Текст : непосредственный.

114. **Голев, Н. Д.** Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 1. – С. 142–152. – Текст : непосредственный.

115. **Голев, Н.** Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): аспектуализированный обзор / Н. Голев, К. Лоншакова // Юрислингвистика. – 2023. – № 29. – С. 86–97. – Текст : непосредственный.

116. **Головкин, Р. Б.** Иллюзии в праве / Р. Б. Головкин // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 1. – С. 123–128. – Текст : непосредственный.

117. **Головкин, Р. Б.** Механизм морально-правового регулирования частной жизни / Р. Б. Головкин // Вестник ИГЭУ. – 2005. – Вып. 2. – С. 109–114. – Текст : непосредственный.

118. **Головкин, Р. Б.** Право в системе нормативного регулирования современного российского общества : монография / Р. Б. Головкин. – Владимир : ВГПУ, 1999. – 124 с. – Текст : непосредственный.

119. Государственный язык России: нормы права и нормы языка / под ред. С. А. Белова, Н. М. Кропачева. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. – 130 с. – Текст : непосредственный.

120. Государство, право, общество в условиях глобализирующегося мира : монография / под ред. А. В. Захарова. – Москва : Проспект, 2017. – 333 с. – Текст : непосредственный.

121. **Грачев, М. А.** Судебно-лингвистическая экспертиза : учебник / М. А. Грачев. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2016. – 360 с. – Текст : непосредственный.

122. **Гримм, Д. Д.** Юридическое отношение и субъективное право / Д. Д. Гримм. – Санкт-Петербург : Типография Правительствующего сената, 1897. – 37 с. – Текст : непосредственный.

123. **Груздев, В. В.** Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования / В. В. Груздев // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 2. – С. 297–310. – Текст : непосредственный.

124. **Губаева, Т. В.** Русский язык в судебных актах : научно-практическое пособие / Т. В. Губаева. – Москва : РАП, 2010. – 180 с. – Текст : непосредственный.

125. **Губаева, Т. В.** Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – Москва : Норма, 2004. – 160 с. – Текст : непосредственный.

126. **Гэлбрейт, Дж.** Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2004. – 602 с. – Текст : непосредственный.

127. **Гюльвердиев, Р. Б.** К вопросу об экспликации термина «юридическая конвергенция» / Р. Б. Гюльвердиев // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 220–223. – Текст : непосредственный.

128. **Гюльвердиев, Р. Б.** Лингвоюридическая конвергенция: внешнеторговый дискурс / Р. Б. Гюльвердиев // Юридические исследования. – 2020. – № 2. – С. 44–58. – Текст : непосредственный.

129. **Гюльвердиев, Р. Б.** Формы и методы юридической конвергенции в сфере внешнеэкономической деятельности: теоретический аспект / Р. Б. Гюльвердиев // Диалог. – 2016. – № 2. – С. 26–34. – Текст : непосредственный.

130. **Гюльвердиев, Р. Б.** Юридическая конвергенция как основной инструмент в построении правовой глобализации / Р. Б. Гюльвердиев // Научный поиск. – 2015. – № 1.4. – С. 71–73. – Текст : непосредственный.

131. **Гюльвердиев, Р. Б.** Юридическая конвергенция: некоторые лингво-юридические аспекты экономической безопасности / Р. Б. Гюльвердиев, Т. Г. Павелина // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4. – С. 137–146. – Текст : непосредственный.

132. **Гюльвердиев, Р. Б.** Юридическая техника и техника реализации юридической конвергенции: вопросы этимологии / Р. Б. Гюльвердиев // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 10. – С. 29–33. – Текст : непосредственный.

133. **Давид, Р.** Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. – Москва : Международные отношения, 1999. – 398 с. – Текст : непосредственный.

134. **Давид, Р., Жоффре-Спинози, К.** Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова ; Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – Москва : Международные отношения, 1999. – 398 с. – Текст : непосредственный.

135. **Давыдова, М. Л.** Нормативно-правовое предписание : природа, типология, технико-юридическое оформление / М. Л. Давыдова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2009. – 213 с. – Текст : непосредственный.

136. **Давыдова, М. Л.** Структура языка права : филологические и юридические аспекты / М. Л. Давыдова // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 40–47. – Текст : непосредственный.

137. **Давыдова, М. Л.** Языковые правила юридической техники: разумность и обязательность их соблюдения / М. Л. Давыдова // Юрислингвистика. – 2023. – № 27. – С. 49–55. – Текст : непосредственный.

138. **Денисов, Г. И.** Юридическая техника: теория и практика / Г. И. Денисов // Журнал российского права. – 2005. – № 8. – С. 86–96. – Текст : непосредственный.

139. **Донскова, Ю. В.** Лингвистические аспекты юридической техники (на примере функционирования слова «заведомо» и конструкции «знал или должен был знать» в Гражданском кодексе РФ) / Ю. В. Донскова // Юрислингвистика. – 2023. – № 28. – С. 54–61. – Текст : непосредственный.

140. **Жинкин, С. А.** К вопросу о классификации видов эффективности правовых норм в современном российском праве / С. А. Жинкин // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 2–5. – Текст : непосредственный.

141. Законодательная техника : научно-практическое пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. – Москва : Городец, 2000. – 272 с. – Текст : непосредственный.

142. **Залоило, М. В.** Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства / М. В. Залоило // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 27–49. – Текст : непосредственный.

143. **Захарова, М. В.** Конвергенция и конкуренция правовых систем мира / М. В. Захарова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 19–27. – Текст : непосредственный.

144. **Захарова, М. В.** Сравнительное правоведение : вопросы теории и практики : монография / М. В. Захарова. – Москва : Проспект, 2014. – 156 с. – Текст : непосредственный.

145. **Звеков, В. П.** Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звеков. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 392 с. – Текст : непосредственный.

146. **Золян, С. Т.** Прагмасемантика и философия языка / С. Т. Золян, Г. Л. Тульчинский, В. Е. Чернявская ; под ред. С. Т. Золяна. – Москва : ЯСК, 2024. – 328 с. – Текст : непосредственный.

147. **Зорина, Е. М.** Лингвистические особенности юридических текстов / Е. М. Зорина // Юрислингвистика. – 2024. – № 34. – С. 20–25. – Текст : непосредственный.

148. **Иванова, С. А.** Конвергенция частного и публичного права в современном законодательстве Российской Федерации / С. А. Иванова, В. В. Гребенников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 18–25. – Текст : непосредственный.

149. **Исаев, И. А.** Симулякры: виртуальная реальность закона / И. А. Исаев // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 5. – С. 30–40. – Текст : непосредственный.

150. **Кабанов, П. А.** Юридико-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы НПА и проектов НПА / П. А. Кабанов // NB: Административное право и практика администрирования. – 2014. – № 3. – С. 61–71. – Текст : непосредственный.

151. **Калиниченко, П. А.** Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права Европейского Союза на решения российских судов) / П. А. Калиниченко // Lex Russica (Русский закон). – 2013. – Т. 95. – № 11. – С. 1224–1234. – Текст : непосредственный.

152. **Каменева, Н. А.** Функционирование юридической терминологии в англоязычных правовых текстах и трудности ее перевода на русский язык / Н. А. Каменева // Русский лингвистический бюллетень. – 2022. – № 2. – Текст : непосредственный.

153. **Камышева, С. Ю.** К вопросу о статусе русского языка в Республике Армения / С. Ю. Камышева, С. С. Масисян // Проблемы современной русистики. – 2023. – Т. 15. – № 11. – С. 22–38. – Текст : непосредственный.

154. **Капустина, М. А.** Правовое регулирование и правоустановительная техника: языковые приемы формулирования юридических предписаний / М. А. Капустина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 3. – С. 121–129. – Текст : непосредственный.

155. **Карнаушенко, Л. В.** Диалектика правопонимания «восточной» и «западной» парадигмы восприятия правосудия в российском обществе / Л. В. Карнаушенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 4. – С. 132–135. – Текст : непосредственный.

156. **Кашанина, Т. В.** Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – Москва : Норма, ИНФРА-М, 2011. – 495 с. – Текст : непосредственный.

157. **Каширкина, А. А.** Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ : монография / А. А. Каширкина, А. Н. Морозов ; отв. ред. А. Я. Капустин. – Москва : ИЗиСП : Контракт, 2012. – 368 с. – Текст : непосредственный.

158. **Керимов, Д. А.** Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права : монография / Д. А. Керимов. – 6-е изд. – Москва : Издательство СГУ, 2011. – 520 с. – Текст : непосредственный.

159. **Киосе, М. И.** Оязыковление, метакоммуникация и конвергенция понимания (сводный реферат) / М. И. Киосе // Метод. – 2019. – № 9. – С. 272–284. – Текст : непосредственный.

160. **Кириленко, В. П.** Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9. – С. 168–182. – Текст : непосредственный.

161. **Клочкова, Ю. А.** Влияние современной конвергенции на политико-правовые институты: теоретико-методологический анализ правового и политического взаимодействия / Ю. А. Клочкова // История государства и права. – 2012. – № 13. – С. 2–4. – Текст : непосредственный.

162. **Клочкова, Ю. А.** Конвергенционные правовые системы как результат современной глобализации / Ю. А. Клочкова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 4. – С. 6–10. – Текст : непосредственный.

163. **Клочкова, Ю. А.** Правовая конвергенция и дивергенция в условиях глобализации : теоретико-методологические аспекты / Ю. А. Клочкова // Философия права. – 2010. – № 2. – С. 41–44. – Текст : непосредственный.

164. **Кожевников, В. В.** Проблемы методологии теории государства и права в современной российской юридической науке: критический анализ / В. В. Кожевников // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2009. – № 3. – С. 5–12. – Текст : непосредственный.

165. **Козлова, Т. А.** Китайский язык в юридическом дискурсе : учебное пособие для студентов юридических факультетов / Т. А. Козлова, Н. Ю. Чечина. – Москва : МГЛУ, 2021. – Ч. 1. – 142 с. – Текст : непосредственный.

166. **Кондратьев, П. Б.** Проблема несовпадения смыслового объема юридических терминов и их эквивалентов в русском и английском языках права / П. Б. Кондратьев // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2. – С. 260–263. – Текст : непосредственный.

167. **Кононенко, А. П.** Лингвистическое исследование развития языка права в свете глобализации современного общества / А. П. Кононенко, Л. А. Недосека // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 6. – С. 164–167. – Текст : непосредственный.

168. **Коршунов, Н. М.** Конвергенция частного и публичного права : проблемы теории и практики / Н. М. Коршунов. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 238 с. – Текст : непосредственный.

169. **Косоногова, О. В.** Специальный юридический язык как инструмент взаимодействия языка и права / О. В. Косоногова, М. В. Малащенко // Universum: филология и искусствоведение. – 2014. – № 7. – С. 4. – Текст : непосредственный.

170. **Кравчук, Ю. С.** Роль юрислингвистики в билингвальном исследовании концептов (на примере концепта «недвижимость» / «realty» в русской и английской национальных языковых картинах мира) / Ю. С. Кравчук // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 17. – С. 85–94. – Текст : непосредственный.

171. **Краснов, Ю. К.** Юридическая техника / Ю. К. Краснов, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулла. – Москва, 2014. – 536 с. – Текст : непосредственный.

172. **Краснова, П. В.** Сравнительно-правовой анализ перспектив создания Евро-Азиатского суда и Суда БРИКС по правам человека / П. В. Краснова // Научные записки молодых исследователей. – 2016. – № 3. – С. 65–69. – Текст : непосредственный.

173. **Кропачев, Н. М.** Государственный язык Российской Федерации — понятный русский язык / Н. М. Кропачев, С. А. Кузнецов // Мир русского слова. – 2020. – № 2. – С. 7–13. – Текст : непосредственный.

174. **Кузнецов, Н. А.** Правовая мысль Востока в контексте российского общетеоретического правоведения / Н. А. Кузнецов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4. – С. 31–38. – Текст : непосредственный.

175. **Кузьмин, И. М.** Правовые иллюзии и машиночитаемое право / И. М. Кузьмин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 3. – Текст : непосредственный.

176. **Курчинская-Грассо, Н. О.** Особенности и основные характеристики юридического английского языка / Н. О. Курчинская-Грассо // Litera. – 2020. – № 12. – С. 177–182. – Текст : непосредственный.

177. **Кучаков, Р. К.** Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов : аналитическая записка / Р. К. Кучаков, Д. А. Савельев. – Санкт-Петербург : ИПП ЕУСПб, 2018. – 20 с. – Текст : непосредственный.

178. **Кэюнь, Д.** К проблеме русского заимствования в юридическом китайском языке и перевода юридических словарей / Д. Кэюнь // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2021. – Т. 40. – № 2. – С. 246–252. – Текст : непосредственный.

179. **Лановая, Г. М.** Механизмы действия современного права / Г. М. Лановая // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 3. – С. 64–67. – Текст : непосредственный.

180. **Лаптева, Л. Е.** Культурный код России в историко-правовых исследованиях / Л. Е. Лаптева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2024. – № 12. – С. 145–153. – Текст : непосредственный.

181. **Лебедева, Н. Б.** О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) / Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 50–64. – Текст : непосредственный.

182. **Лундмарк, Т.** Очерки сравнительного правоведения / Т. Лундмарк. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2022. – 604 с. – Текст : непосредственный.

183. **Маланина, Н. В.** Язык закона как особый юридический язык (на материале текстов законодательных актов Алтайского края) / Н. В. Маланина // Ползуновский вестник. – 2006. – № 3-1. – С. 105–113. – Текст : непосредственный.

184. **Малько, А. В.** Механизм правового регулирования: лекция / А. В. Малько // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 54–62. – Текст : непосредственный.

185. **Малько, А. В.** Правовые средства как общетеоретическая проблема / А. В. Малько // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 4–16. – Текст : непосредственный.

186. **Малько, А. В.** Правовые средства: вопросы теории и практики / А. В. Малько // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66–77. – Текст : непосредственный.

187. **Мамедов, Э. Ф.** Язык закона: к вопросу о значении терминов и дефиниций в текстах нормативных правовых актов / Э. Ф. Мамедов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1. – С. 163–168. – Текст : непосредственный.

188. **Мартыненко, И. А.** Корпусная лингвистика как инструмент для изучения юридической лексики / И. А. Мартыненко, О. Г. Злобина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 11. – С. 88–98. – Текст : непосредственный.

189. **Мартынова, Н. А.** Язык права как уникальное явление / Н. А. Мартынова // Филологический аспект. – 2025. – № 1. – Текст : непосредственный.

190. **Марьясис, И. В.** Исследование теоретико-методологических подходов к цифровизации юрислингвистики / И. В. Марьясис // Инновационная наука. – 2024. – № 12-1-1. – С. 177–182. – Текст : непосредственный.

191. **Матузов, Н. И.** Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Дело, 2017. – 525 с. – Текст : непосредственный.

192. **Мельник, Н.** Правовые ценности в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России и Китая (на материале аксиологемы «историческая память») / Н. Мельник, Е. Никифорова // Юрислингвистика. – 2025. – № 35. – С. 76–82. – Текст : непосредственный.

193. Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта : монография / под общ. ред. В. В. Сдобникова. – Нижний Новгород : НГЛУ, 2017. – 239 с. – Текст : непосредственный.

194. **Микаэлян, Р. С.** Гармонизация нормативно-правовой базы научно-технического сотрудничества Российской Федерации и Европейского Союза / Р. С. Микаэлян // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2021. – Т. 1. – № 3. – С. 218–224. – Текст : непосредственный.

195. **Минц, Б. И.** Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях / Б. И. Минц // Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 69–74. – Текст : непосредственный.

196. **Мирошник, С. В.** Источник права и форма права: соотношение понятий / С. В. Мирошник // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 35–37. – Текст : непосредственный.

197. **Муромцев, Г. И.** Юридическая техника: некоторые теоретические аспекты / Г. И. Муромцев // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 9–20. – Текст : непосредственный.

198. Научные концепции развития российского законодательства / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова [и др.]. – 7-е изд. – Москва : Издательский дом «Юриспруденция», 2015. – 544 с. – Текст : непосредственный.

199. Национальные особенности и перспективы унификации частного права стран БРИКС : учебник : в 2 т. / под ред. К. М. Беликовой. – Москва : РУДН, 2015. – Т. 2. – 582 с. – Текст : непосредственный.

200. **Нерсесянц, В. С.** Общая теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / В. С. Нерсесянц. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 547 с. – Текст : непосредственный.

201. **Нерсесянц, В. С.** Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире / В. С. Нерсесянц // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 38–47. – Текст : непосредственный.

202. **Никонова, Ю. А.** Лингвистический аспект юридико-технического совершенствования правоприменительных актов органов внутренних дел / Ю. А. Никонова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – № 4. – С. 96–103. – Текст : непосредственный.

203. **Новиков, А. М.** Методология научного исследования / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – Москва : Либроком, 2010. – 275 с. – Текст : непосредственный.

204. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, А. И. Абрамова [и др.]. – 5-е изд. – Москва : ИЗиСП, 2019. – 88 с. – Текст : непосредственный.

205. Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. – Нижний Новгород : Высшая школа МВД, 1993. – 544 с. – Текст : непосредственный.

206. **Оглезнев, В. В.** «Открытая текстура» юридического языка и кластерные понятия / В. В. Оглезнев // Право и политика. – 2019. – № 8. – С. 68–75. // Право и политика. – 2019. – № 9. – С. 68–75. – Текст : непосредственный.

207. **Оглезнев, В. В.** Аналитическая философия, юридический язык и философия права : монография / В. В. Оглезнев, В. А. Суровцев. – Томск : Издательство Томского университета, 2016. – 235 с. – Текст : непосредственный.

208. **Оглезнев, В. В.** Юридический язык и аналитическая философия права / В. В. Оглезнев // Философия права. – 2014. – № 3. – С. 7–10. – Текст : непосредственный.

209. **Оглезнев, В. В.** Юридический язык, аскриптивные высказывания и правоприменение / В. В. Оглезнев // Право и политика. – 2016. – № 8. – С. 986–992. – Текст : непосредственный.

210. **Пакерман, Г. А.** Методы унификации права на примере правового регулирования иностранных инвестиций / Г. А. Пакерман // Журнал российского права. – 2008. – № 9. – С. 95–106. – Текст : непосредственный.

211. **Парфенов, А. А.** О правовой коммуникативной компетенции / А. А. Парфенов // Право и политика. – 2019. – № 2. – С. 1–13. – Текст : непосредственный.

212. **Пахонина, Е. В.** К вопросу о проблеме взаимосвязи языка и права / Е. В. Пахонина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 2. – С. 1–5. – Текст : непосредственный.

213. **Петкилев, П. И.** Псевдопонятность юридического дизайна / П. И. Петкилев // Юрислингвистика. – 2025. – № 36. – С. 30–34. – Текст : непосредственный.

214. **Петрова, И. Л.** Текст как объект и предмет юрислингвистического анализа : учебное пособие / И. Л. Петрова. – Владимир : Издательство ВлГУ, 2021. – 220 с. – Текст : непосредственный.

215. **Пиунов, В. Р.** Соотношение понятий «ясность», «понятность», «доступность» и «простота» языка и права / В. Р. Пиунов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2023. – № 3. – С. 14–22. – Текст : непосредственный.

216. **Поленина, С. В.** Юридическая техника и правовая технология: теория, практика, преемственность / С. В. Поленина // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 387–390. – Текст : непосредственный.

217. **Полунина, Е. В.** Лингвистические и лингвокультурные особенности перевода юридических текстов / Е. В. Полунина // Вестник науки. – 2023. – Т. 4. – № 12. – С. 949–954. – Текст : непосредственный.

218. **Прадид, О. Ю.** Язык закона: вопросы стилистической квалификации / О. Ю. Прадид // Litera. – 2019. – № 2. – С. 68–77. – Текст : непосредственный.

219. **Пшеничнов, М. А.** К вопросу о концепции гармонизации российского законодательства в контексте международно-правовых стандартов / М. А. Пшеничнов // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 3. – С. 32–34. – Текст : непосредственный.

220. **Ревазов, М. А.** Особенности смыслового наполнения понятия «юридический язык» лингвистами и участниками правовой коммуникации / М. А. Ревазов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2025. – Т. 16. – № 2. – С. 531–544. – Текст : непосредственный.

221. **Рыбаков, В. А.** Критерии определения эффективности права / В. А. Рыбаков // Правоприменение. – 2019. – Т. 3. – № 2. – С. 5–13. – Текст : непосредственный.

222. **Савельев, Д. А.** Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации / Д. А. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 50–74. – Текст : непосредственный.

223. **Саидов, А. Х.** Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / А. Х. Саидов ; под ред. В. А. Туманова. – Москва : Юристъ, 2003. – 441 с. – Текст : непосредственный.

224. **Сергевнин, С. Л.** К вопросу о факторах эффективности позитивного права / С. Л. Сергевнин // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 1. – С. 7–17. – Текст : непосредственный.

225. **Синченко, Г. Ч.** Язык права. Статья I. Призрак многослойности / Г. Ч. Синченко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 4. – С. 63–70. – Текст : непосредственный.

226. **Скурко, Е. В.** Конвергенция и дивергенция правовых систем в эпоху трансформаций / Е. В. Скурко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. – 2024. – № 4. – С. 138–148. – Текст : непосредственный.

227. **Скурко, Е. В.** Язык права / Е. В. Скурко. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 144 с. – Текст : непосредственный.

228. Сложность российских законов: опыт синтаксического анализа / А. В. Кнутов, С. М. Плаксин, А. В. Чаплинский [и др.]. – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 311 с. – Текст : непосредственный.

229. **Соколова, Т. И.** Правовые и социокультурные аспекты языковой политики Российской Федерации / Т. И. Соколова // Society and Security Insights. – 2023. – Т. 8. – № 3. – С. 163–173. – Текст : непосредственный.

230. **Сокольская, Л. В.** Взаимодействие правовых культур в историческом процессе / Л. В. Сокольская. – Орехово-Зуево, 2013. – 147 с. – Текст : непосредственный.

231. **Сокольская, Л. В.** Механизм правовой аккультурации / Л. В. Сокольская // Журнал российского права. – 2015. – № 2. – С. 25–34. – Текст : непосредственный.

232. **Сокольская, Л. В.** Рецепция как историческая форма правовой аккультурации / Л. В. Сокольская // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 1. – С. 47–56. – Текст : непосредственный.

233. **Сорокин, В. В.** Юридическая глобалистика : учебник / В. В. Сорокин. – Барнаул : Азбука, 2009. – 581 с. – Текст : непосредственный.

234. **Старжинская, А. Н.** Правовое регулирование системы мер противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в Исламской Республике Иран / А. Н. Старжинская, В. Ф. Васюков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2025. – № 1. – С. 197–205. – Текст : непосредственный.

235. **Сырых, В. М.** Логические основания общей теории права : в 2 т. / В. М. Сырых. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2001. – Т. 1. – 527 с. – Текст : непосредственный.

236. **Сырых, В. М.** Теория государства и права : учебник / В. М. Сырых. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2012. – 704 с. – Текст : непосредственный.

237. **Тарасевич, И. Б.** Технико-юридические средства обеспечения адекватности языка закона / И. Б. Тарасевич // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5. – С. 9–12. – Текст : непосредственный.

238. **Тахтарова, С. С.** Терминообразование в юридическом дискурсе: проблемы перевода (на материале английского и русского языков) / С. С. Тахтарова, И. Д. Исхакова // Казанский вестник молодых ученых. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 52–55. – Текст : непосредственный.

239. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2001. – 776 с. – Текст : непосредственный.

240. Теория государства и права : учебник / под ред. А. А. Клишаса. – Москва : Статут, 2019. – 510 с. – Текст : непосредственный.

241. Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2014. – 715 с. – Текст : непосредственный.

242. **Тихомиров, Ю. А.** Право: прогнозы и риски : монография / Ю. А. Тихомиров. – Москва : ИЗиСП : ИНФРА-М, 2015. – 240 с. – Текст : непосредственный.

243. **Третьякова, О. Д.** Когеренция правовых систем (на примере конституций США, Афганистана и Филиппин) / О. Д. Третьякова // Российский следователь. – 2008. – № 10. – С. 37–40. – Текст : непосредственный.

244. **Третьякова, О. Д.** Конструкция юридической конвергенции / О. Д. Третьякова // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 777–781. – Текст : непосредственный.

245. **Третьякова, О. Д.** Мероопределение конвергенции права / О. Д. Третьякова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 4. – С. 45–49. – Текст : непосредственный.

246. **Третьякова, О. Д.** Методология конвергенции права / О. Д. Третьякова // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 4. – С. 143–150. – Текст : непосредственный.

247. **Третьякова, О. Д.** Понятие и сущность интегративной аккультурации (на примере регламентации прав лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России) / О. Д. Третьякова // Вестник Владимирского юридического института. – 2006. – № 1. – С. 71–74. – Текст : непосредственный.

248. **Третьякова, О. Д.** Теория юридического взаимодействия : конвергенция и дивергенция в праве : курс лекций / О. Д. Третьякова. – Владимир : Издательство ВлГУ, 2019. – 320 с. – Текст : непосредственный.

249. **Третьякова, О. Д.** Франчайзинговая юридическая конвергенция: современное состояние и проблемы развития в России / О. Д. Третьякова, Р. Б. Асадов (Гюльвердиев) // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 1. – С. 167–172. – Текст : непосредственный.

250. **Третьякова, О. Д.** Эпистемология методологии конвергенции права / О. Д. Третьякова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 1. – С. 61–65. – Текст : непосредственный.

251. **Третьякова, О. Д.** Юридическая конвергенция : теория, технология, практика : монография / О. Д. Третьякова ; под ред. Р. Б. Головкина. – Москва : Центр современных образовательных технологий, 2011. – 342 с. – Текст : непосредственный.

252. **Трощинский, П. В.** Правовая система Китая / П. В. Трощинский. – Москва : ИДВ РАН, 2016. – 472 с. – Текст : непосредственный.

253. **Тукебаева, Ж. А.** Проблемы перевода юридической терминологии государственного языка при переводе на русский язык в Республике Казахстан / Ж. А. Тукебаева // Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic. – 2024. – № 1. – С. 37–41. – Текст : непосредственный.

254. **Туранин, В. Ю.** Юридическая терминология в современном российском законодательстве : теоретические и практические проблемы

использования : монография / В. Ю. Туранин. – Москва : Издательство СГУ, 2010. – 259 с. – Текст : непосредственный.

255. **Уздимаева, Н. И.** Язык права и особенности правовых текстов / Н. И. Уздимаева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 2. – С. 145–147. – Текст : непосредственный.

256. **Уманская, В. П.** Юридические технологии: понятие и виды / В. П. Уманская // Правовая культура. – 2012. – № 1. – С. 59–65. – Текст : непосредственный.

257. **Усманова, Е. Ф.** Юридическая техника в процессе систематизации нормативных правовых актов / Е. Ф. Усманова, Г. В. Майорова // Новый университет. Серия: Экономика и право. – 2013. – № 12. – С. 104–106. – Текст : непосредственный.

258. Философия и язык права : монография / под общ. ред. А. Б. Дидикина, В. В. Оглезнева. – Новосибирск : НГУ, 2012. – 200 с. – Текст : непосредственный.

259. **Хабриева, Т. Я.** Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102. – Текст : непосредственный.

260. **Хвостова, А. В.** «Механизм действия права»: содержание понятия / А. В. Хвостова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 24–30. – Текст : непосредственный.

261. **Хропанюк, В. Н.** Теория государства и права : учебник / В. Н. Хропанюк ; под ред. В. Г. Стрекозова. – 5-е изд., стер. – Москва : Омега-Л, 2011. – 323 с. – Текст : непосредственный.

262. **Цвайгерт, К.** Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – Москва : Международные отношения, 1998. – Т. 2. – 510 с. – Текст : непосредственный.

263. **Цвайгерт, К.** Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – Москва : Международные отношения, 1998. – Т. 1. – 478 с. – Текст : непосредственный.

264. **Черданцев, А. Ф.** Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 319 с. – Текст : непосредственный.

265. **Черданцев, А. Ф.** Теория государства и права : учебник для вузов / А. Ф. Черданцев. – Москва : Юрайт, 2002. – 429 с. – Текст : непосредственный.

266. **Чернигова, Е. В.** Язык права в контексте правовой (нормативной) реальности / Е. В. Чернигова // Российское право: образование, практика, наука. – 2025. – № 1. – С. 18–31. – Текст : непосредственный.

267. **Черничкин, Д. А.** Языковая политика Республики Казахстан как механизм конструирования новой национальной идентичности / Д. А. Черничкин // Южно-российский журнал социальных наук. – 2022. – Т. 23. – № 2. – С. 106–128. – Текст : непосредственный.

268. **Чинарян, Е. О.** Язык как средство выражения правовой мысли. Особенности языка законодательства / Е. О. Чинарян // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 1. – С. 20–21. – Текст : непосредственный.

269. **Чумаков, А. Н.** Глобализация. Контуры целостного мира : монография / А. Н. Чумаков. – Москва : Проспект, 2014. – 428 с. – Текст : непосредственный.

270. **Чуфарова, Е. Н.** Юридический язык в дихотомии «язык – речь» / Е. Н. Чуфарова // Право и политика. – 2018. – № 2. – С. 1–7. – Текст : непосредственный.

271. **Шабуров, А. С.** Юридическая терминология и юридические понятия как юридико-технические средства и научно-теоретические категории / А. С. Шабуров // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4–1. – С. 131–145. – Текст : непосредственный.

272. **Швед, Е. Н.** Типология средств и приемов правотворческой техники / Е. Н. Швед // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 3. – С. 97–108. – Текст : непосредственный.

273. **Шестак, Л. А.** Юрислингвистика: типы лингвистических проблем при анализе спорного текста / Л. А. Шестак // Известия Волгоградского

государственного педагогического университета. – 2019. – № 10. – С. 180–184. – Текст : непосредственный.

274. **Шлепнев, Д. Н.** О дидактике юридического перевода: общий очерк / Д. Н. Шлепнев // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 139–143. – Текст : непосредственный.

275. Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. – Москва : Проспект, 2021. – 648 с. – Текст : непосредственный.

276. Юридический перевод : учебное пособие по переводу с английского языка на русский / под ред. П. В. Рыбина. – Москва : Проспект, 2018. – 536 с. – Текст : непосредственный.

277. Язык права : доктрина, практика, тенденции развития : монография / М. В. Баранова, Ю. А. Гаврилова, М. Л. Давыдова [и др.]. – Москва : Русайнс, 2021. – 140 с. – Текст : непосредственный.

278. **Яковенко, Ю. И.** Основные теоретические подходы к определению культурных кодов в социологии / Ю. И. Яковенко, Т. Л. Багаева, А. Ю. Тащенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 19–33. – Текст : непосредственный.

Диссертации и авторефераты диссертаций

279. **Абрамов, А. Е.** Правовая аккультурация : на примере Испании в период Римской республики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Абрамов Алексей Евгеньевич ; Владимирский юридический институт ФСИН. – Владимир, 2005. – 22 с. – Текст : непосредственный.

280. **Аверин, А. С.** Англоязычный популярно-юридический дискурс : жанровые, семантические и прагматические особенности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.04 «Германские языки» / Аверин Артем Сергеевич ;

Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2022. – 23 с. – Текст : непосредственный.

281. **Арнаутова, А. А.** Экспертиза проектов нормативных правовых актов в системе средств повышения их эффективности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Арнаутова Александра Александровна ; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва, 2020. – 184 с. – Текст : непосредственный.

282. **Безбородов, Ю. С.** Методы и формы правовой конвергенции в международном праве : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.10 «Международное право; европейское право» / Безбородов Юрий Сергеевич ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Екатеринбург, 2018. – 433 с. – Текст : непосредственный.

283. **Бикейкина, Н. А.** Лингвоконфликтологическое и юрислингвистическое исследование имени собственного : на материале русских антропонимов : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.01 «Русский язык» / Бикейкина Наталья Андреевна ; Кемеровский государственный университет. – Новосибирск, 2011. – 293 с. – Текст : непосредственный.

284. **Болдырев, С. Н.** Юридические гарантии обеспечения прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел : теоретико-правовой аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Болдырев Сергей Николаевич ; Ростовский юридический институт МВД России. – Ростов-на-Дону, 2001. – 210 с. – Текст : непосредственный.

285. **Василенко, Л. Ю.** Лингвокогнитивный анализ аргументации в тексте судебного решения : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.04 «Германские языки» /

Василенко Лариса Юрьевна ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2011. – 191 с. – Текст : непосредственный.

286. **Воробьева, М. Е.** Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании : на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.01 «Русский язык» / Воробьева Марина Евгеньевна ; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2014. – 24 с. – Текст : непосредственный.

287. **Глинская, Н. П.** Юридическая терминология в разных функциональных стилях английской речи : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.04 «Германские языки» / Глинская Нэлли Петровна ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2002. – 209 с. – Текст : непосредственный.

288. **Зиянгирова, Е. Л.** Основные тенденции развития терминологического инструментария метаязыка юрислингвистики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.01 «Русский язык» / Зиянгирова Екатерина Леонидовна ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2020. – 22 с. – Текст : непосредственный.

289. **Комарова, Р. Н.** Язык закона, лингвистические характеристики : на материале текста Германского гражданского уложения : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.04 «Германские языки» / Комарова Регина Николаевна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2000. – 180 с. – Текст : непосредственный.

290. **Короткова, О. А.** Экспертиза законопроектов и законодательных актов: теоретико-правовой аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» /

Короткова Ольга Анатольевна ; Институт государства и права РАН. – Москва, 2010. – 179 с. – Текст : непосредственный.

291. **Ленчик, В. А.** Механизм действия права : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Ленчик Влада Александровна ; Академия управления МВД России. – Москва, 2002. – 179 с. – Текст : непосредственный.

292. **Лыкова, Н. Н.** Генезис языка права: начальный этап : на материале французских и русских документов X–XV веков : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Лыкова Надежда Николаевна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2005. – 48 с. – Текст : непосредственный.

293. **Малюкова, Е. В.** Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.19 «Теория языка» / Малюкова Елена Вячеславовна ; Бийский педагогический государственный университет имени В. М. Шукшина. – Бийск, 2005. – 177 с. – Текст : непосредственный.

294. **Мамаджанова, Л. М.** Семантико-структурный анализ юридических терминов в английском и таджикском языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Мамаджанова Лола Муминжановна ; Российско-Таджикский славянский университет. – Душанбе, 2006. – 25 с. – Текст : непосредственный.

295. **Мартышко, Н. Ю.** Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.19 «Теория языка» / Мартышко Никита Юрьевич ; Волгоградский государственный социально-

педагогический университет. – Волгоград, 2015. – 201 с. – Текст : непосредственный.

296. **Никитина, Н. К.** Российское законодательство в условиях глобализации : вопросы теории и практики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Никитина Наталья Константиновна ; Институт государства и права РАН. – Москва, 2008. – 27 с. – Текст : непосредственный.

297. **Оглезнев, В. В.** Теория юридического языка в философии права Г. Харта : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук : специальность 09.00.03 «История философии» / Оглезнев Виталий Васильевич ; Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск, 2012. – 39 с. – Текст : непосредственный.

298. **Пантелеева, Т. Ю.** Язык законодательства, его лексические реалии и интерпретации : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.19 «Теория языка» / Пантелеева Татьяна Юрьевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2003. – 160 с. – Текст : непосредственный.

299. **Поповская, В. И.** Коммуникативно-прагматический потенциал юридических текстов: фактор адресата (на материале текстов законов Российской Федерации) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» / Поповская Вера Игоревна ; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2024. – 215 с. – Текст : непосредственный.

300. **Ревазов, М. А.** Конституционные требования к языку нормативных актов и их применение в судебной практике : в 2-х т. : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» / Ревазов Михаил Аркадиевич ;

Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2023. – Т. 1. – 272 с. – Текст : непосредственный.

301. **Софронова, С. А.** Правовое наследие и аккультурация в условиях правового прогресса общества : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Софронова Светлана Аркадьевна ; Нижегородский юридический институт. – Нижний Новгород, 2000. – 30 с. – Текст : непосредственный.

302. **Тарасевич, И. Б.** Адекватность языка закона : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Тарасевич Илья Борисович ; Московский университет МВД России. – Москва, 2017. – 28 с. – Текст : непосредственный.

303. **Тарасова, Т. И.** Проблемы лингводидактики и язык права : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.04 «Германские языки» / Тарасова Татьяна Ильинична ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2003. – 189 с. – Текст : непосредственный.

304. **Тверякова, Е. А.** Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Тверякова Елена Альбертовна ; Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2002. – 28 с. – Текст : непосредственный.

305. **Третьякова, О. Д.** Юридическая конвергенция : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Третьякова Ольга Дмитриевна ; Владимирский юридический институт ФСИН. – Владимир, 2012. – 445 с. – Текст : непосредственный.

306. **Туранин, В. Ю.** Проблемы формирования и функционирования юридической терминологии в гражданском законодательстве Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / Туранин Владислав Юрьевич ; Белгородский государственный университет. – Белгород, 2002. – 186 с. – Текст : непосредственный.

307. **Туранин, В. Ю.** Юридическая терминология в современном российском законодательстве : теоретико-правовое исследование : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Туранин Владислав Юрьевич ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород, 2017. – 437 с. – Текст : непосредственный.

308. **Хабибулина, Н. И.** Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Хабибулина Наталья Ивановна ; Академия МВД России. – Москва, 1996. – 146 с. – Текст : непосредственный.

309. **Шепелев, А. Н.** Язык права как самостоятельный функциональный стиль : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Шепелев Артур Николаевич ; Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. – Тамбов, 2002. – 217 с. – Текст : непосредственный.

310. **Юсипова, И. В.** Право и язык в механизме обеспечения прав человека : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Юсипова Ирина Викторовна ; Владимирский юридический институт ФСИН. – Владимир, 2008. – 180 с. – Текст : непосредственный.

Зарубежные научные и научно-популярные издания

311. **Bygrave, L. A.** Data Privacy Law: An International Perspective / L. A. Bygrave. – Oxford : OUP, 2014. – 266 p. – Text : direct.

312. **Cao, D.** Translating Law / D. Cao. – Clevedon : Multilingual Matters, 2007. – 208 p. – Text : direct.

313. **Gémar, J.-C.** Jurilinguistique: entre langues et droits / Jurilinguistics: Between Law and Language / J.-C. Gémar, N. Kasirer (eds.). – Montréal : Thémis/Bruylant, 2005. – 596 p. – Text : direct.

314. **Gray, C.** International Law and the Use of Force / C. Gray. – 4th ed. – Oxford : OUP, 2018. – 489 p. – Text : direct.

315. **Kuner, C.** Transborder Data Flow Regulation and Data Privacy Law / C. Kuner. – Oxford : OUP, 2013. – 310 p. – Text : direct.

316. Language and the Law / ed. by J. Gibbons. – London ; New York : Longman, 1994. – 490 p. – Text : direct.

317. **Legrand, P.** European legal systems are not converging / P. Legrand // International and Comparative Law Quarterly. – 1996. – Vol. 45. – № 1. – P. 52–81. – Text : direct.

318. **Mattila, H. E. S.** Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas / H. E. S. Mattila. – 2nd ed. – London : Routledge, 2013. – 504 p. – Text : direct.

319. **Mellinkoff, D.** The Language of the Law / D. Mellinkoff. – Eugene : Resource Publications, 2004. – 526 p. – Text : direct.

320. **Monzó-Nebot, E.** Jurilinguistics: ways forward beyond law, translation, and discourse / E. Monzó-Nebot, J. Moreno-Rivero // International Journal for the Semiotics of Law. – 2020. – Vol. 33. – № 2. – P. 253–262. – Text : direct.

321. **Prieto-Ramos, F.** Quality assurance in legal translation: evaluating process, competence and product in the pursuit of adequacy / F. Prieto-Ramos // International Journal for the Semiotics of Law. – 2015. – Vol. 28. – № 1. – P. 11–30. – Text : direct.

322. **Reznikova, A.** Legal linguistics challenges: Legal language adaptation in the framework of the Russian Federation language policy / A. Reznikova, E. Kosareva, O. Dyshekova // E3S Web of Conferences : 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness. – Rostov-on-Don : EDP Sciences, 2021. – Vol. 273. – P. 11034. – Text : direct.

323. **Šarčević, S.** New Approach to Legal Translation : monograph / S. Šarčević. – The Hague : Kluwer Law International, 1997. – 308 p. – Text : direct.

324. **Susskind, R.** Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future / R. Susskind. – Oxford : OUP, 2013. – 208 p. – Text : direct.

325. **Urrutia, A. M.** Jurilinguistics and minority languages: general framework, methodological approach and the case of the Basque language / A. M. Urrutia // International Journal for the Semiotics of Law. – 2020. – Vol. 35. – P. 391–408. – Text : direct.

326. **Zweigert, K.** An Introduction to Comparative Law / K. Zweigert, H. Kötz. – 3rd ed. – Oxford : OUP, 1998. – 714 p. – Text : direct.